This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P SLAV 176.25.7

1814: nos. 6-8

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

P SLAV 176.25.7

1814 no.1.-8

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Vestnik Evropy

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

19947

ИЗДАВАЕМЫЙ

Владиміромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ LXXIV. pt. 74

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1814.

"VESTNIK
EVROPY
1814
no: 6-8"

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Москва Февраля 23 дня 1814 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

-04a
2-IX-1927

PSlav 176.25.7
(1814, no. 6 + 8

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1814.

№ 6.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

HARVARD UNIVERSITY
DEC 27 1933.

Аполлонъ и Дафна, или какъ любятъ поэты.

Повѣсть (*).

Разгнѣванные боги согнали Аполлона съ Олимпа, и заточили его на землѣ. Для облегченія судьбы изгнанника, мать его Латона просила Юпитера воспалить въ немъ любовь къ смертной. „Это свыше власти моей“ отвѣтствовалъ Юпитеръ. „Боги могутъ только любить богинь, а смерт-

(*) Сочиненная на Нѣмецкомъ языкѣ Рамдоромъ.

ныя жены только плѣнить насъ, питаетъ наше тщеславіе, разгорячаетъ воображеніе, но производитъ любовь....“ — Какъ, — перервала Латона, — развѣ это не все равно? — „Конечно нѣтъ; любовь, та любовь, которая сливаетъ существо наше съ другимъ существомъ, предметомъ нашей любви; та любовь, которая предчувствуетъ потребности, угадываетъ склонности, входитъ въ сношенія съ возлюбленною и въ нѣдрахъ общаго блаженства радуется не столько своимъ щастливымъ удѣломъ, сколько ея радостями и любовію: такая любовная страсть, какъ ты можешь видѣть, предполагаетъ равенство въ природѣ“ и проч. — Вотъ Метафизика чувствительности — сказала Латона; — но довольно для сына моего заняться только любовію отъ скуки. — О! до скуки не допустятъ смертныя красавицы, и ему будетъ дѣло.

Аполлонъ увидѣлъ Клитію. Не было въ Аркадіи другой дѣвицы, которая украшалась бы столькими талантами, которая по красотѣ и добродѣтели была бы достойнѣе вниманія бога, — и богъ плѣнился ею. Первое дѣло Аполлона было привлечь ее удивленіемъ къ своимъ талантамъ. Клитія удивлялась имъ, но холодно; сердце ея могло только полюбить качества блестящія. Явное требованіе

хвалы и всегдашняя готовность выказывать свое дарованіе, удаляли отъ него Клитію. Аполлонъ замѣтилъ ея удаленіе; сдѣлался скроменъ и снисходителенъ по другому тонкому тщеславію, — и ему удалось плѣнить Клитію.

Явились соперники; богъ ревновалъ; оскорбленное самолюбіе обратилось въ пылкую страсть. „Какія жертвы могу принести тебѣ“ говорилъ онъ Клитіи „какимъ опытамъ угодно подвергнуть меня для пріобрѣтенія права на твое сердце, для убѣжденія тебя въ истинѣ и силѣ моей любви?“ — Побѣди слабости, — отвѣчала Клитія; будь со дня на день совершеннѣе, а особливо скромнѣе: только этой жертвы требую, только этому опыту подвергаю тебя. Трудись для собственнаго твоего щастія, и оправдай меня въ моемъ выборѣ. — Скоро Аполлонъ преклонилъ Клитію къ признанію въ любви, увѣривъ ее, что онъ достоинъ сего признанія.

Не довольно было для Аполлона владѣть сердцемъ Клитіи; онъ желалъ всякой день болѣе. „Любить есть то же, что забывать самаго себя, чтобы только жить для щастія милаго человѣка!“ такъ разсуждала Клитія, и скоро обтерла слезы, которыхъ ей стоила любовная слабость; но

ея жертва убавила, казалось, щастїя любовника. Аполлоново тщеславїе стремилось къ другимъ наслажденїямъ, — онъ хотѣлъ быть предметомъ боготворенїя — и былъ боготворимъ. Хотѣлъ повелѣвать исключительно, безъ границы — и повелѣвалъ. Хотѣлъ ежедневно новыхъ прелестей, свѣжихъ удовольствїй любви; — но тутъ увидѣлъ *преграду*. Увы! не Клитїя была виновна. Безщастная! она всѣмъ пожертвовала; одна любовь у ней осталась. Но любовь, обратясь въ привычку, ему соскучила; онъ охладѣлъ и оставилъ Клитїю.

Девять дней и девять ночей проводила она въ горести, оплакивая непостоянство любовника; она не вкушала никакой пищи; сонъ не смыкалъ глазъ ея; на десятый день боги сжалились и превратили ее въ тотъ цвѣтокъ, который донынѣ служитъ эмблемою истинной любви. Клитїя, въ разлукѣ съ любовникомъ, увядала въ семъ состоянїи до того времени, какъ боги возвратили Аполлону его божественную лучезарность. Сей блескъ оживилъ ее, и не переставая до сихъ дней обращаться къ неблагодарному, взоры ея издали слѣдуютъ за лучезарнымъ его теченїемъ; въ радости любовника заключается ея радость и отрада.

Но пока боги не возвратили Аполлона на Олимпъ, они осудили его нѣсколько

времени скитаться еще на землѣ. Скука томила его отъ пустоты, всегда оставляемой въ сердцѣ распаленнымъ воображеніемъ. Но скоро пылкій Аполлонъ въ другой разъ влюбился, и влюбился на вѣки.

Какія же превосходныя достоинства предполагать намъ въ той смертной, которая навсегда привязала къ себѣ Аполлона бога? А эта смертная имѣла только одно достоинство, — показываться всегда въ томъ видѣ и съ тѣмъ блескомъ, которые могли плѣнить Аполлона.

Наружная откровенность, и показываемое равнодушіе къ желанію нравиться, съ примѣтнымъ расположеніемъ къ любви исключительной, покрывали тайну ея кокетства, которое умѣло удовлетворять себя. Не льзя было не предполагать въ ней великой чувствительности; ибо, по видимому, она сражалась съ самой собою и съ нею. Не льзя было не предполагать въ ней великаго остроумія; ибо у ней было столько ума, чтобы показывать, что она удерживаетъ и умѣряетъ свою остроту. Не льзя даже было не предполагать въ ней и лишней красоты; ибо видимая беззаботливость о своихъ прелестяхъ украшала ее тою, которая всѣхъ болѣе плѣняетъ сердце — скромностію. Первое свиданіе Дафны

съ Аполлономъ не имѣло ничего похожаго на первое его свиданіе съ Клитіею. Клитія отвѣчала съ осторожностію на привѣтствія бога; Дафна не дожидалась ихъ: она сама изъявила съ дѣтскою почти откровенностію лестное вниманіе къ его красотѣ и его рѣчамъ. Это было для бога нѣчто новое. „Милая красавица!“ говорилъ онъ самъ себѣ; „подобно младенцу, она повинуется одной природѣ; невинная и откровенная душа еще не подозрѣваетъ тѣхъ притворныхъ личинъ, которыми порокъ себя одѣваетъ и которыя такъ несправедливо называются благопристойностію. Воспользуемся симъ расположеніемъ, и займемся пріятнымъ образованіемъ дѣвственнаго сердца! Скучное заточеніе мое усладится сею минутною забавою!“ И Аполлонъ приступилъ къ Дафнѣ. Но хитрая Нимфа, какъ будто бы опомнясь и какъ будто бы стыдясь своей слабости, убѣжала передъ началомъ рѣчи, которую богъ готовъ былъ произнести къ ней.

Аполлонъ не отчаялся. „Не отъ меня бѣжитъ она,“ говорилъ онъ; „бѣжитъ отъ своего собственнаго сердца.“ Такая мысль заманчива; и Дафна умѣла питать ее. При удобномъ случаѣ Аполлонъ объявилъ ей любовь свою. Она выслушала его въ молчаніи. Сильно движущаяся грудь, разгорѣвшійся

на щекахъ румянецъ, обнаруживали ея внутреннее волненіе; какъ вдругъ — она содрагается. Сіе движеніе пробуждаетъ, кажется, усыпленный на часъ разсудокъ, и открываетъ грозящую опасность. Изъ груди ея вылетаетъ тяжкое стенаніе; она возводитъ на небо томный взоръ, призывая небо во свидѣтели сердечнаго сраженія, и бѣжитъ сокрыться въ толпу рѣзвыхъ подругъ своихъ; но среди общаго веселья одна кажется задумчивою; и быстрые взоры, украдкою обращенные на Аполлона, объ намѣреніемъ извѣстіемъ тайно горящую любовь, едва побѣждаемую силою разсудка.

Смирясь передъ великимъ умомъ влюбчиваго бога, Дафна не позволяла себѣ мѣшаться въ разговоръ, когда краснорѣчивый Аполлонъ разсуждалъ. Но глубокое вниманіе въ его рѣчамъ показывало, что она входила во всѣ его мысли, во всѣ его чувства. А когда Богъ не бралъ дѣятельнаго участія въ разговорѣ, Дафна отваживалась выговорить два или три слова кротвимъ и робкимъ голосомъ, который трогалъ сердце. Ея выраженія были заимствованы изъ рѣчей любовника. Но, повторяя слова, она украшала ихъ особенною прелестію чувства и скрывала первый источникъ мыслей. „Какое близкое отношеніе имѣетъ нашъ образъ мыслей и чувства,“ говорилъ

Аполлонъ! „какое сходство между нашими склонностями и характерами! Ахъ! скромность одна лишаетъ насъ удовольствія чаще удивляться ея разуму!“

Богъ Поэзіи выразилъ любовную страсть свою къ Дафнѣ въ стихахъ, которые твердили во всей Аркадіи. Въ одинъ вечеръ, прогуливаясь передъ окномъ красавицы, услышалъ онъ звуки божественнаго голоса, который пѣлъ стихи его, только примѣняемые къ женщинѣ; съ голосомъ женскимъ слилалась томная лира, одушевленная искусною игрою. „Какъ!“ воскликнулъ Аполлонъ; „буду ли ежедневно находить новыя дарованія въ красавицѣ“ и въ полномъ восторгѣ толкнулъ дверь, чтобы упасть къ ногамъ Дафны. Но ее уже не было. Дафна, ожидая сего порыва, при первомъ стукѣ двери изчезла, и за собою увела ту подругу, которая вмѣсто ее играла на лирѣ и пѣла стихи, переложенные по ея прозьбѣ.

Наставшая буря не позволила Аполлону обѣгать всѣ уголки дому; а ночью изломала хижину одного бѣднаго и семейнаго пастуха въ окружности. На другой день Аполлонъ созвалъ своихъ знакомыхъ и друзей, въ прекрасной рѣчи восхвалилъ любовь къ благотворѣнію, и склонилъ ихъ облегчить судьбу нещастныхъ. Собирая самъ подаяніе, онъ

удивился, что Дафна была не щедрѣе многихъ. Но удивленіе обратилось въ радостное восклицаніе, когда, вручая пастухамъ помощь щедраго человѣколюбія, онъ свѣдалъ, что Дафна втайнѣ раздала имъ гораздо болѣе того, что составляла общая сумма. Она запретила о томъ говорить; но взяла мѣры свои, чтобы не льзя было не угадать ея имени.

Такое рѣдкое собраніе дарованій и добродѣтелей воспалило піитическій духъ Аполлона. Скоро воображеніе соединило въ лицѣ Дафны божественныя совершенства. Предметъ боготворенія казался ему столь священнымъ, что передъ нимъ умолкли и тѣ грубыя желанія, которыя съ начала влекли его къ смертной. Онъ молилъ только отца боговъ, да позволитъ Дафна любить себя; да не лишитъ его надежды, за долговременное и постоянное терпѣніе, пользоваться сею взаимною любовію! „Какое сладкое наслажденіе!“ мечталъ богъ Поэзіи, „когда душа забываетъ самаё себя, чтобы парить выше грубой личности; когда всѣ обѣты и способности наши обращаются къ единственной цѣли! Но какое пріятнѣйшее наслажденіе, когда въ сердечныхъ восторгахъ симпатическое влеченіе сливается съ благороднымъ самолюбіемъ! О радость! въ тебѣ предвкушаетъ человѣкъ

блаженство небесное. Безкорыстіе и нѣжность въ любви возносятъ выше смертнаго человѣка, а образъ другаго превосходнѣйшаго существа, непобѣдимой любовію къ нимъ привлеченнаго, равняетъ насъ съ богами.“ — Сими пріятными мечтами Аполлонъ уничтожалъ тайное намѣреніе своихъ гонителей. Боги осудили его скитаться на землѣ; но пламенное воображеніе переносило его въ небеса.

Увы! для чего такое щастіе не долговѣчно? для чего можно только наслаждаться имъ въ отсутствіи, или въ отдаленности предмета любви нашей? отъ чего, въ близости, когда можемъ мы судить вѣрно и видѣть подробно, мечта изчезаетъ, и вмѣсто ея остается только чувство стыда и заблужденія?

Дафна знала сію тайну. Конечество не умствуетъ, но, что гораздо лучше всякаго умствованія, знаетъ свою пользу. Чтобы отсрочить ту минуту, которой надлежало разрушить очарованіе, она удалилась изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ обитала ея любовникъ; удалилась, но вездѣ оставила въ Аркадіи слѣды любви своей и того принужденія, съ которымъ ее побѣждала. Не вѣдомъ мѣстамъ искавъ ту, которой только присутствіе могло возвратишь ему бла-

случіе, часто Аполлонъ находилъ имя свое перевязанное съ именемъ Дафны, и на корѣ деревъ, или на каменныхъ скалахъ, исписанныхъ любовными стихами, угадывалъ ту руку, которая ихъ вырѣзала. Но та же самая рука хотѣла, казалось, изгладить строки и подъ ними начертала обращенія къ добродѣтели, и вѣчную клятву соблюдать ея уставы.

Наконецъ Аполлонъ утомился, и удалясь въ пещеру, посвятилъ дни свои горести, любви к тому мысленному образцу, совершенства, который украшался въ главахъ его именемъ Дафны.

Но можемъ ли долго заниматься отвлеченнымъ предметомъ, мысленнымъ кумиромъ? Нѣтъ всякое поклоненіе требуетъ чувствительнаго предмета. Аполлонъ сочинилъ на досугѣ Романъ, въ которомъ самъ игралъ ролю главнаго героя, а любовница его была главною героинею. Между тѣмъ, чтобы привесть лица въ дѣйствіе и сдѣлать произшествія занимчивыми, надлежало представить богиню сговорчивье, приступнѣе и преклоннѣе къ слабостямъ чувствительной женщины. Сочиненіе Романа укротило немного пылкую страсть его, и возвратило ему спокойствіе духа. Онъ началъ слагать сонеты, *канцоны* и элегіи,

Это заняло его, разсѣяло, успокоило еще болѣе. Романъ его навелъ безсонницу на молодыхъ Аркадскихъ пастушекъ, а стихи его были пѣты на всѣхъ *серенадахъ*, которыми пастухи забавляли своихъ красавицъ. Слава Аполлона разнеслась по Аркадіи; его назвали первымъ Эротическимъ поэтомъ, и первымъ изъ *чувствительныхъ любовниковъ*. Добрые люди тому повѣрили, и самъ Аполлонъ увѣрился въ своемъ достоинствѣ.

Аполлонъ, скрываясь отъ мiра и отъ его шумныхъ забавъ, бесѣдуя съ одною горестiю своею, наслаждался въ одно время и тайно отъ самаго себя сладостiю сердечной нѣги и дѣятельностiю души благородной, мужественной, довольной собою. Страдать для любви, для той страсти, которая болѣе другихъ повелѣваетъ жертвовать личностiю, и производитъ благотворныя для другихъ дѣйствiя — было то же, что страдать для добродѣтели; и Апполонъ почиталъ любовь свою добродѣтелью. Пережить отчаянiе и надежды любви обманутой, любви нещастной — то же, что бороться съ рокомъ и богами, подобно добродѣтельному мужу, подверженному ихъ искушенiямъ; и Аполлону казалось, что онъ представляетъ мiру сiе великое зрѣлище. Самъ онъ удивлялся себѣ, на

человѣку необыкновенному, и онъ изъ мрака своего уединенія разпалялъ умы Аркадскихъ жителей. Одни восхищались; многіе выставляли его въ образецъ другимъ; всѣ занимались имъ. Какое стеченіе обстоятельствъ, лестныхъ для самолюбія, но отнесенныхъ любовію къ лицу Дафны! Аполлонъ, посвящая жизнь своей любовницѣ, научался проводить дни свои въ разлукѣ съ нею. Въ головѣ его заключались только предметъ и цѣль желаній.

Однажды, стоя у своей пещеры, мечтающій богъ увидѣлъ Дафну, простирающую къ нему руки съ высоты ближняго холма. Онъ принялъ ее за видѣніе, но видѣніе сопровождалось такими очевидными знаками истины, что богъ пересталъ сомнѣваться: онъ звалъ ее и взорами и знаками; а она приходила въ нетерпѣніе, видя его колеблющагося. Наконецъ онъ бросился къ ней. Но какъ не спѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ Дафну, Аполлонъ уже не нашелъ ее. Пораженный богъ стоялъ въ изумленіи: кого онъ видѣлъ? тѣнь Дафны, умершей жертвою любви къ нему; или Дафну живую, но осужденную богами гонителями терзать его душу грозными явленіями? Такая неизвѣстность, сама по себѣ ужасная, прибавляла нѣчто таинственное къ его сношеніямъ съ Дафною;

пробуждала любопытство, питала желаніе съ нею увидѣться, доводила до послѣдняго распаленія умъ и воображеніе бога.

Но то, что видѣлъ онъ, то было не мечтаніе и не слѣпое орудіе разгнѣванныхъ боговъ — то была сама Дафна, которая, по собственному побужденію, являлась передъ Аполлономъ. Видя, что онъ проводитъ дни свои покойнѣе, и что любовь къ ней можетъ простыть въ его сердцѣ, Нимфа старалась поддержать пламя. Не одинъ разъ показывалась она съ холма, не допуская его до себя. Кокетство повторяло игру хитрости. Однажды, какъ Дафна немного замѣшкалась, Аполлонъ настигъ ее, и заключилъ въ свои объятія. Напрасно вырывалась она, то склоняясь къ прозьбѣ, то принимая на себя видъ гордости. Въ упоеніи любви и страсти Аполлонъ не внималъ ни чему. „Нѣтъ," говорилъ онъ съ отчаяніемъ, „нѣтъ, Дафна, не разстанусь съ тобою! Я не могу безъ тебя жить; и для чего тебѣ упорствовать? Ты любишь меня, знаю; а я боготворю тебя. Запечатлѣемъ на вѣки любовный союзъ нашъ. О! ты отрада моего краткаго на землѣ зачатія; будь въ то же время радостію и украшеніемъ моего въ небесахъ безсмертія!"

Уже Дафна близка къ тому падѣнію, которому надлежало навсегда разрушить мечтанїе и ея владычество надъ любовникомъ. Она молитъ боговъ, не дать сей любви угаснуть, — и боги исполняютъ ея моленїе: Дафна превращается въ лавровое дерево. Отчаянный богъ падаетъ на колѣни передъ растительнымъ существомъ, погубляющимъ его надежды.

О Юпитерь! воскликнула Латона, твое наказанїе безъ мѣры строго. Не только ты не облегчилъ судьбу моего сына любовію къ смертной, но обратилъ ее въ источникъ жестокаго страданїя для Аполлона.

Не ропщи, отвѣтствовалъ Юпитеръ; страдѣленїе судебъ есть для него благодѣянїе. Та безчувственная кора, въ которую облеклося тѣло Дафны, есть вѣрное подобїе холоднаго сердца, съ которымъ она родилася. Одно ея безстрастїе питало любовь Аполлона; противъ пылкаго воображенїя надобно стоять съ холоднымъ сердцемъ; надобно не имѣть тѣхъ слабостей, до которыхъ доводитъ истинная горячность, чтобы владѣть искусствомъ, и поддержать мечты души распаленной.

Лавровое дерево, которое по видимому погубило радости твоего сына, продолжалъ

Юпитеръ, обезпечитъ на вѣки его щастїе, которое не могло продолжаться болѣе. Оно обратится для него въ память сладкихъ движенїй сердца, кроткихъ жалобъ на судьбу и утѣшительныхъ мечтанїй воображенїя. Ничто не разрушитъ впредь того мнѣнїя, которое онъ составилъ себѣ о характерѣ своей любовницы; всегда она будетъ представляться ему въ образѣ совершенства. Лавровыя вѣтви осѣнятъ божественную главу его, и до позднѣйшихъ вѣковъ останутся предметомъ и наградою того поклоненїя, которое поэты не престанутъ воздавать любви и красотѣ.

О Руссо! о Петрарка!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Воейкову.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ — другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата;
Поставь въ мой уголъ посохъ свой
И умиленною мольбой
Почти домашняго Пената!
Садись — вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившимъ Небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы,
Ты видѣлъ, другъ, пути кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И хлѣбъ водою запивая,
Хвала умѣренность златая!
Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ:
Ты видѣлъ Азіи предѣлы!
Ты зрѣлъ Ордынцовъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель;

Задумчивый развалинъ житель,
Во днахъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Башня новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство Христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій!
Тамъ вѣчно *то же и одно;*
Всему свой часъ: труду, бездѣлью!
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ;
Тамъ видя *щастіе въ покоѣ*,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое.
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей
Хранимы сердцемъ матерей
Тамъ дѣвы простотой щастливы,
А юноши трудолюбивы,
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ въ Божій вшедши храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья. . .
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ тайну искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ? . . .
Все тихо . . . полночь . . . нѣтъ движенья!
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ - благовѣститель
Провозгласитъ: *Воскресъ Спаситель!* . . .

И вдругъ во мглѣ, средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою Ангелъ - пробудитель,
Нисходитъ гласъ! . . . олтарь горитъ . . .
И братья пади на колѣни,
И гимнъ торжественный гремитъ! . . .
И вотъ пошли въ усопшихъ сѣни (*)!
О сердце трогающій видъ!
Въ тѣни тополей, липъ вѣтвистыхъ,
Густыхъ березъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ,
И Вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила . . .
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все . . . отверстый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ мнится, тайна искупленья
Свершается въ сей самый часъ —
Торжественный покоящихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье,
Принесшихъ къ нимъ воспоминанья
И жертву умиленныхъ слезъ,
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье:
Все живо, полно Божества. . . .
И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Приходятъ дружескія тѣни

(*) У Евангелическихъ братьевъ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія служатъ на кладбищѣ.

И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *Воскресъ Спаситель!*
Сердцамъ: *воистинну!* гласитъ,
И самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель!
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто притаясь на брегѣ,
Чеченецъ, иль Черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой съ гибельнымъ арканомъ,
И въ далекѣ передъ тобой
Одѣты голубымъ туманомъ
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой!
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Вселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями;
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все величіе творенья!
И тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камукинецъ,

И Карбулакъ, и Абазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ (*).
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь, соратникъ быстроногій,
Ихъ и сокровище и Боги!
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за ушеса,
Или по топкимъ берегамъ
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ!
Скалы — свободы ихъ пріютъ!
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни;
Тамъ жизнь ихъ сонъ. Стѣснясь въ кружокъ,
И въ братской съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ;
Иль славятъ мешкія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы. . . .
Ты видѣлъ Дона берега,
Ты зрѣлъ, какъ онъ поитъ шелковы
Необозримые луга,
Оплешевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся стуговъ;
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;

(*) Народы, обитающіе въ Кавказскихъ горахъ; по большей части Магомешане.

Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляли Донъ,
Спокойствіе станицъ щастливыхъ,
Вождей и коней ихъ ретивыхъ;
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу вихря-Атамана;
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ окруженный стариками,
И Витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.

И днесь ты дружества рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнить призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы, гости молодые,
У милой жизни на пиру,
Изъ полной чаши радость пили,
И, щастье *наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару.
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же *сбудется* оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что здѣсь намъ суждено!
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ!
Одинъ уходимъ за другимъ ....
Другъ, оглянись... еще нѣтъ брата (*)! ...
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ,
Пустѣй дорога передъ нами! ...
Но такъ и быть! ... здѣсь твой поэтъ

(*) Поэтъ говоритъ здѣсь объ незабвенномъ Андреѣ Сергеевичѣ Кайсаровѣ, убитомъ въ сраженіи съ Французами, въ Маѣ 1813 года.

Съ смиренной Музою, съ друзьями
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше — солнышко — краса
Владиміръ Князь съ богатырями;
Вотъ темны Муромски лѣса;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ,
И басурмановъ тьмы, какъ пруги
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и колчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей,
Далеко слышенъ гулъ дрожащей;
Вотъ дивною покрытъ броней
Добрыня — богатырь - могучій
И конь его златокопытъ,
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зиланшовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И вмигъ дѣвица - краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ за нимъ летитъ душою;
Склонася на руку главою
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьѣ говоритъ:
О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,

„Ты не принесъ веселья мнѣ!
„Играй съ касаткой въ вышинѣ
„По поднебесью съ облаками,
„По синю морю съ кораблями —
„Стрѣлу пернатую отрѣй
„Отъ друга радости моей!“ . . . —
Краса-дѣвица поетъ, плачетъ,
А другъ по холмамъ, доламъ скачетъ,
Летя за тридевять земель!
Ему сыра земля постель,
Подушка щитъ, ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ бабою-ягой;
Тамъ изъ ручья, съ живой водой
Подъ стражей змѣя шестиглава
Кувшиномъ черпаетъ златымъ!
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня,
Тамъ заслоняетъ путь Горыня,
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣекъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный,
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный;
Чѣмъ ближе онъ, тѣмъ далѣ свѣтъ!
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ,
То слышится русалки хохотъ,
То вдругъ изъ за сѣдаго пня
Выходитъ лѣшій козлоногій,
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Волшебный замокъ Царь-дѣвицы!
Красою бѣлыя — колдицы
Двенадцать дѣвъ къ нему идутъ,
И гимнъ веселія поютъ. . . .
А онъ . . . Но что? куда мечтами
Я занесенъ тебѣ во слѣдъ?

Ты чародѣй, а не поэтъ!
Ты всемогущими стихами
Воздвигнулъ падшій геній мой. . .
Какъ древле статуя Мемнона
Звучала арфой Аполлона,
Когда главы ее пустой
Касалось дневное сіянье,
Такъ я прочтя твое Посланье (*),
Готовъ запѣть, готовъ дерзнуть
За обольстительною славой! —
Что сдѣлалъ ты, пѣвецъ лукавой!
Мою ты душу погубилъ!
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предрѣчь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой (*)?
Признайся ль, другъ! Смотрю въ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы!
И мнится перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ судьба ужь написала!
Чтобъ ни было! . . . сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала?
Она твоя! Молись судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы!
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,

(*) Напечатанное въ Вѣстникѣ Европы 1813 года.

(*) Это мѣсто темно для тѣхъ, кто не читалъ сихъ осьми стиховъ, написанныхъ на бѣлой книгѣ, въ которой будетъ твориться Руская Поэма въ родѣ Виландова Оберона.

За быль расказанныя мной,
То знай, что щастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья
Веселый здѣсь, въ тотъ міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный Ангелъ вдохновенья! . . .
Но, другъ! быть можетъ . . . какъ узнать?
Она останется пуста,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья. . . .
Прими ее — и пожалѣй!

Жуковскій.

29 Января 1814.

Мужикъ, мыши и котъ.

Б а с н я.

У мужика въ чуланѣ сыръ хранился.
Но всякой день находитъ онъ,
Что мыши сыръ его со всѣхъ сторонъ
Скребутъ и портятъ. Вотъ мужикъ за умъ
хватился!
Несетъ кота въ чуланъ,
И съ сыромъ запираетъ.

Теперь заплотите плутовки за изъянъ,
Съ собою разсуждаетъ:
Мой котъ васъ всѣхъ переберетъ! —
Дня два спустя, смотрѣть свой сыръ приходитъ.
Чтожъ? . . . сыру вовсе не находитъ;
Съѣлъ котъ! —

Куда какъ худо поступаютъ,
Что иногда воровъ къ ваpищкамъ приставляютъ!

Мздрфъ.

Симбирскъ.

II. НАУКИ.

Три великіе Натуралиста.

(Прислано изъ Екатеринбурга.)

1.

Добантонъ.

Луи-Жанъ-Марія Добантонъ, славный Натуралистъ и Анатомистъ, родился въ Монбарѣ въ 1617, а умеръ въ Парижѣ 1800. Бюффонъ, родившійся въ одномъ съ нимъ городѣ и знавшій его проницательность и строгость сужденія, пригласилъ его въ Парижъ около 1740, для вспомоществованія ему въ сочиненіи великаго творенія Натуральной Исторіи животныхъ. Добантону поручена была часть описательная и анатомическая. Онъ обработалъ ее съ удивительною точностію, которая дѣлаетъ ее драгоцѣнною для ученыхъ людей. Вмѣстѣ съ этимъ Бюффонъ поручилъ ему привести въ порядокъ Кабинетъ Натуральной Исторіи и смотрѣть за онымъ. Добантонъ положилъ основаніе тому блестящему состоянію, въ которомъ сіе богатое собраніе теперь находится. Его усердіе къ наукамъ учредило въ 1775 въ Коллегіи Французской (Col-

lege de France) кафедру Натуральной Исторіи, первую въ семъ родѣ заведенную въ Парижѣ. Онъ отправлялъ здѣсь должность Профессора до конца своей жизни и былъ также нѣсколько времени Профессоромъ въ школѣ нормальной и ветеринарной въ Альфортѣ.

Франція много ему обязана за безконечныя въ продолженіи 30 лѣтъ стараніи размножить въ сей землѣ тонкошерстныхъ овецъ Испанской породы. Сочиненія, въ которыхъ онъ описалъ образъ ихъ воспитанія суть лучшія правила, по которымъ земледѣльцы могутъ поступать въ семъ случаѣ.

Добантонъ печаталъ въ разныя времена въ замѣчаніяхъ Парижской Академіи и въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ Обществъ записки о различныхъ предметахъ Натуральной Исторіи, Анатоміи и землепашества; всѣ они отличаются высокими намѣреніями и точными заключеніями. Онъ наслаждался долгою жизнію (*).

(*) Добантонъ извѣстенъ, не меньше какъ Минералогъ и соревнователь славы Вернера и Гаю по своимъ Минералогическимъ таблицамъ. (Tableau methodique des mineraux. Paris 1813.) *Примѣч. Пер.*

2.

Доломье.

Деодатъ де Градe Доломье, родившійся въ Дофинѣ 1750, съ самой колыбели былъ принятъ въ Орденъ Мальты. Заключенный на семъ островѣ, по слѣдствію одного нещастнаго произшествія, онъ предался, для избѣжанія скуки, изученію Физическихъ наукъ, и сіе обстоятельство имѣло вліяніе на остатокъ его жизни. 25-лѣтъ его сдѣлали корреспондентомъ Академіи Наукъ. Тогда, оставивъ службу, провелъ онъ многіе годы въ путешествіяхъ на Етну, Везувій, Апенины, Альпы и на острова Липарскіе, которыхъ выдалъ описаніе. Онъ отправился въ Калабрію, спустя нѣсколько времени послѣ нещастія, 1783 года, и написалъ замѣчанія о семъ произшествіи. Французская революція не отвлекла его отъ Наукъ. Въ 1792 онъ былъ свидѣтелемъ смерти своего [illegible]та Дюка де Рошфуко, и будучи самъ изгнанникомъ, не устрашился открыть его убійцъ въ *замѣчаніяхъ о Физическомъ образованіи Египта.* (Mémoire sur la constitution Physique de l'Egypte.) Послѣ сего онъ сдѣланъ Профессоромъ Геологіи въ Горной школѣ. Въ 1797 отправился съ Египетскою экспедиціей и находился при мирныхъ переговорахъ, которыхъ слѣдствіемъ

была сдача острова Мальты. Здоровье его не позволяло ему оставаться долго въ Египтѣ. На возвратномъ пути, занесенный бурею въ заливъ Тарентскій во время непріятельскихъ дѣйствій противъ Французовъ, онъ былъ остановленъ съ своимъ товарищемъ, лишенъ коллекцій, бумагъ и едва не умерщвленъ. Его отправили въ Мессину и бросили въ темницу, какъ измѣнника Ордена, котораго онъ былъ Членомъ. Тщетно правительство Французское, Институтъ, Королевское Лондонское Общество, ученые люди въ Европѣ и самъ Король Испанскій возставали противъ сего поступка, противнаго правамъ человѣчества. Онъ обязанъ былъ свободою своей сраженію при Маренго и переговорамъ, даровавшимъ миръ Королю Неаполитанскому. Доломье, во время своего задержанія былъ сдѣланъ Профессоромъ Минералогіи въ Музеумъ Натуральной Исторіи. Едва онъ возвратился и прочиталъ здѣсь курсъ Минералогической Философіи, какъ отправился для послѣдняго путешествія на высокія Альпы, которыя называлъ своими любезными горами (chéres montagnes). Возвратившись оттуда, онъ сдѣлался больнъ и умеръ въ концѣ 1801 года, въ то время, когда хотѣлъ предпринять новыя путешествія и новыя розысканія, имѣя въ виду предложить непровергаемымъ об-

разомъ начала *Минералогической Философіи*, сочиненія, начатаго во время заключенія въ Мессинѣ, изъ котораго онъ выдалъ извлеченіе: О *существѣ Минералогіи* (De l'esprit Mineralogique). Въ темницѣ своей писалъ онъ костью и сажею изъ лампады на бѣлыхъ краяхъ нѣсколькихъ книгъ, ему оставленныхъ. Доломье издалъ много замѣчаній и сочиненій, относительныхъ къ наукѣ, которою занимался и которой онъ разпространилъ границы.

3.

Соссюръ.

Горацій Бенедиктъ де Соссюръ, Профессоръ Физики въ Женевѣ, родился въ семъ городѣ 17 Февраля 1740. Первымъ его учителемъ въ Натуральной Исторіи былъ дядя его Карлъ Боннетъ; онъ пользовался также уроками и бесѣдою великаго Галлера. Путешествія по Альпамъ сдѣлали имя его безсмертнымъ, за точное и отличительное описаніе минераловъ, находящихся въ сей цѣпи горъ, безъ всякихъ гипотезъ и тѣхъ неопредѣленныхъ и наудачу выдуманныхъ системъ, которыя были до него въ большомъ употребленіи. Предметы, которые онъ наблюдалъ, послужатъ впередъ основаніемъ всѣхъ розысканій Геологическихъ. Онъ первой достигнулъ вершины

Монблана, и мужество, оказанное имъ въ своихъ путешествіяхъ, дѣлаетъ ему столько же чести, какъ и его проницательность. Все, что касается до температуры воздуха и его сложенія въ различныхъ высотахъ, до температуры воды въ различныхъ глубинахъ, все сіе было предметомъ его наблюденій и послужило ему къ полезнымъ открытіямъ: онъ обогатилъ сію часть Физики нѣкоторыми новыми инструментами. Его волосяной гигрометръ по сіе время есть лучшее средство, употребляемое для труднаго опредѣленія различныхъ степеней сырости воздуха. Въ молодости своей Соссюръ съ успѣхомъ занимался различными вопросами о Ботаникѣ и Физіологіи. Сей ученый человѣкъ умеръ въ Женевѣ 1799 года, въ томъ утѣшеніи, что оставилъ сына, достойно идущаго по слѣдамъ его, которому Химія обязана нынѣ многими важными успѣхами.

Д. М.

(*Изъ Gallerie Historique des hommes célèbres par Landon.*)

21 Января 1814.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Записки о жизни Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго, Управлявшаго Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ (*).

Сѣдиной старцы умащенны,
Когда вы правымъ шли путемъ —
Не молніей суетъ прельщенны,
Но добродѣтели лучемъ;
Съ такою на челѣ печатью
Во храмъ, отверзѣный Благодатью,
Не сомнѣвайтеся прейти.

Херасковъ.

Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій родился 16 Декабря 1737 года в Нѣжинѣ — щастливомъ краю Малороссіи, отъ древней Молдавской фамиліи, сопряженной свойствомъ съ домомъ Князей Кантеми-

(*) Извлеченныя изъ дѣлъ Архивскихъ, — собственныхъ бумагъ покойнаго и Новаго описателяхъ. — Сынъ его, Дмитрій Николаевичъ, скоро издастъ подробное описаніе жизни почтеннаго своего родителя.

ровъ (*). Тамъ, въ домѣ родительскомъ, получилъ онъ первыя наставленія въ чтеніи и письмѣ Россійскомъ; потомъ въ Греческой Нѣжинской школѣ учился Эллинскому и простому Греческому языкамъ, а въ 1745 году отправленъ въ славную Кіевскую Академію, въ которой, сверхъ помянутыхъ языковъ, усовершенствовалъ себя въ Латинскомъ и Польскомъ. Амвросій Каменскій, тогдашній Переславскій Епископъ (бывшій потомъ Архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ), родной по матери дядя его, видя въ племянникѣ отличную склонность къ наукамъ, пригласилъ его въ концѣ 1754 года въ Москву, и въ слѣдующемъ 1755 записалъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ Б. Каменскій слушалъ Риторику, Философію и Богословію. Первой обучался онъ два года у Афанасія Ивановича Пельскаго (бывшаго потомъ Московской Духовной Типографіи Директоромъ) и Іеромонаха Константина; Философію слушалъ также два года у Префекта Владиміра Каллиграфа, а Богословіе четыре года у Архимандрита и

(*) Родная бабка Николая Николаевича выѣхала въ Россію изъ Яссъ въ 1716 году вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ, а его отцомъ, по приглашенію двоюроднаго брата своего, Князя Дмитрія Константиновича Кантемира, бывшаго въ Молдавіи Господаремъ.

Ректора Гедеона Сломинскаго. Свободное время отъ ученія посвящалъ онъ чтенію Латинскихъ Авторовъ съ тогдашнимъ Богословія ученикомъ и нижнихъ Латинскихъ классовъ учителемъ Петромъ Егоровичемъ Левшинымъ (потомъ Митрополитомъ Московскимъ Платономъ), которому поручено было пріучать его также къ Россійскому переводу. Не задолго предъ тѣмъ открывшійся въ Москвѣ Университетъ, подкрѣпляя страсть его къ наукамъ, поселилъ въ немъ желаніе посвятить нѣсколько свободныхъ часовъ слушанію опытной Физики, Математики, Исторіи и ученію Французскаго языка — тѣхъ предметовъ, кои не были преподаваемы въ Духовной Академіи. Физикѣ и Математикѣ учился онъ у извѣстнаго Профессора Роста, Исторіи у славнаго Рейхеля, Французскому же языку у Лабома, Билона и Рауля. Успѣхи въ наукахъ вскорѣ доставили Б. Каменскому званіе Университетскаго Студента. Преосвященный Амвросій, принимавшій въ немъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе симъ былъ обрадованъ, что онъ до того времени не зналъ привязанности своего племянника къ Университету. Основательное знаніе Латинскаго языка дало ему способъ научиться въ самое короткое время Италіанскому въ бытность его въ 1760 году въ С. Петербургѣ, въ которомъ онъ любилъ посѣщ

Италіанскую оперу, часто тамъ представляемую.

Съ окончаніемъ 1762 года кончилось его ученіе какъ въ Академіи, такъ и въ Университетѣ. Привязанность его къ Преосвященному Амвросію, съ коимъ онъ не хотѣлъ разстаться, была причиною, что онъ въ томъ же году Декабря 31 опредѣлился въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Актуаріусомъ, не смотря на то, что знанія многихъ языковъ доставляли ему лестное мѣсто въ самой Коллегіи, которое предлагалъ ему Канцлеръ Графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ. Въ 1763 году Января 17 Б. Каменскій произведенъ Переводчикомъ Поручичьяго ранга, въ 1767 Іюля 26 Переводчикомъ оной Коллегіи, въ 1774 Іюля 4 Коллежскимъ Ассессоромъ, въ 1781 Октября 22 Надворнымъ Совѣтникомъ; 1783 года Ноября 7 возложено на него управленіе Архивомъ, въ 1786 Февраля 12 пожалованъ Канцеляріи Совѣтникомъ, въ 1798 Іюня Статскимъ Совѣтникомъ, а 1799 года Сентября 24 произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Съ самаго вступленія въ Архивъ открылась въ немъ склонность къ Дипломатикѣ, поддержанная неусыпнымъ Мил-

леромъ, бывшимъ тогда Начальникомъ сего мѣста. Онъ первый его въ сей наукѣ руководствовалъ, и въ послѣдствіи всегда съ отличною похвалою о немъ отзывался. — Первымъ трудомъ его въ 1763 году было *описаніе Грамотъ Польскаго Двора, и потомъ разборъ и описаніе столповъ всѣхъ Дворовъ Европейскихъ.* Склонность сія, превратившись въ постоянную страсть, ни болѣзнями, ни приближеніемъ ко гробу неослабленную, произвела потомъ славные плоды для Отечества, полезные для наукъ и безсмертные для мѣста его служенія. Одно изчисленіе ихъ, краткое и недостаточное, оправдаетъ слова сіи:

Историческое показаніе о времени соцарствованія и о формѣ титуловъ Царевны Софіи Алексѣевны. — 1766 года.

Отвѣты на заданные въ 1766 году Профессоромъ Таубертомъ два вопроса о томъ, кто изъ Великихъ Князей началъ писаться Господаремъ всея Россіи и съ котораго года? И Великій Князь Василій Іоанновичь писался ли Царемъ въ публичныхъ документахъ и съ котораго года? — 1766 года.

Опись и приводъ въ исторической по годамъ порядокъ старинныхъ Новгородскихъ и Великихъ Князей грамотъ, списанныхъ съ подлинниковъ его рукою. — 1767 го-

Выписка о вѣдѣніи Кіевопечерской Лавры съ приписными къ оной монастырями въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и вторая о бывшихъ во время Царя Алексѣя Михайловича, съ 1649 по 1652 годъ, съ Имеретинскимъ Владѣльцемъ Александромъ перепискахъ, касающихся до принятія его съ Имеретинскою землею въ Россійское подданство; съ показаніемъ въ оной и того, что можетъ служить къ объясненію положенія Имеретіи, сосѣдства ея и внутренняго состоянія, относительно силы, нравовъ и правительства. — 1769 года.

Выписка изъ всѣхъ дѣлъ, происходившихъ между Россійскою и Турецкою Имперіями съ 1512 по 1700 годъ, и вторая о Братскихъ въ Сибири Калмыкахъ. — 1770 года.

Разборъ и описаніе дѣлъ Князя Меншикова, въ 38 сундукахъ хранившихся. — 1775 года.

Выписка о караванахъ въ Китай. — 1776 года.

Реэстръ по алфавиту Дворовъ, бывшимъ въ Россіи Европейскимъ и Азіатскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, отъ древнихъ временъ до возшествія на престолъ Государыни Елисаветы Петровны. — 1777 года.

Дипломатическое собранїе дѣлъ Польскаго Двора, съ самаго оныхъ начала по 1700 годъ, сочиненное въ продолженїи 1780, 1781 и 1784 года.

Дневная записна всѣмъ дѣламъ, входящимъ и исходящимъ, въ Коллегїи Иностранныхъ дѣлъ, въ продолженїи семи лѣтъ, съ 1727 по 1738 годъ, въ XIII Томахъ. — 1784 года.

Извѣстїе о хранящихся въ Архивѣ бумагахъ, сочиненное систематическимъ порядкомъ. — 1784 года.

Дипломатическое собранїе дѣлъ Китайскаго Двора. — 1792 года.

Историческое извѣстїе о возникшей въ Польшѣ Унїи, съ показанїемъ начала и важнѣйшихъ, въ продолженїе оной, чрезъ два вѣка приключенїй, паче же о бывшемъ отъ Римлянъ и Унїатъ на благочестивыхъ тамошнихъ жителей гоненїи. Сочинено по Высочайшему повелѣнїю Императрицы Екатерины II 1795 года. Напечатано въ Москвѣ, въ Сунодальной Типографїи 1805 года, въ 8.

Описанїе вновь Азїатскихъ Дворовъ: 1) Греческихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, 2) Китайскаго Двора и 3) дѣлъ Молдавскихъ и Волоскихъ. — 1797 года.

Описаніе дѣлъ о вѣздахъ въ Россію, — 1798 года.

Реэстръ и описаніе Малороссійскихъ и Татарскихъ дѣлъ. — 1799 года.

Сокращенное Дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ перепискахъ Россійскаго Двора съ иностранными, расположенное въ IV частяхъ. Въ Iй содержится переписка: 1) съ Австрійско-Цесарскимъ Дворомъ, 2) съ Англійскимъ, 3) съ Венгерскимъ, 4) съ Гишпанскимъ, 5) съ Голландскою Республикою, 6) съ Датскимъ Дворомъ. — Во IIй части: 7) съ Имперіею Римскою, 8) съ Имперскими городами, 9) съ Италіанскими Владѣтелями. — Въ IIIй части: 10) съ Курляндіею, 11) съ Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ Княжествами, 12) съ Польскимъ Дворомъ, 13) съ Португальскимъ. — IVя Часть заключается перепискою съ Дворами: 14) Прусскимъ, 15) Французскимъ и 16) Шведскимъ. Важный сей трудъ приготовляемъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а въ теченіи 1800, 1801, 1802 и 1804 года переданъ по частямъ въ Коллегію.

Историческое показаніе о Россійско-Императорскомъ титулѣ, съ объясненіемъ: 1) въ которое время оный титулъ въ Россіи начался? 2) съ какими Европейскими

Дворами и когда именно происходило сношеніе относительно признанія и утвержденія онаго титула? 3) въ чемъ состояли чинимыя съ Россійской стороны требованія, и какіе получаемы были на оныя отзывы? и 4) на какомъ условіи оное признаніе отъ первенствующихъ Дворовъ Европы было учинено? — 1803 года.

Выписка изъ всѣхъ Конференцій, бывшихъ въ Россіи чужестранныхъ Министровъ, слѣдующихъ Дворовъ: 1) Австрійско-Цесарскаго, 2) Англійскаго, 3) Гишпанскаго, 4) Голландскихъ Штатовъ, 5) Датскаго, 6) Прусскаго, 7) Французскаго и 8) Шведскаго. — 1803 и 1804 года.

Разборъ и описаніе: 1) дѣлъ Турецкаго Двора, съ бумагами коммиссіи и взятыми въ Хотинѣ, 2) пограничныхъ дѣлъ съ Польскимъ Дворомъ, бывшихъ разныхъ коммиссій, 3) дѣлъ Сербскихъ, Славянскихъ и другихъ смежныхъ съ ними народовъ, 4) дѣлъ Аксайскихъ Азіатскихъ, 5) Андреевской деревни, 6) Арабскихъ, 7) Балахинскихъ, 8) Башкирскихъ, 9) Бухарскихъ, 10) Грузинскихъ и Имеретинскихъ, 10) Едизанскихъ Татаръ, 12) Зюнгорскихъ, 13) Индѣйскихъ, 14) Кабардинскихъ, 15) Калмыцкихъ, 16) Каракалпацкихъ, 17) Киргизъ-Кайсакскихъ, 18) Крымскихъ съ

1677 по 1700 годъ, 19) Кубанскихъ, 20) Кумыцкихъ, 21) Муганской въ Персіи степи, 22) Мунгальскихъ, 23) Нагайскихъ, 24) Салтанаульскихъ, 25) Трухменскихъ и 26) Хивинскихъ. — Съ 1805 по 1809 годъ.

Выписка о учрежденіи въ Россіи почтъ. — 1806 года.

Разборъ и реэстръ дѣламъ бывшей между Россіею и Пруссіею войны, съ 1756 по 1763 годъ. — 1808 года.

Разборъ и реэстръ перлюстраціямъ. — 1809 года.

Описаніе дѣлъ Царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, съ 1742 по 1762 годъ, присланныхъ изъ Коллегіи. — 1809 и 1810 года.

Послѣдній трудъ его состоялъ въ приготовленіи къ напечатанію Государственныхъ грамотъ и договоровъ, прежде имъ описанныхъ и приведенныхъ въ хронологической порядокъ. Первая часть сего единственнаго изданія отпечатана въ концѣ прошедшаго года, въ листъ, великолѣпнымъ образомъ, съ выгравированными печатьми, иждивеніемъ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ

Б. Каменскаго, коему поручено было по Высочайшему Имянному Указу, 3 Мая 1811 года, главное начальство надъ Коммисіею, особенно для сего случая, при Архивѣ учрежденною изъ чрехъ ея Чиновниковъ.

Участіе его съ Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ объясненіи пѣсни Игоревой — важнѣйшаго памятника древней словесности нашей, будетъ всегда для насъ драгоцѣнно, и почтенный Мужъ, открывшій его ученому свѣту, съ признательностію отдаетъ Б. Каменскому должную честь за трудъ сей.

Ему одолжены мы за Книгу Степенную Царскаго родословія, содержащую Россійскія бытописанія — не столь важную для Исторіи, сколько полезную для словесности, которая издана въ 1775 году въ 4. при Московскомъ Университетѣ Г. Ф. Миллеромъ, со списка, принадлежавшаго убіенному Амвросію, и внесеннаго Николаемъ Николаевичемъ въ библіотеку Архивскую вмѣстѣ съ лѣтописями и другими историческими источниками, — сочиненіями Князя Дмитрія Кантемира и портретами начальниковъ Посольскаго приказа.

Записки, къ исторіи Россійской Іерархіи принадлежащія, собранныя имъ въ продолже-

нїи 50 лѣтъ, въ XVIII большихъ портфеляхъ, къ сожалѣнїю погибли въ 1812 году во время всеобщаго Московскаго пожара.

Россїйскїя Духовныя Семинарїи обязаны Б. Каменскому за изданїе почти всѣхъ своихъ классическихъ учебныхъ книгъ, каковы суть (исключая Латинскихъ букварей, напечатанныхъ въ Москвѣ 1779, 1780, 1783, 1784, 1786 и того же года въ Лейпцигѣ, и Латино-Французско-Россїйскихъ прописей, изданныхъ въ Москвѣ 1779, 1781, 1783, 1784, 1786, 1788, 1789, 1791 года и потомъ нѣсколько разъ перепечатываемыхъ): Латинская Грамматика, собранная имъ самимъ, напечатана въ Москвѣ 1779 года дважды, потомъ 1781, 1783 и въ Лейпцигѣ 1789, — Греческая Грамматика Варлаама Лащевскаго въ Лейпцигѣ 1779, 1785, 1791, и теперь вновь печатается, — Еврейская Фрошева краткая Грамматика, — Бургїева Латинская Риторика въ Москвѣ 1776 и Лейпцигѣ 1779, 1786, 1789 и 1790, — Баумейстерова Латинская Философїя въ Москвѣ 1777, въ Лейпцигѣ 1783, 1786 и 1791, — Богословїя Прокоповичева въ 3 томахъ въ Лейпцигѣ 1782 и 1784, — Вагнерова Латинская Фразеологїя въ Лейпцигѣ 1784, — Нѣмецкая Грамматика въ Лейпцигѣ 1784, — Богословїя на Латин-

комъ Ѳеофилакта, Епископа Переславскаго, въ Лейпцигѣ 1784 и другая Іоакинфа Карпинскаго, напечатанная на Латинскомъ въ Лейпцигѣ 1786 и Москвѣ 1791, — Баумейстерова Физика на Рускомъ въ Москвѣ 1785 и сокращеніе Иринея, Ректора Кіевской Академіи, Богословіи Ѳ. Прокоповича, въ 2 томахъ. Сверхъ сихъ книгъ напечаталъ онъ нѣсколько изданій, съ присовокупленіемъ въ нѣкоторымъ своихъ предисловій и разныхъ дополненій, какъ-то: къ Греческой Грамматикѣ пріобщилъ онъ Греческую Христоматію; къ Бургіевой Риторикѣ, въ изданіи 1776 и 1779 года, кромѣ жизни Автора и указанія примѣровъ изъ Рускихъ писателей, приложилъ систематическую роспись до 700 на Россійскомъ языкѣ книгъ; къ Баумейстеровой Философіи Философическую исторію, нѣкоторыя дополненія къ Логикѣ, Теоретическую Физику, Экономію и Юриспруденцію Церковную. Въ 1803 году изданы имъ для тѣхъ же училищъ Цицероновы Латинскія отборныя рѣчи и письма, Корнелій Непотъ съ примѣчаніями, по образцу Минелліву, въ 1812 году въ пользу юношества, обучающагося Поэзіи, правила Піитическія Аполлоса, въ осьмой разъ, и много другихъ полезныхъ сочиненій, о коихъ здѣсь умолчано по недостатку свѣдѣнія. Имъ же изданы три книги, переведенныя съ Греческаго

дядею его Преосвященнымъ Амвросіемъ: 1) Посланія Св. Игнатія, Епископа Антіохійскаго, въ Москвѣ 1770, 1779 и 1785, 2) Св. Кирилла, Епископа Іерусалимскаго, огласительныя поученія, тамъ же 1772 года, во второй разъ 1785 и 3) Св. Іоанна Дамаскина изложеніе православной Вѣры, или Богословіе, тамъ же 1774 и вторично 1785 года напечатанная. — Его стараніемъ издано въ Геттингенѣ, на Латинскомъ языкѣ, 1769 года, сочиненіе Ѳеофана Прокоповича о происхожденіи Св. Духа и 1782 года въ Лейпцигѣ Латинской переводъ его же трактата о неудобоносимомъ игѣ. Изъ переводовъ Б. Каменскаго извѣстна Исторія о жизни и дѣлахъ Молдавскаго Господаря Князя Константина Кантемира, Сочиненная Профессоромъ Петербургской Академіи Наукъ Бееромъ, съ описаніемъ родословія помянутыхъ Князей Кантемировъ, напечатанная вмѣстѣ съ Латинскимъ подлинникомъ въ Москвѣ 1783 года. Вольтерова Исторія Петра Великаго и Бранденбургская, имъ же переведенныя, остались въ рукописи.

Читатели знаютъ имя Б. Каменскаго, какъ Историка и Дипломатика, по одной изданной имъ Исторіи объ Уніи; но важнѣйшій трудъ его — описаніе всѣхъ сношеній Россіи съ иностранными Державами, къ сожалѣнію, еще неизвѣстенъ. Бу-

демъ надѣяться, что мы не лишимся сего пріятнаго для насъ ожиданія. Онъ откроетъ намъ богатство Архива Иностранныхъ дѣлъ, и разольетъ новый свѣтъ на среднюю и новую исторію нашу.

Почтенный Мужъ не ослабѣвая въ продолженіи долголѣтной жизни въ трудахъ своихъ, обращалъ на себя вниманіе самихъ Монарховъ. Великая Екатерина съ отличною похвалою о немъ отзывалась, и чрезъ два года, по установленіи Ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владимира, пожаловала его, 1784 года Сентября 22, Кавалеромъ онаго 4 степени; Павелъ I въ 1800 году Мая 9 удостоилъ его причислить къ сословію Почетныхъ Командоровъ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, и въ томъ же году Октября 20, въ уваженіе усердной и долговременной службы и въ награду отличныхъ способностей, повелѣть соизволилъ получаемое имъ жалованье 2000 рублей обратить въ пенсіонъ по смерть, производя оной сверхъ штатнаго оклада; сверхъ сихъ наградъ Государь Императоръ пожаловалъ ему бриліантовой перстень. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, за приведеніе въ должной порядокъ и устройство Архива, въ 1802 году Сентября 22 возложилъ на него Орденъ Св. Владимира 3 степени, и объявилъ ему, 1804 Августа 22,

за отличную дѣятельность Монаршее благоволеніе, а въ 1808 году Января 1 почтилъ его Орденомъ св. Анны 1 класса, пожаловалъ ему сверхъ того за Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ Дворами и Исторію объ Уніи два богатые брилліантовые перстня.

Императорская Россійская Академія, Императорскій Московскій Университетъ, Императорское Московское Общество Испытателей природы и Санктпетербургскія Бесѣда любителей Россійскаго слова и Любителей наукъ, словесности и художествъ, высоко цѣня услуги, оказанныя имъ наукамъ, удостоили его званія своего Почетнаго, а Общество Исторіи и древностей Россійскихъ имѣло его Дѣйствительнымъ Членомъ. — Извѣстная склонность Б. Каменскаго къ благодѣяніямъ, доказанная самыми дѣлами, по общему гласу оправдала избраніе его въ Вице-Президенты благотворительнаго Библейскаго Общества, надъ Комитетомъ онаго въ Москвѣ основаннымъ. Въ самое краткое время неусыпнымъ трудомъ его собраны значительныя суммы къ подкрѣпленію сего знаменитаго сословія, разпаленнаго теплою вѣрою въ Бога, и полнаго *источника воды живыя*. —

Еще въ преклонныхъ лѣтахъ оказалъ онъ новый опытъ недремлющей дѣятельно-

сти въ укладкѣ изъ предосторожности дѣлъ Архивскихъ, по предложенію Главнокомандующаго въ Москвѣ, Графа Ѳедора Васильевича Растопчина, отъ 14 Августа 1812 года. Б. Каменскій, по утвержденіи онаго управляющимъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Графомъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ, съ предписаніемъ слѣдовать распоряженіямъ Московскаго Главнокомандующаго, уклавъ древнія грамоты Россійскихъ Князей, Государственныя книги и лучшія вещи, всѣ трактаты съ иностранными Дворами, рукописи изъ библіотеки, статейные списки въ книгахъ и столпахъ, также всю Министерскую переписку всѣхъ Европейскихъ и Азіатскихъ Дворовъ, и отпечатанные иждивеніемъ Канцлера, Графа Николая Петровича Румянцова, первые сто листовъ Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ — и взявъ съ собою нѣсколько Чиновниковъ, отправился изъ Москвы во Владиміръ съ Архивомъ Августа 23 дня, въ сопровожденіи Гна Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника А. Ѳ. Малиновскаго, а оттуда въ Нижній Новгородъ. Обстоятельства перемѣнились; плачевная судьба Столицы кончилась, и Б. Каменскій, возвратившись въ Москву Января 25го 1813 года, по претерпѣніи жестокой стужи и многихъ безпокойствъ въ до-

рогѣ, безвредно сохранилъ важный съ собою драгоцѣнности, тѣмъ самымъ избѣжавшія общей гибели — разхищенія (*).

Въ половинѣ 1813 года Е. Каменскій почувствовалъ изнеможеніе силъ своихъ: безпрерывная дѣятельность и тѣлесная слабость — сопутница старости, приближали его къ вѣчному покою. Еще съ 1780 года началъ онъ страдать глухотою въ лѣвомъ ухѣ, произшедшею отъ простуды при разборѣ бумагъ Архивскихъ, помѣщенныхъ тогда въ сыромъ и невыгодномъ мѣстѣ — въ подвалахъ. Болѣзнь сія заставила его отказаться отъ занятія при Коллегіи лестной и важной должности Оберъ-Секретаря, предложенной ему въ слѣдующемъ 1781 году Вице-Канцлеромъ, Графомъ Остерманомъ. Въ началѣ Декабря 1813 г. простудная болѣзнь съ ужасною силою подѣйствовала на сей органъ, и повергла ревностнаго труженика на одръ смертный. Въ это время пріѣхалъ старшій сынъ его Владиміръ Николаевичь изъ Петербурга. Отецъ чувствовалъ приближеніе своей кончины — „ты за тѣмъ сюда пріѣхалъ“ сказалъ онъ „за чѣмъ я за 44 года въ Кіевъ

(*) Домъ Архивскій сохранился отъ пламени, но часть оставленной библіотеки расхищена непріятелями.

въ моей матери (*).“ Между тѣмъ силы его день отъ дня ослабѣвали; въ концѣ Декабря онъ еще подписывалъ бумаги, читалъ книги и разговаривалъ съ друзьями о любимыхъ предметахъ; но въ Январѣ крѣпость тѣлесная достигла совершеннаго изнеможенія. Медики истощили все искуство свое, но помощь ихъ была тщетна; медленная лихорадка и чувствованіе жесточайшаго мученія отъ задержанія мочи боролись въ немъ съ жизнію. Исполненный твердаго упованія — покорный сынъ церкви не ропталъ на судьбу свою, и слабымъ голосомъ произносилъ къ окружающимъ: *молитесь за меня.* Болѣзнь удвоила силы свои, и слабое дыханіе показывало уже прерывающуюся жизнь его. Въ день смерти онъ казался покойнѣе, и за нѣсколько минутъ произнесъ: *готовъ*, движеніемъ руки подозвалъ дѣтей своихъ, которыхъ благословляя, уснулъ спокойно сномъ вѣчнымъ въ 7 часовъ по полудни Января 20, на 77 году жизни. — 23 дня назначено было совершить отпѣваніе тѣла по волѣ покойнаго одному Протопопу съ двумя Священниками; но Преосвященный Августинъ, узнавъ о потерѣ истиннаго сына церкви, по собственному движенію

(*) Николай Николаевичъ засталъ мать свою безъ всякой надежды, и пріѣхалъ — похоронить ее.

почтилъ его послѣднимъ долгомъ. Друзья покойнаго, Чиновники Архива и облагодѣтельствованные имъ наполняли церковь. По совершеніи литургіи — Заиконоспасскаго монастыря Проповѣдникъ, Іеромонахъ Никаноръ, произнесъ надгробное слово, и извлекъ слезы у слушателей, горестно исполненныхъ. Тѣло до ночи осталось въ церкви; въ три часа Чиновники Архива понесли его въ Донской монастырь на рукахъ своихъ. Горесть дѣтей была неописанна... Тамъ, на разсвѣтѣ, опустили тѣло его въ могилу, изкопанную въ той самой церкви, въ коей погребенъ дядя его Амвросій, убіенный въ 1771 году отъ возмутившейся въ Москвѣ черни (*).

(*) На мѣстѣ погребенія Николая Николаевича, 28го Февраля, поставленъ прекрасный памятникъ, въ коемъ вдѣланъ на мѣди портретъ его. Съ правой стороны начертана сія надпись: Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Николаевича Баншыъ-Каменскаго, 1737 года Декабря 16го дня въ городѣ Нѣжинѣ родившагося, усердіемъ къ церкви, отеческими благотвореніями къ ближнимъ, неусыпнымъ трудолюбіемъ, истинною мудростію и жизніемъ добродѣтельнѣйшимъ въ сей временной жизни прославившагося, и по долговременной, тяжкой болѣзни, съ твердымъ на Всемогущаго упованіемъ, 1814 года Января 20го дня, на 77 году отъ рожденія, въ вѣчную жизнь пресе-

Отечество лишилось въ немъ вѣрнаго сына, науки отличнаго въ просвѣщеніи Мужа, подчиненные ревностнаго Начальника, а дѣти оплакиваютъ потерю нѣжнѣйшаго отца. — Б. Каменскій съ благоговѣніемъ чтилъ святые уставы церкви; дѣлать добро ближнимъ было единственнымъ его упѣшеніемъ; не льстя словами, онъ дѣломъ доказывалъ любовь свою къ правдѣ и человѣчеству; въ трудахъ былъ неколебимъ, въ терпѣніи твердъ, въ несчастіяхъ покоенъ, и умеръ съ чистою душею, оставя примѣръ, *да взирающе на теченіе жизни его подражаемъ его вѣрѣ.* Благословенія сопутствовали ему въ вѣчность.

Признательное мѣсто не престанетъ отдавать ему должную дань уваженія: потомство въ Архивъ — тамъ все скажетъ, все напомнитъ вамъ о Б. Каменскомъ.

К. Калайдовичъ.

лявшагося. На лѣвой сторонѣ изсѣчено: И слышахъ гласъ съ небесе глаголющь ми: напиши, блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ, отнынѣ ей, глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними. Апокал. 14, 13.

IV. СМѢСЬ.

Новыя для изданія достопамятностей Россійскихъ пожертвованія.

Извѣстно, съ какимъ постояннымъ тщаніемъ и неутомимою дѣятельностію трудился для Россійской Исторіи знаменитый Шлецеръ. Удивляясь богатству отечественныхъ памятниковъ нашихъ, сей просвѣщенный чужеземецъ укорялъ насъ — природныхъ Россіянъ — въ непростительномъ по сей части небреженіи. „Можно ли „повѣрить“ говоритъ онъ „чтобъ одна „изъ величайшихъ націй просвѣщеннаго свѣ„та и единственная обладательница сокро„вища, столь важнаго не только для нее, „но и для всей занимающейся Исторіею „публики, которымъ она можетъ и долж„на гордиться, — чтобы эта нація не „поспѣшила возвѣстить о томъ свѣту и „обработать оное; къ чему и величайшіе „изъ Государей ея усердно призывали ее.“

Симъ укоризнамъ уже одиннадцать лѣтъ минуло; но онѣ до сихъ поръ не произвели еще надлежащаго дѣйствія.

Къ замѣчаніямъ сего почтеннаго Писателя присовокупляется и та печальная мысль для каждаго любителя отечественной Исторіи, что сіи разсѣянныя по многимъ мѣстамъ въ рукописяхъ богатства наши непримѣтно уменьшаетъ время все истребляющее и разные бѣдственные случаи. Кому неизвѣстенъ пожаръ, превратившій 1777 года въ пепелъ богатѣйшую Академическую библіотеку въ Кіевѣ! Можноль безъ крайняго соболѣзнованія вспомнить о недавнихъ важнѣйшихъ потеряхъ въ Москвѣ! Единственное собраніе Россійскихъ древностей Графа Мусина-Пушкина, драгоцѣнная по многимъ отношеніямъ библіотека Профессора Баузе, рукописи Общества Исторіи и древностей Россійскихъ и множество рѣдкихъ лѣтописей въ разныхъ домахъ сдѣлались жертвою пламени. Потери невозвратныя! —

Государственный Канцлеръ, Графъ Николай Петровичь Румянцовъ, чувствуя всю пользу, отъ изданія отечественныхъ памятниковъ происходящую, и стараясь изгладить укоризны Шлецера, принялъ на себя предохранить навсегда отъ гибели рукописныя лѣтописи Россійскія чрезъ размноженіе оныхъ посредствомъ типсненія, и обратился съ изъявленіемъ столь достохвальнаго желанія своего къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Въ отношеніи своемъ къ Графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому, отъ 14го Ноября прошлаго 1813 года, изъявивъ ревностнѣйшее свое предпріятіе, издать древнія лѣтописи, въ Библіотекѣ Императорской Санктпетербургской Академіи наукъ хранящіяся, онъ опредѣлилъ на то собственныхъ своихъ двадцать пять тысячъ рублей, и просилъ Господина Министра произвесть оное въ дѣйство на слѣдующемъ основаніи:

1е. „Чтобы къ предполагаемому изданію было приступлено неукоснительно, и чтобы первый Томъ начался Несторовою лѣтописью по Кенигсбергскому списку, который въ Академіи Наукъ находится."

2е. „Чтобы таковой списокъ былъ напечатанъ въ точномъ и полномъ видѣ своемъ, съ исправленіемъ всѣхъ опибокъ, упущеній и погрѣшностей, какія были допущены и вкрались въ первомъ онаго Академическомъ изданіи."

3е. „Впрочемъ отъ Академіи зависѣть будетъ избрать къ тому и другой списокъ сей лѣтописи, естьли по ея благоусмотрѣнію отыщется таковый лучше, вѣрнѣе и древнѣе Кенигсбергскаго."

4е. „Чтобы форматъ сего изданія былъ въ полный листъ малаго разбора."

5е. „Всѣ деньги, которыя поступятъ отъ продажи книгъ сего изданія, обратятся навсегда въ пользу Академіи Наукъ для составленія капитала на продолженіе постепеннаго изданія другихъ Историческихъ нашихъ древнихъ рукописей."

6е. „Предоставилъ себѣ отъ сего приношенія только ту выгоду, чтобы изъ полнаго изданія доставляемо ему было по двадцати экземпляровъ въ его собственное распоряженіе." —

Министръ Народнаго Просвѣщенія, сообщивъ Императорской Академіи Наукъ намѣреніе Графа Николая Петровича Румянцова и доставивъ ей присланную сумму, предписалъ немедленно заняться соображеніемъ средствъ къ изданію Россійскихъ лѣтописей (включая въ число оныхъ подлинной Кенигсбергской списокъ Несторовой лѣтописи) и назначеніемъ для сего ученыхъ Чиновниковъ ея, могущихъ съ лучшимъ успѣхомъ издать оныя соотвѣтственно предначертанному здѣсь плану.

Между тѣмъ какъ мы остаемся въ пріятномъ ожиданіи видѣть важнѣйшія лѣтописи Россійскія изданными, по одно изъ таковыхъ же общеполезныхъ предпріятій того же Вельможи-Патріота теперь уже приведено въ дѣйствіе, и мы поль-

зуемся плодами онаго. На сихъ дняхъ отпечатана въ Москвѣ первая часть *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, заключающая въ себѣ всѣ какъ древнія Новогородскія, такъ и Великихъ Князей Россійскихъ постановленія, до внутреннихъ въ Россіи произшествій относящіяся съ 1265 года до временъ Царя Михаила Ѳеодоровича, съ изображеніемъ печатей того времени.

Такимъ образомъ удовлетворено въ нѣкоторомъ отношеніи желаніе просвѣщенной публики имѣть, по примѣру другихъ Державъ, полное собраніе Государственныхъ дипломатическихъ актовъ; и слѣдовательно рѣшенъ вопросъ того, Шлецера, который, разсуждая о важности сихъ историческихъ свидѣтельствъ и о недостаточныхъ нашихъ до сихъ поръ по части изданія оныхъ въ свѣтъ опытахъ, говоритъ: „*Кому же предоставленъ завидный жребій быть творцемъ собранія Русской дипломатики*?“

Государственный Канцлеръ испросилъ Монаршее соизволеніе предать тисненію на собственномъ своемъ иждивеніи всѣ Россійскіе и иностранные дипломатическіе акты по 1726 годъ особымъ докладомъ, который Мая въ 3й день 1811 года удостоенъ былъ Высочайшей конфирмаціи, и уже

требилъ на сію первую часть до 27,000 рублей. Изложеніемъ сихъ отечественныхъ харатій, какъ сказано въ предисловіи сей книги, онъ открылъ для упражняющихся въ Исторіи Россійской неопровергаемые доводы къ дѣяніямъ вѣковъ минувшихъ; для служащихъ же при дѣлахъ иностранныхъ сіе единственное на природномъ языкѣ полное дипломатическое собраніе послужитъ наставительнымъ пособіемъ въ пріобрѣтеніи политическихъ знаній, къ уразумѣнію истинныхъ пользъ Имперіи Всероссійской.

Симъ достопамятнымъ приношеніемъ Государству Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, сколько намъ извѣстно, не ограничиваетъ усердія своего къ распространенію славы и просвѣщенія своихъ соотечественниковъ, а готовитъ имъ новый даръ. Онъ намѣренъ пожертвовать также значительною суммою для изданія въ свѣтъ того, что и не входя въ составъ лѣтописей, можетъ относиться къ Исторіи Россійской, а особливо къ первобытнымъ ея временамъ прежде Монгольскаго періода.

Просвѣщенные современники, въ особенности же усердные любители Отечественныхъ древностей, тѣмъ болѣе отдадутъ справедливости симъ благороднымъ предпріятіямъ, что всѣ продолжительныя

усилія въ обнародованію историческихъ и дипломатическихъ памятниковъ нашихъ оставались донынѣ почти безуспѣшными.

Извѣстія, черты и анекдоты.

Тѣло славнаго переводчика Георгинъ, Делилля, было во Франціи положено съ начала на приходскомъ кладбищѣ безъ всякихъ отличительныхъ знаковъ, которые означаютъ для потомства гробницу заслуженнаго Литтератора. Нынѣ тѣло его заключается въ надгробномъ памятникѣ, постановленномъ Госпожею Делилль на семъ мѣстѣ. Друзья сего Пѣвца Садовъ, желая, чтобы монументъ, воздвигнутый въ память человѣка, приносившаго честь Литтературѣ и отечеству своимъ талантомъ и характеромъ, былъ монументъ, такъ сказать, національный, написали вызовъ къ согражданамъ, и предложили подписку. Госпожа Делилль отвергла дани и услугу дружбы. Можетъ быть ея нѣжная горесть требовала того, чтобы памятникъ былъ посвященъ ею одною; можетъ быть она разсудила также, что не пышное, а простое украшеніе лучше соотвѣтствуетъ пріятной простотѣ и любезной скромности сего человѣка, котораго прахъ въ немъ заключался. Съ тою же мыслію совершалась трогательная церемонія; не было ника-

кихъ пышныхъ приготовленій, никакихъ громкихъ объявленій въ журналахъ. Нѣсколько друзей, нѣсколько знакомыхъ, которые жили съ Поэтомъ въ пріятельской связи до конца его жизни, были приглашены на тотъ день. Святая вѣра, безъ которой воздаяніе праху мертвыхъ есть самое холодное и бездушное, освящала нѣкоторымъ образомъ перенесеніе тѣла. Потомъ Г. Тиссо, заступившій мѣсто Делилля въ *Collège de France* (*), произнесъ Рѣчь, въ которой замѣтили остроумный параллель между величайшимъ Поэтомъ Августова вѣка и его искуснымъ переводчикомъ. Вотъ главныя черты сего параллеля: „Вы оба пѣли среди междоусобныхъ браней; оба смягчали свирѣпыя „страсти кроткими и невинными изображеніями . . . оба вы обшекли моря, ведущія въ Трои, посѣтили отечество Гомера, „и стояли на земль древнихъ Аѳинъ. Виргилій кончилъ жизнь въ молодыхъ лѣтахъ, „съ горестію оставляя недовершенный памятникъ его безсмертной славы; дружеская рука не закрыла очей его; и послѣднее взоры обратилъ онъ къ своей родинѣ, „произнеся трогательные стихи изъ своей „Энеиды:

(*) Г. Тиссо перевелъ въ стихахъ Виргиліевы Эклоги.

Et dulces moriens reminiscitur argos.

„А ты въ болѣзни, внезапно тебя по„стигшей, но освобожденный отъ страда„нія, ты, изъ обѣятій дружества пере„шелъ къ вѣчному спокойствію.“ —

Эта Рѣчь (говоритъ Издатель Газеты, изъ которой мы взяли сіе извѣстіе,) эта Рѣчь, пристойная въ Академіи, но произнесенная въ церкви свѣтскимъ человѣкомъ вмѣсто священнослужителя, которому обряды вѣры позволяютъ одному говорить языкомъ ея, доказываетъ испроверженіе древнихъ уставовъ и новую превратность мыслей, съ которыми революція могла только ознакомить людей.

— Въ Берлинѣ, сказано въ *Zuschauer*, вышло около тридцати карикатуръ противъ Наполеона, по большей части не остроумныхъ, но весьма годныхъ для выручки денежной. Но только тридцать карикатуръ, не болѣе? Какая бѣдность! Нашъ Спасскій мостъ и Никольская улица по крайней мѣрѣ могутъ гордиться многочисленностію ихъ карикатуръ, написанныхъ на того же Бонапарта и смѣло выставленныхъ на судъ мимоходящихъ остряковъ. А что касается до затѣйливости, то не можемъ въ этомъ смыслѣ сравнивать ихъ съ Берлинскими; ибо не видали послѣднихъ. Но вѣроятно кажет-

ся, что Берлинскія не перещеголяютъ нашихъ. Впрочемъ это такъ невинно, что и самъ Лафонтень сказалъ:

Et ſi peau d'ane m'etoit conté,
J'yprendrois un plaisir extreme.

Достойно замѣчанія, что сіи рѣдкія произведенія каррикатурнаго ума, со Спаскаго ли моста, или съ Берлинской площади, не извѣстно, перешли на платки, которые продавались въ Лейпцигѣ на послѣдней ярмаркѣ. На сихъ платкахъ представлены въ живописи всѣ подвиги Наполеона до его бѣгства изъ Россіи въ характеристическихъ группахъ. Онъ самъ на срединѣ, спасаясь отъ Русскихъ и моля Принцевъ Рейнскаго союза о подкрѣпленіи. Видѣли такіе дамскіе платки. Какъ пріятно читать исторію своего времени на спинѣ, плечахъ и шеи молодой красавицы (honni Soit qui mal y pense)! Но какъ жаль, что и тѣнь недостойнаго Корсиканца прикасается къ прелести дамъ.

— Не одни мы потеряли ученыя сокровища, музеумы, библіотеки, и проч. въ городкѣ Лилієнталѣ, гдѣ жестокій непріятель выжегъ до 180 домовъ, славный астрономъ Шредеръ потерялъ домашнюю обсерваторію и съ нею всѣ инструменты свои. —

— Неизвѣстный пишетъ къ намъ письмо и разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Недавно случился въ одной изъ округъ Н — й Губерніи раздѣлъ, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, „и который напоминаетъ своенравіе, или „такъ называемый *whim* Англичанъ. Три „сына, наслѣдники отцовскаго имѣнія, „безъ труда принявъ каждый на часть „свою по тысячѣ душъ крестьянъ, „затруднялись только, какимъ образомъ „раздѣлить одну бездушную вещь, а именно огромный барскій домъ, который стоялъ такъ красиво въ деревнѣ, доставшейся среднему брату. Они согласились „сначала оцѣнить его; и кто желаетъ „имѣть домъ, тотъ заплати двѣ части „цѣны своимъ братьямъ. Но — о! нещастное искушеніе! — каждый хочетъ имѣть „великое зданіе. Спорятъ мѣсяцъ, спорятъ „годъ, спорятъ два года сряду; но споръ „не рѣшается. Какъ быть? какъ рѣшить? „Къ щастію изобрѣтательные умы ихъ „придумываютъ способъ, похожій на тотъ, „которымъ одинъ великій Царь развязалъ „узелъ Гордіевъ. Они рѣшились распилить домъ на три части, и кому достанется въ удѣлъ средина, тотъ имѣетъ „право жить въ ней на мѣстѣ, а владѣльцы боковыхъ сторонъ обязанность перенесши свои доли, куда угодно. Бросаютъ

„жеребій. Средній получаетъ средину дома,
„два, меньшія, остаются зданія. Тотчасъ
„разрѣзываютъ стѣны и кровлю на три ро-
„вныя части; два младшія браша своязтъ
„свои боковыя развалины, а старшій пер-
„жествующій щастливецъ въ обрубленныхъ
„хоромахъ своихъ живетъ попыне благо-
„получно, не смотря на дождь, бурю, снѣгъ,
„ненастье, холодъ и молву народную. Иной
„скажетъ: ritum teneatis, amici? Но это
„полюбилось бы вѣрно Англичанамъ; и мо-
„жетъ быть полюбится и другимъ. Г. Л. Ф.—

V. ПОЛИТИКА.

Письмо Офицера изъ Бреды, отъ 16 Января 1814.

При нашемъ сюда вступленіи мы нашли Французскія газеты, наполненныя ложью и клеветою. Они тщатся всѣми способами поднять противъ насъ народъ, и вотъ какимъ образомъ: „Непріятель вступилъ въ нашу землю „и обращается съ нами такъ, какъ можно было ожидать отъ варваровъ: вездѣ происходитъ грабежъ въ то время, какъ обѣщаютъ въ прекрасныхъ рѣчахъ „обезпеченіе собственности и проч. Врагъ „позволяетъ себѣ постыдныя дѣла, и „ногою попираетъ права народные (*). Всѣ „ремесленники отсылаются изъ Франціи „въ Сибирь для населенія пустынь у варваровъ (**); и вѣрно Англичане при вступленіи въ Лионъ рукою Сѣверныхъ вар-

(*) Не вѣроятно ли кажется, что все это выписано изъ Рускихъ Вѣдомостей 1812 года, когда Французы грабили всѣ Рускія церкви? *Примѣч. Нѣмецкаго Издателя.*

(**) Какъ Французы сочли завоеваніе Россіи недостойнымъ ихъ труда, то весьма неу-

„варовъ обратятъ мануфактуры въ прахъ, „чтобы ввести свои мануфактуры въ сла„ву (*). Французы! бѣгите всѣ къ оружію, „безъ исключенія женъ и дѣтей. Женщи„на можетъ убить спящаго у ней на по„стоѣ (**); младенецъ можетъ ножемъ пере„рѣзать въ конюшнѣ копыты кавалерій„скихъ лошадей: старикъ можетъ, оказы„вая усердіе въ должности слуги, завести „человѣка въ непроходимое мѣсто, и тамъ „бросить его; словомъ, всякой можетъ яв„но, или скрытно, губить непріятеля: „пора обращаться съ варварами (***) безъ „пощады и сожалѣнія.

Изъ Flugblätter.

да и очень справедливо подаетъ имъ случай упончить искусства и ремесла въ землѣ варварской; но

Въ благословенномъ Рускомъ Царствѣ,
Въ сердцахъ коварной мести нѣтъ,

Прим. Нѣм. Изд.

(*) И это была бы бездѣлка передъ тѣмъ, что дѣлалъ Наполеонъ для подрыва Англійскихъ мануфактуръ.Ліонъ есть одинъ городъ; но Берлинскіе и Майландскіе декреты имѣли въ виду разорить всѣ Англійскіе города съ фабриками. *Прим. Нѣм. Изд.*

(**) Безъ сомнѣнія, по народному праву. *П. Н. И.*

(***) Не должно ли также оправить колодязи, какъ нѣкогда Испанцы въ Америкѣ, травить собаками дикарей, или варваровъ? Если бы когда нибудь въ Нѣмецкихъ газетахъ про-

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Приближеніе Союзниковъ къ смятенной столицѣ Франціи и къ послѣдней цѣли ихъ похода; расположеніе союзныхъ армій вокругъ Парижа отъ Соасона до Брешанъ, что онѣ составляютъ уголъ, примыкающій съ переди къ Шалону; присоединеніе къ главной силѣ съ одной стороны корпуса Вреде, а съ другой корпусовъ Бюлова, Винценгероде и со дня на день ожидаемаго Наслѣднаго Принца Шведскаго; направленіе общихъ силъ къ одному пункту для обезпеченія успѣховъ оружія и судьбы кампаніи; осторожныя движенія соединенныхъ войскъ подъ начальствомъ опытнаго полководца, дѣйствующаго по тактикѣ, не похожей, къ щастію, на ту, которая такъ скоро привела Французовъ къ Сѣверу и гробу; щастливѣйшія предзнаменованія въ пользу рѣшительной побѣды, которая должна опредѣлить равновѣсіе Европы, щастіе народовъ и судьбу человѣка, долго игравшаго судьбами Царствъ и жизнію себѣ

повѣдывали такія дьявольскія правила, что сказалъ бы Наполеонъ въ Монитерѣ? а крайность была бы по крайней мѣрѣ извиненіемъ для Нѣмцевъ. Французы, напротивъ того, имѣютъ только одного врага — ихъ Императора. *Прим. Нѣм. Изд.*

подобныхъ; новое зрѣлище безпрерывнаго теченія военныхъ дѣйствій при дѣятельномъ ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Шатильонѣ; отправленіе курьеровъ съ мѣста Конгресса на островъ Великобританіи черезъ Парижъ и Калле съ паспортами Бонапарта (*); занятіе обоихъ увеселительныхъ замковъ прежнихъ Королей Бурбонскихъ, которыхъ воскресающія пѣни удивляются присутствію Донскихъ героевъ, побѣдою принесенныхъ на берега Сены (**); весь Брабантъ, пріобрѣтенный черезъ успѣхи Сѣверной арміи въ Голландіи, Римъ, Флоренція и Генуя черезъ дѣйствія Неаполитанцевъ и Англичанъ въ Италіи, новыя выгоды черезъ побѣды Графа Беннингсена въ Голштиніи: таковы важнѣйшія черты, которыя на политической картинѣ Европы представляются очамъ изумленнаго свѣта, нетерпѣливо ожидающаго конца великихъ происшествій!

Но любопытство, устремленное на сей главный предметъ, обращается и на другія Европейскія дѣла, тѣсно съ первымъ связанныя. По увѣдомленію Англійскихъ газетъ, Союзники и самъ Принцъ Регентъ

(*) См 917 нумеръ Нѣмец. газеты: *Zuschauer* и Berlin. Zeit.

(**) Фонтенбло и Версаль заняты Гр. Платовымъ.

объявили, что они не воспротивятся ни мало, естьли Бурбонскій Принцъ сядетъ на тронъ Французскій; но равномѣрно не воспротивятся и тогда, когда Французы отдадутъ корону чужестранцу, и что рѣшеніе предоставляется на волю Французской націи. Въ Лондонъ прибылъ 12 Февр. (н. с.) курьеръ отъ Лорда Кастльрега изъ Шатильіона; но содержаніе депешъ его неизвѣстно. Между тѣмъ послѣ шести конференцій Министры Союзниковъ подали на конгрессѣ *ultimatum*, по которому требуютъ здачи крѣпостей Майнца, Люксамбурга, Стразбурга и Мантуи, безъ чего не будутъ продолжаться переговоры. Такъ говорятъ Нѣмецкія Вѣдомости (*).

Графъ д'Артуа, въ Базелѣ, ожидая возвращенія курьера, посланнаго имъ въ главную квартиру союзныхъ Монарховъ, напечаталъ ту прокламацію, которую Людовикъ XVIII отъ 1 Февр. 1813 г. пустилъ изъ Англіи, и гдѣ обѣщаетъ онъ сохранить Сенатъ, утвердить продажу національныхъ имѣній, признать чиновниковъ въ ихъ достоинствахъ и проч. Но по новѣйшимъ извѣстіямъ Рижскаго Зрителя, отпечатанная въ Базелѣ прокламація, по требованію тамошняго Коммендантша, оставлена безъ дѣйствія (**).

(*) Zuschauer. (**) Zuschauer.

Какъ ни дурны обстоятельства Наполеона, онъ не перестаетъ дѣйствовать хитростями. Агенты его въ Испаніи возмущаютъ народъ, разпуская слухи, будто Англичане заняли для себя Кадиксъ и Карѳагену; но Веллингтонъ опровергъ ложь, выведя войска изъ сихъ городовъ. Этого не довольно: офиціальная газета Наполеонова Монитеръ увѣряетъ, что между Коленкуромъ и Англійскимъ посломъ есть *великое* согласіе, и что они оказываютъ другъ другу *великое* уваженіе.

Достойно сожалѣнія, что пріобрѣтая почтеніе враговъ своихъ, Наполеонъ не умѣетъ, или не можетъ пріобрѣсть почтенія подданныхъ. Вся Европа читаетъ нынѣ съ любопытствомъ тѣ неучтивыя истины, которыя говорили ему въ Законодательномъ собраніи. Примѣчательнѣйшая изъ нихъ есть слѣдующая рѣчь Г. Ренуара:

— „Императоръ, созвавъ Законодательный корпусъ, подалъ Франціи торжественный опытъ довѣренности и любви къ своимъ народамъ. Наши сосѣди увидятъ съ зависти́ю могущественнаго Монарха, сѣдящаго какъ отца между вѣрными подданными, которые по его гласу стеклись изъ всѣхъ частей обширной Имперіи, чтобы участвовать въ дѣлахъ его совѣта и въ тайнахъ его кабинета.

Потомство съ изумленіемъ прочтетъ славныя лѣтописи царствованія, ознаменованнаго тѣми безчисленными побѣдами, которыя засвидѣтельствовали передъ Европою и вселенною превосходство Французскаго воинства, а еще болѣе великій умъ его предводителя. Но другой важнѣйшій примѣръ, недавно случившійся, ожидаетъ нашихъ потомковъ.

Политическія безпокойства, которыхъ причина была неизвѣстна, перервали согласіе между Императоромъ Франціи и Всероссійскимъ Императоромъ. Можетъ быть война была необходима, но предпринята въ опасное для насъ время.

Наше воинство выступило съ воинствами всѣхъ Сѣверныхъ Государей противъ сильнѣйшаго и опаснѣйшаго Царя въ свѣтѣ. Быстрыя побѣды наши стоили намъ дорого. Жестокость зимы, неизвѣстной въ странахъ нашихъ, всѣ наши побѣды обратила въ пораженіе, и дыханіе Сѣвера поглотило наше отборное воинство.

Государь, вѣрный нашъ союзникъ, призвалъ Французскія войска и ея Августѣйшаго предводителя во внутренность своихъ владѣній. Дрезденъ былъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій. Но когда Саксонскій Дворъ

славился своимъ великодушіемъ и своею вѣрностію, другое противное разположеніе волновало духъ Саксонцевъ и полагало начало непростительной измѣны.

Баварія, послѣ отступленія отъ Москвы, отдѣлила свою пользу отъ нашей. Управа нашей силы досаждала народу, который въ опредѣленіи налоговъ и сборѣ податей пользовался издавна великою независимостію.

Но было далеко отъ холодности до разрыва. Баварскій Король разсудилъ приступить къ послѣднимъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, видя, что Франція не въ силахъ противиться общему нападенію враговъ ея.

Воинъ, родившійся въ нашемъ отечествѣ, который дерзнулъ предпочесть тронъ достоинству Французскаго гражданина, хотѣлъ утвердить свое могущество на громкомъ возглашеніи противъ благодѣтельной руки, которая даровала ему нынѣшній санъ его. Оставимъ безъ разсмотрѣнія причину сего отпаденія. Будемъ говорить съ уваженіемъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя политика рано или поздно оправдаетъ, но будемъ сожалѣть о талантахъ, для отечества пагубныхъ.

За нѣсколькими днями славы послѣдовали новыя бѣдствія, гораздо ужаснѣй-

нія тѣхъ, которыя изтребили нашу первую армію.

Тогда Европа возстала противъ Франціи, и въ то время, какъ Шведскій герой приводилъ къ Союзникамъ побѣдоносные легіоны свои, Голландія разрывала съ нами дружескія связи. Воспылавшая Европа стремилась возпалить во Франціи тотъ огонь, который по ней разливался.

Намъ не остается, Милостивые Государи, представить вамъ никакой утѣшительной картины. На мѣсто многочисленнаго ополченія, сокрушеннаго бурями Сѣвера, явилось другое, составленное изъ воиновъ, уведенныхъ отъ плуга, искуства и торговли. Ихъ кровію насытились поля Лейпцигскія и волны рѣки Вислы увлекли цѣлые полки согражданъ нашихъ.

Мы должны признаться, что непріятель, приведенный побѣдою къ берегамъ Рейна, предложилъ нашему Августѣйшему Императору миръ, который для героя, привыкшаго ко щастію, могъ казаться страннымъ. Но естьли съ гордымъ и героическимъ духомъ онъ отвергнулъ условія мира, пока не извѣстно было точное состояніе Франціи, то не льзя теперь безъ крайней неосторожности повторить тотъ

же отказъ, когда непріятель переступилъ за границы нашихъ законныхъ владѣній.

Естьли бы надлежало принять обидныя условія, то объявленіе въ народу о намѣреніи врага былъ бы единственный отвѣтъ нашего Монарха. Не Союзники хотѣли не унизить насъ, а заключить въ границахъ и удержать порывы честолюбивой дѣятельности, столь пагубной со времени двадцати лѣтъ для всѣхъ Европейскихъ народовъ.

Кажется, что ихъ предложенія приносятъ честь націи; ибо онѣ доказываютъ, что другія Державы насъ уважаютъ и боятся. Не враги полагаютъ границы нашему могуществу, но устрашенный міръ воззываетъ общее право народное. Пиренеи, Альпы и Рейнъ вмѣщаютъ обширныя страны, изъ которыхъ многія не зависили отъ прежней короны Французской; а Королевская корона сіяла величествомъ и славою между всѣми другими.

(Здѣсь Президентъ перервалъ рѣчь оратора сими словами: *вы говорите противное конституціи.* Ренуаръ отвѣчалъ: *здѣсь ничего нѣтъ противнаго конституціи, кромѣ вашего присутствія*, и продолжалъ.)

Титулъ покровителя Рейнскаго союза перестаетъ быть почетнымъ для Монарха достоинствомъ, какъ скоро народы того союза свергаютъ его покровительство. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло состоитъ не въ правѣ завоеванія, но въ преимуществѣ союза, полезнаго для Германцевъ. Державная рука подавала имъ опору; они уклоняются отъ сего благодѣянія какъ отъ несноснаго бремени. Достоинство Е. В. требуетъ, чтобы онъ оставилъ на ихъ волю тѣ народы, которые стремятся подъ иго Австріи.

Въ разсужденіи Брабанта, когда Союзники предлагаютъ миръ на основаніи Люневильскаго трактата, намъ кажется, что Франція можетъ безъ потери жертвовать сими владѣніями, которыя удержать за собою трудно; въ которыхъ обнаруживается Англійскій духъ и для которыхъ, на конецъ, какъ необходима торговля съ Англіей, что во все время нашего правленія онъ терпѣли крайнюю бѣдность.

Не передъ нашими ли глазами въ Голландіи цѣлыя семейства удалялись изъ отечества, какъ будто бы гонимыя бичемъ истребительнымъ, и скрывались въ непріятельскія земли съ ихъ богатствомъ и промышленностію.

Нѣтъ нужды конечно въ смѣлости, чтобы возносить гласъ истины предъ сердцемъ нашего Монарха; но какія бы опасности намъ ни угрожали, мы хотимъ лучше подвергнуться гнѣву его, нежели оказаться недостойными его довѣренности; хотимъ лучше подвергнуть жизнь свою опасности, нежели тотъ народъ, который представляемъ въ лицѣ своемъ. Не будемъ ничего скрывать. Мы на верху бѣдствій. Непріятель грозитъ отечеству на всѣхъ пунктахъ его границъ. Торговля рушилась; земледѣліе томится; промышленность упадаетъ; и нѣтъ ни одного Француза, которому бы не оставалось залѣчить, или въ его семействѣ, или въ его имуществѣ, тяжкую рану.

Уже пять лѣтъ тому, какъ земледѣлецъ не имѣетъ никакого наслажденія; онъ не живетъ плоды трудовъ его обогощаютъ казну, которая ежегодно расходится на содержаніе войскъ, всегда бѣдныхъ и голодныхъ.

Конскрипція обратилась для Франціи въ несберпимое зло; ибо она простирается въ исполненіи далѣе истинной мѣры. Два года сряду, по два раза въ годъ собираютъ людей, какъ жатву.

Жестокая война безъ всякой цѣли, пожираетъ ежегодно юношество, отнятое отъ воспитанія, земледѣлія, искусства и торговли. Не уже ли слезы матерей и потъ народовъ есть собственно наслѣдіе Царей?

Время отдохнуть народамъ, время Державамъ остановить ихъ кровавую вражду, брань и сѣчу. Время, чтобы престолы утвердились, и чтобы свѣтъ пересталъ упрекать Францію въ намѣреніи заносить во всѣ земли искры революціоннаго мятежа.

Нашъ Августѣйшій Монархъ, дѣля нашу ревность и пылая усердіемъ къ общему благу, одинъ достоинъ совершить такое великое дѣло.

Любовь къ военной славѣ и къ ея подвигамъ можетъ обольстить великодушное сердце; но для истиннаго героя, который гнушается славою, купленною кровію народовъ, истинное величіе состоитъ въ народномъ благоденствіи, имъ сотворенномъ. Французскіе Монархи величались, почитая себя обязанными короною Богу, народу и мечу своему; ибо миръ, добродѣтель и сила поставляютъ вмѣстѣ съ народною свободою твердѣйшую для Царства опору." —

Наполеонъ отвѣчалъ, что Законодательное Собраніе и ея Коммисія состоитъ изъ

мятежниковъ, и чтобы Члены возвратились въ домá свои. Въ его рѣчи, весьма отрывистой и весьма бѣшеной, которую изобилïе матерïй не позволяетъ намъ сообщить полную; замѣчательны два мѣста: *тронъ есть только дерево, покрытое бархатомъ* (Ce trône n'est que du bois recouvert de velours). *Францïя имѣетъ болѣе нужды во мнѣ, нежели я имѣю нужду во Францïи.* — Первое справедливо, но не въ отношенïи къ нему; ибо тронъ его одѣтъ не истиннымъ и не чистымъ бархатомъ. А что касается до послѣдней его мысли, то Г. Меркель отвѣчаетъ на нее очень хорошо: „Францïя и безъ него „останется сильнымъ Государствомъ; но „что будетъ Наполеонъ безъ Францïи?“

Марта 13 *дня.*

Москва.

Увѣдомленіе
о двухъ нещастныхъ семействахъ.

(Письмо къ Издателю.)

Пріемлю смѣлость, Милостивый Государь, отнесшися къ вамъ съ извѣстіемъ о двухъ нещастныхъ семействахъ. Статская Совѣтница К* А* Постуховская имѣла достойнаго супруга, который долго служилъ Отечеству по гражданской части и былъ добрымъ отцемъ семейства; но за восемь лѣтъ передъ симъ смерть похитила у ней супруга, оставя на ея попеченіе малолѣтныхъ дѣтей. Съ того времени судьба не перестаетъ гнать ее: она лишилась всего имущества; а по нашествіи всеобщаго врага въ городъ Минскъ лишилась и послѣдняго пропитанія. Она вышла пѣшкомъ со всѣмъ семействомъ своимъ; но благодаря состраданію одного Маіора, который помѣстилъ ее въ своемъ экипажѣ, она прибыла съ вагенбургомъ въ городъ Рославль, гдѣ и жила до сихъ поръ въ самомъ жалостномъ состояніи. При ней замужняя дочь съ полутора-годовыхъ сыномъ. Выдавъ ее замужъ четырнадцати лѣтъ, она утѣшалась мыслію, что найдетъ у зятя пристанище съ остаткомъ своего семейства; но дочь чрезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы проводила мужа въ армію (*) и въ теченіе двухъ лѣтъ имѣла только одно извѣстіе чрезъ постороняго человѣка, что мужъ ея тяжело раненъ. Такимъ образомъ она не получаетъ отъ него никакой помощи

(*) Онъ служитъ въ двадцатомъ егерьскомъ полку Капитаномъ.

на содержаніе себя и сына. Недавно онѣ возвратились въ городъ Минскъ; но передъ отъѣздомъ продали послѣднюю шубу. Сердце мое обливалось кровію, провожая нещастныхъ.

Другій нещастный, есть бѣдный дворянинъ Я* И* Крыжевскій, недвижимо лежащій отъ удара паралича. Съ потерей его здоровья, жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей лишились ихъ единственной подпоры и не имѣютъ дневнаго пропитанія. Они живутъ въ Рославлѣ.

Въ пріятной надеждѣ, что любезные наши соотечественники примутъ участіе въ судьбѣ сихъ страдальцевъ, прошу тѣхъ, кому угодно будетъ оказать имъ помощь, присылать ко мнѣ *въ Смоленскую Губернію, въ городъ Рославль*, на имя *Александры Львовны Митрофановой*. А къ вышеозначенной Статской Совѣтницѣ могутъ присылать пособіе и на ея имя *въ городъ Минскъ*. А я, съ особеннымъ удовольствіемъ принимая на себя выполнять препорученіе благотворительныхъ людей, буду увѣдомлять чрезъ вашъ Вѣстникъ о полученіи и доставленіи помощи.

Напечатавъ сіи извѣстія, вы обяжете пребывающую къ вамъ и проч.

Александра Митрофанова.

22 Февраля 1814.
Городъ Рославль.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1814.

№ 7.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СИРОТЫ ВЪ МАЛОРОСІИ,

или

цвѣты: Иванъ и Марья.

Повѣсть.

На прекрасныхъ берегахъ Ворсклы, орошающей три долины и высокій холмъ, на которомъ стоитъ городъ Полтава, въ одной козацкой станицѣ (*), расположенной у подошвы холма и въ виду города, жили нѣ-

(*) Время истребило имя ея изъ памяти тамошнихъ жителей; одна повѣсть о сиротахъ осталась извѣстною.

когда безродныя сироты Иванъ и Марья, оба въ пеленахъ найденныя, одинъ подъ стѣнами Полтавы, а другая черезъ годъ времени во глубинѣ дремучаго лѣса за нѣсколько сотъ верстъ отъ селенія. Первый, какъ говорили, родился отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, которыхъ жестокосердые наслѣдники, не имѣя чѣмъ содержать младенца, откинули его по смерти отца и матери; а послѣдняя была дочь шляхетской вдовы, которая черезъ Полтаву возвращаясь на свою родину пѣшкомъ и въ крайней бѣдности, на дорогѣ умерла такъ скоропостижно, что грудная дочь ея погибла бы конечно въ лѣсу безъ всякой помощи, естьли бы не наѣхали на нее козаки и не привезли въ селеніе. Добрые люди выкормили и содержали ихъ до нѣкотораго времени. Они выучились даже грамотѣ; и оба получили отъ природы не только умъ, но и даръ говорить складно; ибо имѣли въ сердцѣ глубокую чувствительность. На девятомъ году ихъ возраста они были оставлены на произволъ судьбы и Провидѣнія; имъ надлежало питаться подаяніемъ и просить ночлега именемъ Христовымъ. Но сироты, не имѣя другаго крова и другой пищи кромѣ тѣхъ, которыя Богъ посылалъ имъ черезъ исполнителей Христіанскихъ добродѣтелей, не знали, какъ птицы небесныя, ни заботы, ни пе-

чали, ни жалобы на судьбу свою. Веселы и довольны, когда выходили поутру просить милостыни; вдвое довольнѣе и благодарнѣе добрымъ людямъ, когда имѣли въ рукѣ черствый кусокъ хлѣба и нѣсколько копѣекъ въ кошелькѣ, они прославляли имя Божіе, и отъ утра до вечера пѣли простыя народныя пѣсни такъ пріятно, такъ выразительно, что мимоходящіе, любуясь на чету младенцевъ, невольно опускали деньги въ суму ихъ; а старцы, видя богатое подаяніе, говорили внучатамъ: Богъ милуетъ безродныхъ сиротъ въ мірѣ. Но сей Богъ послалъ имъ новое утѣшеніе, котораго не приноситъ другимъ ни знатный родъ, ни богатое состояніе, какъ будто бы въ замѣну тѣхъ родственныхъ и сердечныхъ связей, которыхъ судьба ихъ лишила. Польза сводитъ людей, а нещастіе дружитъ ихъ. Сперва Иванъ и Марья, едва зная другъ друга въ лицо, встрѣчались передъ воротами богатыхъ, и другъ за другомъ слѣдовали по одной дорогѣ; но скоро ознакомились. „Будемъ вмѣстѣ ходить по міру,“ сказалъ Иванъ Марьѣ; „я смиренъ, а ты смирнѣе и мени; мы не обидимъ другъ друга.“ — Хорошо — отвѣчала Марья; — но естьли ходить вмѣстѣ по міру, то смотри, Иванъ, чтобы ни въ чемъ не дѣлиться, и все имѣть общее, и хлѣбъ, и трудъ, и уголъ въ ха-

шѣ; ты будешь приносить солому, а я буду настилать ее; одна котомка будетъ у насъ изголовьемъ, а другая покрываломъ; ты прилягешь ко мнѣ головою, а я къ тебѣ, чтобы не затѣснить хозяевъ и не занять всего угла, который отведутъ намъ добрые люди. Съ того времени они были неразлучны. Надлежало видѣть, какъ дѣтская, но рѣдкая привязанность ихъ возрастала съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ; какъ они спорили о послѣднемъ кускѣ хлѣба, чтобы имѣть удовольствіе одному уступить его другому; какъ Иванъ, стыдяся за свою бѣдную и до плечь обнаженную подругу, прикрывалъ нагошу ея лоскутками, оторванными отъ его собственнаго рубища, а самъ не стыдился одежды нищаго. Иногда, странствуя изъ одного селенія въ другое черезъ холмы и долины, черезъ лѣса и рощи, они перебирались по золотому песку рѣки, опираясь одинъ на плечо другаго и въ нѣкоторыхъ глубокихъ мѣстахъ выставляя только надъ серебряными струями двѣ младенческія головы и два миловидныя лица, какъ будто бы сами геніи или боги того источника выглядывали изъ урны водъ своихъ; иногда, утомленные дальнею дорогою, они отдыхали на открытомъ полѣ, и на берегу свѣтлаго источника, или въ прохладѣ тѣнистыхъ кустовъ засыпали, ласково обнявъ

шись руками. Съ какимъ, на конецъ, жаромъ, превышающимъ ихъ возрастъ, они другъ за друга вступались, когда случалось одному терпѣть отъ людей обиду, или насмѣшку! Такъ слабые, едва оперенные и съ гнѣзда матери унесенные птенцы ищутъ ее вокругъ себя, не находятъ, и жмутся подъ крыло одинъ къ другому, какъ будто бы укрываясь отъ бури стихій и руки человѣка.

Одна бездѣтная старушка, у которой они всего чаще пристывали, полюбила ихъ какъ дѣтей своихъ; но могла только любить, а не помогать имъ: ибо сама была такъ бѣдна, такъ безпомочна. Одна низменная хата; одна коза, питающая хозяйку молокомъ своимъ; одинъ барашекъ, одѣвающій ее на зиму своею шерстію; и ничего болѣе, ни овцы для приплода, ни коровы для молока, ни лошади для уборки хлѣба. Но съ тѣхъ поръ, какъ добрая вдова дала убѣжище безроднымъ сиротамъ, Богъ благословилъ ея жатву, и все перемѣнилось въ ея домѣ; дѣти облегчали для старушки труды домашняго хозяйства: одинъ очищалъ дворъ, а другая убирала хату. Иванъ развелъ маленькой садъ, насадилъ для защиты отъ солнечнаго зноя красную шелковицу, бѣлую черемху, дикую розу, и зеленыя вѣтви ихъ переплелъ на-

подобіе бесѣдки, въ которой наши маленькіе друзья любили, какъ птички въ гнѣздѣ, прятаться и цѣловаться съ дѣтскою еще невинностію. Марья всякой день вытирала стѣны и лавки, полъ усыпала пескомъ, и украшала хижину рѣдкою опрятностію, которую такъ любила, что, не смотря на бѣдное рубище, не давала упасть на себя ни одной пылинкѣ безъ того, чтобы не сдуть ее своими губами, алыми, какъ роза, и дыханіемъ благовоннымъ, какъ амбра. Они несли и другіе труды сельскіе, хотя имъ было тогда не болѣе десяти лѣтъ; но за труды свои не хотѣли другаго награжденія, кромѣ угла для ночлега; они не соглашались даже, не смотря на усильную просьбу старушки, питаться ея хлѣбомъ, и продолжали доставать его милостынею. Добродушіе обитало подъ кровлею ихъ смиренной хижины. Какъ часто бездѣтная вдова, утѣшенная любовію сиротъ, возводила на небо слезящее око, а къ Богу обращала сердце, преисполненное чувствительности! Какъ часто дѣти, стоя съ нею на колѣняхъ, молились Ему отъ чистаго сердца, и благодарили за тѣ немногія блага, которыя вкушали въ жизни! Ахъ! мірскіе щастливцы, осыпанные всѣми дарами земли и Неба, рѣдко благодарны Провидѣнію! Но люди, небогатые радостями жизни, бываютъ за то гораздо

чувствительнѣе къ малѣйшимъ благодѣяніямъ божественнаго Промысла!

Была весна. Насталъ великій праздникъ Троицы, столь священный для усердныхъ Христіанъ. Уже на восходѣ утренняго солнца все зеленѣло, цвѣло и благоухало въ преддверіи храма Божія и вокругъ сельскихъ хижинъ, обсаженныхъ деревами, усыпанныхъ травами и цвѣтами; здѣсь молодыя дѣвушки украшались вѣнками; тамъ дѣти, нарядно одѣтыя, бѣгали по лугу: всѣ веселились, кромѣ Ивана и Марьи, которые, стоя на улицѣ, смотрѣли на другихъ дѣтей, взглядывали другъ на друга и говорили: у насъ нѣтъ обновы и для великаго праздника; мы сироты! Гдѣ взять? кто намъ дастъ? кто насъ одѣнетъ? — „Никто, кромѣ Бога!“ заплакавши сказала Марья.“ — И вдругъ бѣжитъ къ нимъ ихъ хозяйка, выноситъ плачущимъ сиротамъ чистое бѣлье, два богатыя платья, прекрасную обувь, нарядную шляпу для одного, бисерную повязку для другой, разсказывая имъ съ великою радостію, какъ одинъ Полтавскій богатый купецъ, который наканунѣ смерти роздалъ бѣднымъ великія суммы денегъ, свѣдалъ о нихъ безродныхъ сиротахъ, и прислалъ не только праздничную, но и будничную одежду, съ хлѣбнымъ запасомъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

и съ немалою суммою денегъ, такъ что они не имѣютъ уже нужды скитаться по бѣлому свѣту съ котомною за плечами. Сама бѣдная старушка была безъ души и памяти; но что же были щастливыя сироты? Они ничего не слыхали, не видали, не чувствовали, кромѣ удовольствія показаться на улицѣ не въ нищенскомъ уже платьѣ, но въ богатомъ нарядѣ, которому могли завидовать дѣти самыхъ зажиточныхъ козаковъ. Они одѣлись. Марья любовалась своимъ уборомъ, а Иванъ любовался ею. „Ты была и всегда пригожа“ говорилъ маленькой другъ ея; „но теперь ты пригожѣе всѣхъ красныхъ дѣвушекъ въ селѣ: ты бѣлѣе твоего бисера, румяннѣе твоей алой ленты; когда ты стоишь, поднявши голову, ты прима и статна, какъ тотъ гордый лебедь, который плаваетъ у насъ по озеру; а глаза твои, Марьюшка, глаза твои и свѣтлы и темны, какъ ясный въ ночи мѣсяцъ, какъ яркія на небѣ звѣзды. Нѣтъ, я не умѣю сказать, какъ ты хороша въ этомъ нарядѣ.“ — Марья отвѣчала только пріятнѣйшею усмѣшкою въ свѣтѣ. Невинность ея не раздѣляла еще того сердечнаго движенія, которое начинало уже волновать отрока.

На вечерѣ Троицына дня, когда толпы народа разсыпались по лугамъ и

рощамъ съ плясками и пѣснями, завивая цвѣточные вѣнки и составляя веселые хороводы, наши товарищи, слѣдуя за толпами изъ одного мѣста въ другое, прибѣжали въ рощу, гдѣ представилось имъ нѣсколько тѣхъ желто-синихъ цвѣтовъ, которые нынѣ украшаются ихъ именемъ и которые ранѣе другихъ вышли на одной равнинѣ. Иванъ нарвалъ цвѣтовъ, Марья сплела изъ нихъ вѣнки; но оба не могли вспомнить ихъ имени или имъ неизвѣстнаго, или заглаженнаго въ ихъ памяти долговременнымъ отсутствіемъ весны. „Назовемъ ихъ твоимъ именемъ," сказалъ Иванъ съ улыбкою, играя темнорусыми волосами красавицы и убирая голову ея сими цвѣтами. — Нѣтъ — отвѣчала Марья — пускай же лучше называются они моимъ и твоимъ именемъ вмѣстѣ. — „А какъ есть на нихъ два цвѣта и желтый и синій" прибавилъ Иванъ „то пускай свѣтлый цвѣтъ носитъ твое имя, а темный мое." — Для чего же? — „Для того, что лице твое весело, какъ этотъ цвѣтъ веселъ для глазъ; что когда ты прячешься отъ меня за кусты, то издалека вижу въ промежуткѣ листочковъ большіе и свѣтлые глаза твои, какъ бы двѣ крупныя ягоды на зеленой травѣ, и что безъ тебя мнѣ одному такъ скучно, какъ скучно бываетъ въ сумерки подъ конецъ вечера." Они

улыбнулись и побѣжали къ народу, одною рукою обнявшись, а другою держа передъ собою вѣнокъ, черезъ которой цѣловались со смѣхомъ, громко повторяя: вотъ цвѣтокъ Ивана и Марьи! вотъ цвѣтокъ Ивана и Марьи! Народъ увидѣлъ прелестную чету отроковъ, бѣжавщихъ по лугу, ихъ милыя лица и розовыя губы, соединенныя въ срединѣ цвѣточнаго вѣнка, наподобіе тѣхъ двойныхъ лицъ, или головъ, которыя такъ живописно представляются на древнихъ медаляхъ — увидѣлъ ихъ взоры и ласки, похожія на любовь другаго возраста, не столь невиннаго, но столь же прекраснаго и щастливаго, увидѣлъ и плѣнился симъ зрѣлищемъ. Тотчасъ юноши и дѣвы окружаютъ отроковъ, изъ вѣтвей составляютъ носилки, поднимаютъ ихъ на руки, съ торжествомъ несутъ по лугу, величая ихъ въ пѣсняхъ и украшая вѣнками, какъ древніе народы вѣнчали нѣкогда своихъ героевъ, но за другую славу, не столь чистую и безпорочную. Радостный плескъ народный несется по воздуху, и пробуждаетъ громкое эхо; горы и долины повторяютъ его. Рѣзвое юношество нарочно твердитъ имена дѣтей, чтобы звучное эхо перетвердило ихъ до тысячи разъ. Наконецъ веселый и ясный вечеръ заключается хороводными плясками въ честь прекрасныхъ сиротъ и торжественною клятвою всѣхъ дѣвъ и

юношей называть впредь: Иванъ и Марья цвѣты, прославленные ихъ первою склонностію. Никогда любовь въ селахъ не имѣла столь великаго торжества и столь пріятной награды! Вотъ происхожденіе того имени, которое носятъ извѣстные желтосиніе цвѣты, у насъ во множествѣ растущіе и на поляхъ и въ рощахъ.

Между тѣмъ приближился другой возрастъ. Марьѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Въ лицѣ ея игралъ румянецъ дѣвической стыдливости; на стройномъ станѣ раскидывалась пышная грудь, какъ раскидываются первыя почки весенней розы; казалось, что прекрасные глаза ея со дня на день наполнялись любовною и сердечною томностію. Иванъ, годомъ ее старѣе, не имѣлъ такого прекраснаго лица, какъ она; но имѣлъ черты пріятныя, ростъ высокій, и такой живый взоръ, который сыпалъ искры, и съ нѣкотораго времени устремлялся на Марью съ удивительною быстротою. Марья любила смотрѣть на глаза его, когда онъ говорилъ съ другими; но если ли видѣла ихъ на себя обращенными, то невольнымъ образомъ потупляла свои въ землю, и долго не смѣла взглянуть на того юношу, съ котораго не хотѣла никогда сводить очей своихъ. Но ахъ! какъ все перемѣнилось! Недавно другъ ея имѣлъ щастливое право ла-

скатьсл къ своей подругѣ съ полною свободою; теперь ему не позволено, какъ прежде, ни будить ее передъ восходомъ солнца, ни плескать изъ рѣзвости ключевою водою на прелести красавицы; ни быть свидѣтелемъ тѣхъ рѣзвостей, съ которыми она одѣвалась нѣкогда въ глазахъ своего друга, и являлась передъ утреннимъ свѣтомъ красивѣе земли и неба. Естьлижъ Иванъ покушался смягчить строгость красавицы и поцѣловать иногда щеку у той, которая въ другїе щастливѣйшїе дни сама нѣсколько разъ цѣловала его въ губы, то приносили тотчасъ жалобу старушкѣ, которая безъ пощады наказывала его клюкою, и называла дерзкимъ мальчишкою. А старушка, проведя вѣкъ свой честно, до того наговорила и натвердила о добромъ своемъ имени, что и Марья захотѣла имѣть ту же добрую славу. По ея совѣтамъ, она остерегалась съ нѣкотораго времени отъ ласки и рѣзвостей Ивана; но тому была и другая причина, о которой мы тотчасъ узнаемъ.

Съ того времени бѣдный Иванъ началъ тосковать; пересталъ пить и ѣсть, не глядѣлъ на Божїй свѣтъ, не обращался съ добрыми людьми, и потупя глаза, повѣся голову, какъ преступникъ на смерть осужденный, ночью скитался по лугамъ отъ безсонницы, а днемъ, упуская изъ своихъ

рукѣ заступѣ, или шопорѣ, стоялъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ неподвижно. А Марья, скрываясь за угломъ хаты, или за плетнемъ сада, или за стволомъ дерева, украдкой смотрѣла на тоскующаго юношу, примѣчала всѣ его движенія и тяжело вздыхала.

Въ одну ясную ночь, когда Иванъ стоялъ на берегу Ворсклы, а хозяйка заснула уже крѣпкимъ сномъ, Марья, по тайному сердечному предчувствію, выглянула изъ окна хижины, и видя Ивана печально смотрящаго на тусклое свѣтило ночи, не могла удержать порыва своего сердца, которое влекло ее на встрѣчу друга. Она выходитъ изъ хижины; оглядывается вокругъ себя, какъ будто бы остерегаясь нескромныхъ свидѣтелей, и тихими шагами подкравшись къ любимцу души своей, треплетъ его по плечу съ ласковою улыбкою, но съ пламеннымъ лицемъ, на которомъ любовь и стыдливость сражаются. Юноша вздрогиваетъ отъ осязанія руки ея, какъ отъ искры электрической; передъ нимъ стоитъ красавица во мракѣ ночи, какъ Ангелъ-утѣшитель съ небесъ слетѣвшій; едва онъ вѣритъ глазамъ своимъ. Неожиданное явленіе той, которая занимала его душу и мысли, ея восхитительная ласка, сердечное біеніе, ускоренное сердечнымъ блаженствомъ,

приводятъ его въ умиленіе. Изъ глазъ его катятся слезы; красавица отираетъ ихъ, сама плачетъ съ нимъ, и старается его утѣшить. „Нѣтъ“ говоритъ Иванъ, „нѣтъ, ты не любишь меня, какъ любила до нынѣшняго времени. Прежде были мы неразлучны отъ утренней зари до вечерней, вмѣстѣ ходили, вмѣстѣ работали и въ воскресные дни, сидя на лугу, съ котораго жаворонки поднимались выше головы нашей, радовались ихъ смѣлымъ полетомъ, а сами ласкались, другъ къ другу, какъ тѣ горлицы, которыя вьютъ у насъ гнѣзды подъ кровлями хижинъ. Ахъ! птички любятъ и не разлюбляютъ; онѣ не отстаютъ другъ отъ друга, свикнувшись въ гнѣздѣ своемъ, на которомъ дружно оперялись весною. Развѣ не было у насъ также гнѣзда общаго? И мы выросли съ тобою вмѣстѣ, ѣли и пили изъ одной чаши, покоились на одной соломѣ съ братскою любовію! Какъ могла ты перемѣниться? за чѣмъ ты бѣгаешь отъ вѣрнаго друга, который любитъ тебя, какъ душу? А что мнѣ въ душѣ и въ жизни, когда не вижу твоей любви и ласки! Нѣтъ, нѣтъ! ты не любишь меня!“ — Неблагодарный, — отвѣчала Марья, потупивъ глаза въ землю! — ты не вѣришь любви моей? А что дороже мнѣ твоего привѣтливаго взора, твоей ласковой рѣчи? Но, Иванъ подруги надо мной смѣются, называя тебя

женихомъ моимъ; злые люди говорятъ дурно о нашей ласкѣ, и съ нѣкотораго времени . . . не знаю отъ чего . . . . мнѣ стыдно и безъ людей, когда ты ко мнѣ приласкаешься. Я сказала тебѣ всю правду. — „Марья! Марья! какое намъ дѣло до чужихъ рѣчей! Естьли ты любишь меня, какъ я люблю тебя, кто мѣшаетъ намъ обвѣнчаться передъ олтаремъ Господнимъ?“ — Нѣтъ, Иванъ, наша старушка говоритъ, что тебѣ не льзя быть мужемъ моимъ. — „Для чего?“ — Для того, что ты бѣденъ; я не имѣю также достатка: намъ не льзя прокормить себя. — „Послушай, моя красавица, положись только на Бога и на твоего друга. Тотъ не оставлялъ и не оставитъ сироту безъ пропитанія; а у меня есть руки и силы. Буду работать, буду кормить и покоить тебя; не положу на тебя трудовъ свыше силы, бѣлыхъ рукъ твоихъ не оскверню черною работою; сбереженная мною отъ жара и холода, отъ горя сердечнаго и навѣта людскаго, проживешь ты годы твои, о моя красавица! съ мужемъ всегда къ тебѣ ласковымъ, въ свѣтлой хижинѣ, моею рукою срубленной, за хлѣбомъ и солью, для тебя приготовленными. О моя подруга! скажи: да, или нѣтъ; утѣшь меня!“ Марья потупила взоры, и низко поклонясь Ивану, сказала: — Когда такъ Богу угодно, будь моимъ хозяиномъ!

Какъ животворное солнце отогрѣваетъ утромъ молодыя растѣнія, застуженныя холодною росою ночи, такъ сладкая рѣчь красавицы обратила юношу къ жизни. Щастливецъ обнялъ невѣсту одною рукою; она преклонила голову на плечо къ другу своему, и звѣздное небо, подобно ихъ сердцамъ ясное, было свидѣтелемъ той безпорочной ласки и тѣхъ невинныхъ восторговъ, съ которыми тогда изливалась первая любовь ихъ. Они сѣли на берегу Ворсклы и говорили, какъ они объявятъ доброй старушкѣ объ ихъ радости, какъ будутъ вѣнчаться и тому подобное. Настала полночь самая тихая и пріятная. На высотѣ неба качался шаръ луны, какъ яркая лампада, привѣшенная къ голубому своду. Въ тишинѣ глубокой ночи слышно было вѣяніе легкаго вѣтерка, движеніе колыхающихся листочковъ, плесканіе волнъ, приливающихъ къ берегу, глухое жужжаніе насѣкомыхъ съ перерывнымъ боемъ кузнечика, какъ часы стучащаго, и любовное воркованіе горлицъ, на гнѣздѣ перекликающихся: какая-то роскошная томность, которой никакія слова выразить не могутъ, царствовала въ природѣ и проливалась въ душу уединенныхъ гостей полуночи. Иногда они смотрѣли только другъ на друга, — языкъ ихъ молчалъ, а душа блаженствовала; иногда юноша, пленный любовію и щастіемъ, взбѣжавъ на

высоту холма, громко восклицалъ въ безмолвіи ночи: Горы, лѣса и долины! твердите, какъ подруга моя прекрасна! и эхо отвѣчало въ долинахъ: прекрасна! прекрасна! Иногда онъ хотѣлъ внимать сладкому голосу подруги, и ему въ угожденіе она запѣвала:

Замолчалъ со мной сердечный другъ.
Мнѣ и свѣтъ и жизнь не взмилились;
Предъ очами солнце яркое
Во туманъ съ небесъ скатилося;
Но любезный молвилъ съ ласкою —
Сердце въ радости забилося,
И любви улыбка сладкая
Изъ тумана солнце вывела.

Или она слушала, а Иванъ пѣлъ ей сложенную самимъ имъ пѣсню; пѣлъ, какъ соловей поетъ передъ своею подругою; такимъ образомъ:

Размолвка.

Не воркуй мой голубочикъ
Ты на утренней зарѣ!
Не взлюбилъ меня дружочикъ,
И ко сѣнямъ, во дворъ
Отъ любви пути-дорожки
На томъ мѣстѣ видной нѣтъ,
Гдѣ ея прекрасной ножки
У цвѣтовъ ложился слѣдъ.

Примиреніе.

Нѣтъ, воркуй мой голубочикъ
Ты на утренней зарѣ!
Ужъ въ ладу съ дружкомъ дружочикъ,

И на травчатомъ дворѣ
Подъ слѣдомъ красивой ножки
Листъ полегъ, измялся цвѣтъ.
Ахъ! ни въ сердцѣ, ни съ дорожки
Не затрется милый слѣдъ!

Нечувствительно протекла ночь; утренняя заря возсіяла; казалось, что сей день, прекраснѣйшій изъ весенніхъ, обѣщалъ имъ жизнь веселую и щастливую, подобно началу любви ихъ. Но ахъ! что человѣческое щастіе?

Они возвращаются домой на разсвѣтѣ. Едва ступаютъ на порогъ хижины, и видятъ престарѣлую хозяйку свою, лежащую на полу мертвою. Ударъ паралича прекратилъ жизнь ея въ самую глубокую полночь. На ихъ жалобный вопль стекается толпа народа. Скоро является и старшина козацкой станицы Артемій Булашовъ, лихоимецъ безсовѣстный, человѣкъ передъ людьми безстыдный, передъ Богомъ безстрашный. Отобравъ все имущество вдовы въ мірскую казну, онъ не оставляетъ ничего сиротамъ, кромѣ ихъ платья и бѣлья; потомъ онъ взглядываетъ на прекрасную Марью глазами наглаго сластолюбца, на Ивана съ глубокимъ презрѣніемъ, и говоритъ: „Молодецъ! тебѣ уже нѣтъ въ хатѣ дѣла и мѣста; ступай съ добромъ твоимъ и пристройся къ мѣсту. А ты, краса-

вица, ты можешь до времени имѣть здѣсь пристанище, и всѣ добрые мїряне засвидѣтельствуютъ (прибавилъ онъ съ безсовѣстною усмѣшкою), что я люблю ласкаться къ такимъ пригожимъ дѣвушкамъ, какъ ты!“ . . — При семъ послѣднемъ словѣ Иванъ поднялъ голову, взглянулъ на Булатова и гордо отвѣчалъ: — Нѣтъ, старшина, нѣтъ, никому, кромѣ меня, не владѣть ею. Знай, что мы обручены словомъ, и теперь идемъ къ вѣнцу. Отвѣдай кто нибудь отнять ее изъ рукъ моихъ — „Не горячись“ отвѣчалъ Булатовъ съ притворною холодностїю, но съ тайною досадою, „не такъ прелестна красавица, чтобы мнѣ спорить съ тобою. Но когда вы идете къ вѣнцу, то оба очищайте скорѣе хату; не мѣшкайте ни часа. А я посмотрю, куда вы преклоните голову, и кто изъ козаковъ (тутъ онъ окинулъ взоромъ толпу народа) осмѣлится пустить къ себѣ этаго грубїяна и эту дѣвчонку?“ — Не бойся угрозъ его — смѣло повторилъ юноша, обратясь къ своей красавицѣ; — въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; найдемъ уголъ и пищу — сказалъ, и взявъ за руку свою плачущую подругу, скрылся съ нею изъ виду озлобленнаго начальника.

Они увидѣли себя опять бѣдными сиротами, для которыхъ нѣтъ другаго

въ свѣтѣ крова, кромѣ небеснаго, и другой пищи, кромѣ той, которую общій Отецъ невидимо посылаетъ всѣмъ тварямъ своимъ. Въ бѣдствіяхъ жизни всякой имѣетъ свое утѣшеніе и свои надежды, смотря по склонности сердца. Марья, съ упованіемъ святой вѣры, смотрѣла на небо и просила Бога о помощи; Иванъ, во всей пылкости юныхъ лѣтъ своихъ, разсчиталъ способы, и надѣялся на силу праваго дѣла. Они явились къ сельскому Священнику, чтобы просить объ ихъ соединеніи; но Священника не было дома: обязанности сана отозвали его въ другое село. Долго они ждали. Имъ хотѣлось рѣшить участь свою, чтобы имѣть уже свободу не разставаться. Но сельскій пастырь не возвращался и къ ночи. Чтобы не нарушить нѣкотораго благочинія и не подвергнуться насмѣшкамъ лукавыхъ людей, они разошлись передъ вечеромъ въ разныя мѣста, но провели ночь на улицѣ подъ открытымъ небомъ; ибо жестокосердые люди, въ угожденіе начальнику, не дали имъ ночлега. Сей первый опытъ человѣческой несправедливости оскорбилъ сердце молодаго человѣка. На другой день нещастные любовники снова стучатся у воротъ Священника. Имъ отвѣчаютъ, что отецъ Евлампій не имѣетъ времени, и гонятъ ихъ съ двора какъ преступниковъ закона и воли на-

чальства. Послѣднія слова объясняютъ имъ тайну сего отказа. Въ самомъ дѣлѣ, врагъ ихъ успѣлъ уже переговорить съ Евлампіемъ, преклонить его на свою сторону, подкупить сего недостойнаго служителя церкви. „Какъ!“ восклицаетъ Иванъ съ негодованіемъ „мы виновны можетъ быть передъ судомъ человѣческимъ, но безвинны передъ Богомъ. Пускай судитъ меня начальство, но пусть обвѣнчаетъ насъ Священникъ. Нѣтъ! я не сойду съ этаго мѣста; буду рваться къ Священнику, буду терзать его и себя воплемъ отчаянія и жалобами на людскую несправедливость.“ — Полно, — говорила Марья полно — тебѣ не усовѣстить этихъ безжалостныхъ людей: видно, что такъ Богу угодно! — „Нѣтъ“ повторилъ Иванъ „или умереть, или жить намъ другъ съ другомъ! Пустите меня къ Священнику, жестокіе люди, пустите! я найду дорогу къ его сердцу!“ — Напрасно отталкивали отчаяннаго отъ дверей дома, напрасно удерживала его сама плачущая подруга; онъ возвращался къ дому, стучался у дверей безчеловѣчнаго пастыря, грозя ему земнымъ и небеснымъ правосудіемъ. Наконецъ, наскучa симъ воплемъ, Священникъ впускаетъ къ себѣ нещастныхъ сиротъ. „Чего хотите вы отъ меня?“ свирѣпо вопрошаетъ Евлампій. — Быть обвѣнчанными по закону Божію. —

„Есть въ тому законное препятствіе,“ говоритъ Священникъ съ важностію; „вы сироты безъ имени и роду; никому не извѣстно ваше происхожденіе; можетъ быть вы находитесь въ самомъ близкомъ и даже кровномъ родствѣ между собою. А Уставъ церковный не позволяетъ мнѣ вѣнчать тѣхъ, которыхъ родство и происхожденіе мнѣ не извѣстно.“

Молодый человѣкъ увидѣлъ, что жестокій и гонящему ихъ злодѣю преданный Священникъ выдумалъ самый хитрый способъ, и могъ въ самомъ дѣлѣ не вѣнчать ихъ подъ симъ предлогомъ, котораго не льзя было опровергнуть законнымъ порядкомъ, но особливо нещастному сироть, неизвѣстному въ мірѣ, незнакомому съ дѣлами и притомъ совершенно безденежному. При сей мысли упадаетъ духъ его; сердце только чувствуетъ грозящую ему потерю любви и щастія. Величавый юноша бросается къ ногамъ пастыря, смиряетъ передъ нимъ гордость свою, униженно молитъ его тронуться ихъ участью. Съ нимъ вмѣстѣ становится на колѣни робкая Марья. Оба приносятъ прозьбу свою. Иванъ вызывается просить прощенья у начальника селенія; и требуетъ пастырскаго посредничества для примиренія его съ Булатовымъ. Но все напрасно. Непреклонный ста-

рецъ, вопреки обязанностямъ своего сана, отказывается быть миротворцемъ. „Дерзкій!“ говоритъ онъ молодому человѣку, „ничто не можетъ загладить твоего преступленія; нѣтъ надежды къ примиренію.“ — Сказалъ и захлопнулъ двери за собою.

„Испытаемъ еще одинъ способъ“ говоритъ Иванъ Марьѣ „прибѣгнемъ къ самому начальнику; можетъ быть жестокая душа его тронется наконецъ сожалѣніемъ.“ — Они идутъ къ дому старшины. Стоящіе на улицѣ поселяне, отчасти по внушенію злодѣя, отчасти по собственному дурному расположенію, осыпаютъ ихъ наглыми укоризнами и шутками. Марья слышитъ и плачетъ, а Иванъ, бѣдный Иванъ, отбораниваетсяотъ злыхъ людей, отираетъ слезы подруги, терпитъ въ одно время огорченія любви и оскорбленія ненависти. Сколько сердце его настрадалось! Но яростное отчаяніе овладѣло имъ, когда старшина, принявъ ихъ на порогѣ дома, не хотѣлъ внимать ни прозьбамъ, ни слезамъ, ни принесенному раскаянію; и упорный отказъ свой заключилъ сими словами „Не стоять тебѣ никогда подъ вѣнцемъ съ нею! вотъ мое условіе.“ — Злодѣй! — воскликнулъ Иванъ, которому сія рѣчь возвратила гордость и негодованіе — злодѣй! никогда не бывать

тому, чтобы ты насытилъ твои желанія и осквернилъ безпорочную красавицу! Надъ нами судъ Божій! зову на тебя проклятіе небесное. О земля, разступись подъ ногами беззаконнаго преступника; о Небеса! пошлите на человѣка безбожнаго бурю огненную, да погибнетъ тѣло его въ огнѣ и пламени, и да развѣется по вѣтру прахъ костей его! — И видя, какъ старшина со смѣхомъ удалялся, онъ кричалъ ему въ слѣдъ: „Смотри! рано, или поздно правый судъ Божій совершится!“

Отходя отъ сего мѣста, Иванъ съ отчаянія рвалъ на себѣ волосы, стучалъ ногами, вопіялъ на людей и небо. Подруга старалась всячески успокоить его. „Ради Бога!“ говорила она, „не терзайся, не ропщи, не гнѣви Бога! Ахъ! я боюсь, чтобы Господь небесный не убилъ тебя! Легко умереть съ тобою, но страшно остаться безъ тебя на семъ свѣтѣ!“ — При утѣшительномъ голосѣ и взорѣ любовницы переставало кипѣть сердце юноши, какъ бурныя волны утихаютъ передъ яснымъ вечеромъ и кроткимъ сіяніемъ западнаго солнца; но при жестокой мысли о разлукѣ съ любовницей снова ожесточалось сердце его, снова ропотъ возобновлялся.

Между тѣмъ начинались уже другіе сутки съ тѣхъ поръ, какъ они ни пили и ни ѣли. Голодъ томилъ нещастныхъ. Марья хотѣла идти одна просить подаянія подъ окнами; но Иванъ не пустилъ ее. „Сохрани Богъ“ говорилъ Иванъ; „тебя могутъ обидѣть; лучше пойду я самъ за подаяніемъ Христовымъ.“ — Но Марья не соглашалась въ свою очередь. Одна мысль тревожила обоихъ; каждый боялся за другаго стыда и оскорбленія; наконецъ женское сердце, столь изобрѣтательное на утѣшеніе любви, придумало и въ семъ случаѣ способъ обмануть заботливость друга. Она уговорила его отдохнуть на берегу рѣки, подложила ему подъ голову набранный пукъ желто-синихъ цвѣтовъ ихъ имени, розовой усыпительной дремы полеваго мака, наносящаго, какъ сказываютъ, крѣпкой сонъ и сладкія сновидѣнія, и сама прилегла къ головамъ его, чтобы притвориться спящею. Но когда страдалецъ нечувствительно склонился ко сну подъ томнымъ журчаніемъ волнъ, подъ ароматическимъ запахомъ травъ, а особливо при ласкахъ подруги, подобно младенцу, усыпленному въ колыбели пѣснями и качаніемъ матери, она воспользовалась крѣпкимъ сномъ его, и съ осторожностію поднявшись съ мѣста, пошла къ окну первой хижины просить милостыни. Суровый человѣкъ выглянулъ

изъ окна, махнулъ рукою, и захлопнулъ оконныя створки. Бѣдная сирота стучится у другаго окна; ей говорятъ: Богъ подастъ; она подходитъ къ другимъ дворамъ по очереди; тотъ же отвѣтъ и отказъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, она хочетъ уже возвратиться къ другу съ пустою котомкою, какъ вдругъ слышитъ за собою топотъ ногъ. Она оглянулась и ахнула. За нею былъ Артемій Булатовъ. „Не пугайся“ сказалъ ей злодѣй остановивъ ее за руку; „мнѣ право жаль тебя; ты не считалась бы по мірy нищею и не просила милостыни, естьли бы согласилась быть моею красавицею.“ — Лучше умереть съ голоду, нежели съ тобою жить подъ одною кровлею — смѣло говоритъ Марья, высвободивъ руку свою изъ рукъ его. — „Но“ спросилъ старшина съ усмѣшкою, „гдѣжъ вы теперь поселитесь, бездомные странники?“ — На землѣ, вольной для всѣхъ людей.“ — Хорошо; но куда укроетесь отъ непогоды и ночи?“ — Подъ кровъ лѣсовъ и рощей. — „А какъ будете кормиться?“ — Отъ руки Божіей, какъ кормятся самыя мѣлкія пташки на гнѣздѣ своемъ. — „А я разорю послѣднее гнѣздо ваше; берегитесь!“, — Богъ спасетъ беззащитныхъ. — „Послушай, умница, я не трону васъ; только приласкай и поцѣлуй меня.“ — Наглый хотѣлъ обнять красавицу; но она увернулась изъ рукъ его, и стрѣ-

лою пустилась по дорогѣ. Злодѣй не захотѣлъ догонять ее.

Едва скрылась у него изъ виду, и вдругъ встрѣчается съ нею прохожая старушка, Богомъ, кажется, посланная, которая по ея первому слову подаетъ ей богатую милостыню, два цѣлые хлѣбы и нѣсколько денегъ. Такъ Небо увѣнчало вѣру и добродѣтель ея.

Марья спѣшила возвратиться къ своему другу, боясь, чтобы онъ не проснулся и не встревожился ея отсутствіемъ; но къ щастію нашла его спящаго. Успокоенная подруга положила хлѣбы на землю, а сама стала передъ нимъ на колѣни съ душевнымъ умиленіемъ, смотря на пріятныя черты и ясное лице покоющагося друга. „Будемъ ли мы щастливы?“ тихо говорила Марья „буду ли я обвѣнчана съ человѣкомъ, милымъ для моего сердца?... О мой сердечный другъ! почивай покойно; отдохни на часокъ отъ слезъ и печалей; Господь Богъ да пошлетъ тебѣ хоть во снѣ тѣ радости и утѣшенія, которыхъ ты желаешь. Ахъ! я рада терпѣть сама и горе и муку злую, естьли бы ты могъ только быть, какъ на теперешній часъ, покоенъ и щастливъ!“ — Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ проснулся. Какая пріятная нечa-

янность! Марья подаетъ ему хлѣбъ и зоветъ его вкусить съ нею даръ Божій, невидимо въ немъ посланный. Ей не трудно было удалить сомнѣнія друга, увѣривъ его, что мимо идущая старушка надѣлила ихъ симъ богатымъ подаяніемъ. Она не смѣла разсказать ему о встрѣчѣ ея съ Булатовымъ, чтобы не привести его въ подозрѣніе и въ огорченіе. Какъ Иванъ благодарилъ Бога! и какъ спѣшилъ раздѣлить съ подругою часть ихъ дневнаго пропитанія! О таинственная прелесть любви! за кускомъ черстваго хлѣба, окропленнаго ихъ слезами, безъ вѣрнаго на землѣ убѣжища, имѣя только въ отрадѣ любовь и вѣру, они пылали страстію, наслаждались взаимными ласками, вкушали небесные восторги, неизвѣстные сынамъ мірскаго счастія. Ахъ! съ любовію и природою человѣкъ могъ бы всегда быть веселъ и доволенъ, естьли бы люди, жестокіе люди не возмущали спокойствія добраго сердца и не нарушали порядка природы!

Скоро безщастныя сироты возвратились въ безпокойнымъ мыслямъ объ ихъ состояніи. „Иванъ“ сказала Марья „намъ надобно подумать, какъ жить и какъ быть. Надобно идти въ люди; надобно искать мѣста и пропитанія. Ты приписанъ къ здѣшней столицѣ и положенъ въ окладъ;

ты не можешь оставить селенія; но я шляхетская дочь, я вольна идти, куда хочу, и до лучшаго времени наймусь въ Полтавѣ работницею, чтобы не оставаться здѣсь въ селеніи, гдѣ меня браняшъ и презираютъ.“ Куда ты хочешь идти безъ твоего друга? — перервалъ Иванъ съ чувствомъ, полнымъ страсти — останься со мною въ томъ углу, гдѣ я жить буду, нанявшись въ пастухи, или работники; днемъ буду вырабатывать деньги и кормить тебя на эти деньги; ночью покоиться у твоего сердца и тебя покоить у моего: развѣ не обѣщала ты быть моею подругою, моею женою, моею красавицею? — „Нѣтъ“ отвѣчала Марья зарасиѣвшись „намъ не льзя такъ жить до вѣнца безъ Вышняго благословенія. Богъ прогнѣвается и люди осудятъ.“ — Но, Марья, развѣ мы сами отреклися отъ вѣнца? развѣ не просили мы, не кланялись, не стояли на колѣняхъ со слезами, чтобы насъ обвѣнчали по закону Божію? Злые люди не хотятъ того. Грѣхъ останется на ихъ совѣсти; а наша любовь безвинна передъ Богомъ. — „Ахъ! Иванъ, конечно Богу такъ угодно; никто не можетъ идти противъ Его Святой воли; съ Нимъ и злые люди безсильны.“ — Они долго еще говорили. Вкрадчивая и краснорѣчивая любовь Ивана, сколько ни была убѣдительна для Марьи, не могла поколебать того добродѣтельнаго

и цѣломудреннаго намѣренія, на которое она рѣшилась и которое хотѣла тотъ же часъ исполнить, ибо настало только полдень. Иванъ взялся проводить ее до Полтавы.

Надлежало переплыть рѣку Ворсклу. Они сѣли въ лодку; Иванъ принялся за весло, и вода заструилась; но скоро задумчивый гребецъ, переставъ дѣйствовать, опустилъ весло и руки. Лодка едва катилась по гладкому неподвижному зеркалу, а полуденное солнце отсвѣчивалось на днѣ рѣки со всѣми лазурными небесами, ихъ тѣнями и облаками. Иванъ возводилъ очи на яркое солнце, опускалъ ихъ на свою подругу, которой красота, въ нѣдрахъ роскошной природы, сильно трогала его чувства, и не могъ владѣть собою. Черезъ нѣсколько времени молчанія онъ застоналъ какъ человѣкъ глубоко въ сердце уязвленный, застоналъ такъ, что Марья ахнула, и видя измѣнившееся лице своего друга, бросилась обнимать его. Ласки подруги облегчили сердце, оживили голосъ печальнаго любовника. „Марья! Марья!“ воскликнулъ онъ, „сердце мое рвется къ тебѣ; а Богъ и судьба“ . . . . онъ не могъ договорить; ручьи слезъ его окропили грудь красавицы. Въ сію минуту лодка, по теченію воды и легкаго вѣтра, пристала къ другому берегу.

Они вышли на землю. Мимоходящіе горожане, у которыхъ надлежало освѣдомиться о мѣстѣ, указали имъ въ Полтавѣ домъ столяра, который искалъ для себя работницы. Они постучались у воротъ; хозяйка дома вышла, и тотчасъ наняла Марью за хорошую плату; но взглянула на ея молодаго проводника недовольными глазами, и требовала, не только, чтобы она перервала подозрительное знакомство, но даже не имѣла бы съ нимъ свиданія, естьли хочетъ вести себя честно; ибо откровенныя сироты не умѣли скрыть отъ хозяйки, что они другъ для друга чужіе. „Подумай“ сказала Марьѣ жена мастероваго „и естьли ты согласна на договоръ, то сего дня, добрая дѣвушка, переберись ко мнѣ съ добромъ твоимъ.“

Любовники возвратились на улицу въ горести и недоумѣніи, говорили, тужили — и къ чему не принудитъ крайность? — рѣшились на условіе. Послѣ того Иванъ стоялъ такъ печаленъ, что Марья запланала и сказала: „Не грусти, мой голубчикъ! какъ бы ни была строга хозяйка, я найду время, чтобы придти украдкой съ другомъ поздороваться, хоть издалека другу поклониться. Нѣтъ, безъ того не опустится за лѣса вечернее солнышко, чтобы я не увидѣла твоего взора и не услышала твоей рѣчи. А когда выживу у хозяйки довольно времени, и за-

работаю условную плату, то приду къ моему другу съ богатою выручкою; на мое серебро и золото откупишься ты отъ подушнаго оклада; и тогда мы, вольные люди, накинемъ на плеча дорожныя котомки, и черезъ темные лѣса проберемся въ другую дальнюю сторону, гдѣ нѣтъ, можетъ быть, злыхъ людей и гдѣ добрый Священникъ съ Божіяго благословенія обвѣнчаетъ насъ. „И такъ Богъ съ тобою“ сказалъ Иванъ, утѣшенный надеждою, которую любовь обѣщала ему устами красавицы; „будь только здорова; а я самъ наймуся работать, чтобы имѣть лишнія деньги для моего выкупа.“ Онъ проводилъ Марью къ дому новой хозяйки, и у воротъ простился съ нею. Надежда скораго свиданія и пріятные виды будущаго облегчили для нещастныхъ сиротъ горесть первой разлуки.

На другой день Иванъ нанялся стеречь мѣлкое стадо, какъ свое деревенское, такъ и городское; ибо Полтавскіе жители и козаки, населяющіе станицу, всегда имѣли одного пастуха. Они были не довольны прежнимъ, и, не смотря на происки Булапова, которому хотѣлось лишить Ивана и сего послѣдняго способа пропитанія, поручили ему общее стадо. Онъ выгналъ его на обширный лугъ, передъ Полтавою лежащій, и сидя на берегу рѣки Ворсклы, пѣлъ люби-

мыя пѣсни свои, въ сладкой надеждѣ, что подруга узнаетъ голосъ его и пріѣдетъ съ нимъ увидѣться. День протекалъ въ семъ ожиданіи. Наступилъ вечеръ. Иванъ проводилъ стадо домой, а самъ, въ глубокія сумерки, переѣхалъ въ лодкѣ черезъ рѣку и передъ Марьинымъ жилищемъ сталъ въ страхѣ и надеждѣ. Иногда ему казалось, что между движущимися тѣнями ночныхъ предметовъ нѣчто къ нему приближается; сердце его трепетало; оно летѣло на встрѣчу милой подругѣ; но вмѣсто ее пробѣгали передъ нимъ одни легкія тѣни облаковъ. Онъ возвратился къ своей лодкѣ. Надъ рѣкою взошелъ свѣтлый мѣсяцъ; на водѣ отразились башни и терема того дома, гдѣ скрывалась любезная его сердцу, и въ то же время запѣли крылатые вѣстники полуночи, перекликаясь одинъ съ другимъ отъ минуты до минуты. „Ахъ!“ говорилъ Иванъ самъ себѣ, „естьли бы красавица подала мнѣ вѣсть любви и радости! Но красавица не откликается на голосъ своего друга; красавица молчитъ“ — и жалобный стонъ любовника разнесся по берегу томнымъ эхомъ. Онъ возвратился въ селеніе.

Нѣсколько дней сряду молодой пастухъ нашъ провожалъ солнце на западъ, а стадо ко дворамъ его, но не встрѣчалъ нигдѣ слѣдовъ красавицы, которую вездѣ искали его взоры. „Нѣтъ ни слуху, ни вѣсти“ ду-

малъ Иванъ самъ въ себѣ, и былъ безутѣшенъ. Скоро къ мучительной неизвѣстности прибавилось еще другое жестокое сомнѣніе. Сосѣди, у которыхъ онъ освѣдомлялся, разсказывали, что богатый столяръ имѣетъ сына, котораго ему хочется женить на честной дѣвушкѣ; что прекрасная Марья полюбилась молодому хозяину, и что у нихъ идетъ уже сватовство; нѣкоторые даже увѣрили, что они видѣли своими глазами, какъ Священникъ обручалъ жениха съ невѣстою.

Уже протекала недѣля со времени жестокой разлуки. Въ послѣдній вечеръ сей недѣли, Иванъ пасъ на лугу стадо и стоялъ у сосны, прислонясь къ стволу дерева, сложа объ руки, устремивъ неподвижные очи на вечернюю зарю, которая угасала на небѣ, какъ жизнь и радость во глубинѣ его сердца. Стадо разбрелось по обширному лугу и по ближнимъ холмамъ. Другіе пастухи, играя на свирѣляхъ, гнали уже крупную скотину домой; Иванъ не трогался съ мѣста, не сзывалъ своего стада. Послѣдняя заря потухла, все умолкло на землѣ и на небѣ, вдругъ, въ тишинѣ сумерекъ, раздались многіе голоса: Гдѣ ты, пастухъ? гдѣ твое стадо? Хозяева сами пришли скликать его, осыпая бранными словами безпечнаго пастуха. Тогда Иванъ, какъ бы отъ глубокаго сна пробуждѣнный, не отвѣчая ни

слова на брань и угрозы хозяевъ, собравъ стадо, загналъ его на дворы, и проходя мимо того дому, гдѣ заключалась его красавица, замѣтилъ съ трепетомъ сердца, что калитка была отворена.

Съ наступленіемъ ночи, когда поднималась жестокая гроза, онъ явился передъ воротами дома, и смѣлымъ шагомъ ступилъ на обширный дворъ. Небо, одѣтое черными тучами, не допускало видѣть предметы; вездѣ царствовала тишина, которая изрѣдка перерывалась только скрыпомъ калитки, качаемой порывами бурнаго вѣтра. Иванъ то останавливался, то шелъ впередъ, то возвращался назадъ, самъ не зналъ куда идетъ, чего хочетъ, и только имѣлъ одну темную мысль искать вездѣ красавицу. Наконецъ онъ доходитъ до половины двора — и вѣтеръ приноситъ къ нему звуки голоса неизвѣстнаго: недалеко отъ него шепчутъ два человѣка и одинъ говоритъ другому: *нѣтъ, право нѣтъ, Марья въ свѣтлицѣ у своего жениха.* Эти слова подтверждаютъ для него народные слухи о Марьиной измѣнѣ; по лицу его проливается кровавый потъ, по сердцу холодъ и трепетъ. Въ ужасѣ любовной ревности, въ отчаяніи смерти, онъ хочетъ закричать, чтобы испугать всѣхъ домашнихъ и вѣроломную измѣнницу; но голосъ его замираетъ, чувства нѣмѣютъ; онъ

катится на землю безъ силы и памяти. Въ сію минуту нѣсколько собакъ, пробужденныхъ шорохомъ, страшно завываютъ на сосѣднихъ дворахъ, и громкимъ воемъ заглушаютъ слабый стонъ полумертваго страдальца. Никто не слышитъ его стона. Черезъ полчаса времени, когда съ чувствомъ жизни возвращается память, онъ поднимается на ноги, чтобы идти къ невѣрной, и грозить ей смертію; но ступивъ шагъ впередъ, съ трепетомъ останавливается. Безпрерывное замираніе сердца, истощеніе силъ, какая-то робость перемѣняютъ его мысли, отнимаютъ у него силу видѣть измѣнницу — и онъ, опустивъ голову на грудь свою, возвращается къ отворенной калиткѣ; но съ послѣднимъ шагомъ говоритъ въ отчаяніи: „Марья! Марья! да будетъ тебѣ такъ горько въ день суда страшнаго, какъ горько теперь моему сердцу!“ — онъ удаляется скорыми шагами. Безпамятство приводитъ его на высокій и крутый берегъ волнующейся рѣки, которая страшнымъ образомъ ревѣла во мракѣ ночи и бури. Съ часу на часъ гроза возрастала. Черныя тучи шумѣли въ воздухѣ. Не было искры другаго свѣта, кромѣ быстрой молніи, изрѣдка пробѣгающей по небесамъ огненными излучинами. Онъ останавливается невольнымъ образомъ на крутизнѣ утеса, внимая дикому стону бе-

реговъ и свирѣпому гласу бури, которыя отвѣчали, казалось, на вопль его сердца. Ужасы природы усиливаютъ его смятенїе. Онъ произноситъ стенящимъ голосомъ: „Перестань кипѣть сердце! не далеко и дно глубокой пропасти. Развѣ долго погубить душу свою?“ — При семъ послѣднемъ словѣ яркая молиїя извилась стрѣлами по черной пучинѣ водъ; нещастный не ужаснулся, но вымѣрилъ дикимъ взоромъ пространство отъ высоты утеса до бездны кипящей у его подошвы, поднялъ глаза на небо, три раза перекрестился, и сказавъ: „Господи! прими мое покаянїе!“ двинулся на край пропасти . . . . какъ вдругъ, при блескѣ молнїи, нѣкто ахнулъ, схватилъ и удержалъ его — это была Марья.

Подобно мертвому, который возстаетъ изъ гроба, любовникъ воскресалъ въ объятїяхъ своей любовницы, но самъ не вѣрилъ своему воскресенїю. Какой свѣтъ озарилъ душу его, когда вѣрная красавица прижимала его къ своему сердцу, осыпала ласками, просила именемъ Бога подать ей нѣкоторый знакъ жизни, ибо онъ споялъ неподвиженъ отъ смѣшенїя всѣхъ чувствъ и мыслей. Но скоро, при сладкомъ дыханїи подруги, отлила первая тягость отъ его сердца, возвратилось на уста выраженїе сердечной горячности; онъ отозвался на голосъ любовницы. Но ра-

дость, подобно печали, утомляетъ человѣка. Они сѣли на берегъ отъ слабости; и тамъ, черезъ полчаса времени, Марья разсказала Ивану, что съ нею случилось.

Хозяева того дома, гдѣ она служила работницей, полюбили ее. На другой день по ея вступленіи сынъ хозяина приступилъ къ ней съ обольщеніями любви, отецъ и мать съ предложеніями о замужствѣ. Она отказала имъ. Съ досады хозяева начали примѣчать за каждымъ шагомъ ея; а не переставали называть ее невѣстою, а сына — ея женихомъ. Въ теченіи недѣли ей не льзя было никакимъ образомъ укрыться отъ ихъ бдительнаго надзора; но въ послѣдній день недѣли она имѣла случай задобрить дворника, который отперъ для нее калитку, и обѣщалъ проводить ее тихонько со двора передъ наступленіемъ ночи. Произнесенныя въ полголоса слова, которыя привели Ивана въ отчаяніе, были лживымъ отвѣтомъ дворника на вопросъ подозрительной хозяйки, стоявшей на дворѣ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Но обманъ его успокоилъ хозяйку. Она возвратилась подъ кровлю дома; а Марья сошла съ крыльца украдкою. Тогда она услышала грозное восклицаніе своего друга передъ калиткою, узнала его голосъ, и какъ не спѣшила за нимъ, могла только догнать его у берега въ тотъ са-

мый часъ, въ который молнія освѣтила передъ ней сего безумца, приносящаго Богу послѣднее покаяніе, и готоваго броситься во глубину шумной Ворсклы.

Когда Марья говорить перестала, Иванъ разсказалъ ей въ свою очередь, что происходило въ его сердцѣ, и заключилъ ее въ свои объятія, сказавъ: „О моя красавица! люблю тебя безъ души и памяти.“ — Ахъ! не люби меня такъ много, — отвѣчала Марья съ нѣжною горестію, — когда любовь доводитъ до такого зла, до такого страшнаго грѣха. Иванъ! ты погубилъ бы не одну душу свою, но и мою. Кто бъ могъ удержать меня на семъ бѣломъ свѣтѣ, естьли бы ты утопился на днѣ глубокой рѣки? Но полно, мнѣ страшно говорить объ этомъ въ темноте ночи и при шумѣ бури. — . . .

Между тѣмъ буря утихла, ночь протекала; но Иванъ не отпускалъ Марьи. Не могу жить безъ тебя, говорилъ онъ; останься со мною, будь моею супругою. — И вдругъ пылкій юноша вспаетъ съ быстротою, береть ее на руки, взноситъ на гору до церкви, недалеко стоящей, становитъ на паперть передъ висящимъ образомъ Богоматери, и съ пламеннымъ восторгомъ говоритъ изумленной подругѣ: „Присягнемъ передъ Святою Иконою быть съ нынѣшняго дня вѣрными супругами. Мать Божія исходатайствуетъ намъ у

Господа Его благословенїе. Люди жестоки, но Богъ милосердъ. . . . О моя нареченная невѣста, согласись на мое щастїе; совершимъ святую клятву передъ церковью Божїей.“

Первые лучи свѣта озарили сїе трогательное явленїе. Дѣйствїе прекраснаго утра на всѣхъ чувствительныхъ тварей, влеченїе сильной страсти, языкъ любви, столь убѣдительный, все приводило Марью въ искушенїе. Грудь ея сильно волновалась; собственное сердце говорило ей все то, въ чемъ увѣрялъ ее любовникъ; уста готовы были произнесть клятву. Но послѣ жестокаго съ самой собою боренїя, она отвѣчала наконецъ перерывающимся голосомъ: „Нѣтъ, мой сердечной другъ, нѣтъ, такъ жить безчестно и грѣшно. Ахъ! конечно Богъ и Его Святые говорятъ въ моемъ сердцѣ, когда я имѣю силу идти противъ твоей воли и противъ твоихъ рѣчей; а ты знаешь какъ я люблю тебя. — Напрасно Иванъ старался еще убѣждать свою подругу; ничто не могло поколебать ея добродѣтели. Свѣтъ разливался. Надлежало скорѣе разстаться. Марья дала обѣщанїе передъ Святымъ Образомъ, что она отойдетъ отъ своего мѣста въ другое, естьли не льзя ей будетъ впредь имѣть свиданїя съ другомъ, и не безъ горести вырвалась изъ его пламенныхъ объятїй. Оба возвра-

пилась домой въ пору, не подавъ никакого подозрѣнія.

Съ того дня они продолжали имѣть свиданія, въ которыя дѣвическая добродѣтель безпрестанно сражалась съ пылкою любовію; сражалась, но побѣждала. Черезъ мѣсяцъ времени, когда Марья зажила у хозяина изрядную сумму денегъ, а Иванъ получилъ, съ своей стороны пастушескіе деньги, они рѣшились просить одного Полтавскаго Священника обвѣнчать ихъ, обѣщая щедро наградить его. „Дайте мнѣ подумать“ сказалъ имъ Священникъ „и приходите ввечеру за отвѣтомъ. Передъ концемъ дня, котораго наши любовники не могли дождаться, Иванъ прибѣжалъ къ Священнику, который сказалъ ему, что онъ освѣдомлялся объ нихъ у одного богатаго поселянина ихъ козацкой станицы, что онъ не имѣетъ права вѣнчать Ивана, приписаннаго не къ городу, а къ селенію; но что, изъ сожалѣнія къ нимъ и за обѣщанную ими плату, можетъ совершить ихъ бракъ во время ночи, съ договоромъ молчать о томъ. Сироты снеслись. Иванъ склонилъ Марью на сей тайный бракъ. Назначили часъ; и все готово было къ исполненію сладкой надежды любовниковъ.

(*Окончаніе въ слѣд. кни.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ.

Щастливъ, стократъ щастливъ оратай домовитый,
Умѣющій постичь всю цѣну сельскихъ благъ,
Отъ шума браннаго и роскоши сокрытый!
Колосья полныя на вспаханныхъ браздахъ,
Благословеніе земли, его питаютъ.
Нѣтъ пышныхъ у него чертоговъ, гордыхъ вратъ,
Которыя лъстецовъ волнами изрыгаютъ,
Ни позолотою, ни рѣзбою не блестятъ
Огромные цълы столповъ и кровы башенъ.
За то удѣлъ его свобода и покой:
Ему невѣдомы позорища, искуства,
Необходимыя обширнымъ городамъ,
Гдѣ скукой, праздностью притуплены всѣ чувства,
Оратай не уснулъ природы красотамъ.
Его помѣстье: кравъ, быковъ стада ревущи,
Соломенный шалашъ, домашній ручеекъ,
И лѣсъ, подъ тѣнь свою на мягкій дернъ зовущій,
Гдѣ въ полдни лѣтомъ сонъ и сладокъ и глубокъ.
Въ селѣ, въ селѣ теперь единственно ищите
И бодрыхъ юношей и дѣвъ невинныхъ! тамъ
Къ маститой старости почтеніе узрите,
И поклоненіе отеческимъ богамъ.

Весёлость на поляхъ, въ лугахъ — не въ бурномъ свѣтѣ;
Она среди работъ, она среди утѣхъ;
И правда удалясь съ земли — въ своемъ полетѣ
У нихъ въ послѣдній разъ имѣла свой ночлегъ.

О Музы! съ юныхъ лѣтъ вашъ нѣжный почитатель,
Высокій и святый питалъ я въ сердцѣ жаръ;
Природы таинствъ быть хочу истолкователь,
И къ вамъ съ моей мольбой: пошлите свыше даръ,
Явите мнѣ стези свѣтилъ неоткровенны,
Повѣдайте, почто и блескъ и красоту
Луна теряетъ въ день, отвѣкъ опредѣленный?
Почто средь свѣтлаго стремленья въ высоту
Безъ тучь глава свѣтилъ внезапно померкаетъ?
Какою силою гонимое къ брегамъ
Въ урочный море часъ оплоты разрушаетъ,
И отступать велитъ бунтующимъ валамъ?
Трясенія земли откройте мнѣ причину,
Повѣдайте, почто съ лазоревыхъ небесъ
Зимою Фебъ свѣтилъ сокрыть свой зракъ въ пучину?
Когдажъ не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ,
Вкругъ сердца моего уже лежащу хладу,
О благодатныя! дозвольте пѣть луга,
Работы сельскія и рощицы прохладу.
Кто, Стерхій! мнѣ твои укажетъ берега?
Гдѣ вы, Тайгетскіе пригорки и равнины?
Кто, кто меня на Гемъ цвѣтущій проведетъ?
Примите странника, Темпейскія долины!
И скройте сѣнію густою отъ заботъ!
Блаженъ, кто первую вину проникнуть можетъ,
Кто противъ жизни бурь стоитъ не колебимъ,
Кого о смерти мысль ни мало не превожитъ!

Блаженъ и сельскими богами кто любимъ,
Чтитъ Нимфъ богинь лѣсовъ, и бога стадъ чтитъ Пана!
Не домогается короны Царской онъ;
Чернь своенравная, въ раздорахъ обуянна,
Не увлечетъ его въ порывѣ бурныхъ волнъ.
Сената въ преніяхъ участья не пріемлетъ,
Торжествователемъ не хочетъ міръ протечь;
Ни воплямъ Дака онъ воинственнымъ не внемлетъ,
Въ грудь братій съ люотостью не устремляя мечь,
Гражданскую вражду вмѣняетъ въ святотатство.
На прагъ судебныхъ мѣстъ не ступитъ ябѣдъ чуждъ;
Не алчетъ пріобрѣсть пронырствами богатство;
Не знаетъ прихотью изобрѣтенныхъ нуждъ:
Довольствуется онъ простыми овощами,
Простыми снѣдями, какія для него
Приноситъ огородъ, воздѣланный трудами,
И нива — малое наслѣдіе его.

Тотъ пѣнитъ веслами равнину Океана,
Сей пресмыкается предъ сильными земли;
Того въ кровавый бой уноситъ храбрость рьяна;
Иной, держа въ умѣ лишь выгоды свои,
Готовъ потрясть града и опрокинуть Царства,
Чтобъ опять на пурпурѣ и пить изъ чашъ златыхъ.
Другой, разсчетовъ рабъ и жалкой стражъ богатства;
А сей витійствуетъ на торжищахъ большихъ;
Иные страстію рукоплесканій страждутъ,
Въ театрѣ ихъ ловить спѣшатъ отъ плебеянъ
И отъ Сенаторовъ. Иные крови жаждутъ;

А сей, слѣпецъ! бѣжитъ подъ небо чуждыхъ
странъ
Искать другихъ боговъ, отечества другова.

Орашай не шаковъ: и ночь и день въ трудахъ,
Всегда близъ милаго родительскаго крова,
То въ огородѣ, то въ лугу, то на поляхъ
Съ сохой, иль заступомъ, онъ роется веселый;
Отечество, жену, и внуковъ, и сыновъ,
Товарищей въ трудахъ — стада воловъ дебелы,
И мягкою волной бѣлѣющихъ овновъ
Пропитываетъ онъ. Доволѣ недовольный,
Пока не узритъ древъ согбенныхъ подъ плодомъ,
Пока не ломятся анбары житомъ полны
И не уставленъ весь подвалъ его виномъ.
Наступитъ ли зима? уже въ шискахъ оливы,
И масло цѣдитъ онъ янтарною струей;
Созрѣли яблоки, въ скирдахъ богатства нивы,
Вкругъ шеи обвился малюпокъ милый рой,
Играютъ прыгаютъ, ласкаются умильно;
Стыдливость чистая въ его дому гоститъ.

Придутъ ли праздники? досужный часъ дѣлитъ
Межъ приношеніемъ богамъ своимъ молитвы,
Между невинныхъ игръ, безхитрочныхъ утѣхъ:
То мирныя между селянъ заводитъ битвы,
Метанье копій въ цѣль, борьбу, плясанье, бѣгъ;
То кубки увѣнчавъ душистыми цвѣтами,
И возливая въ честь твою, румяный Вакхъ!
Онъ старое вино пьетъ съ старыми друзьями,
Роскошно возлежа на дернѣ при огняхъ.

Такъ въ силахъ гордые Тосканцы возрастали;
Такъ древле милые Сабинцы жизнь вели,
Когда еще мечей желѣзныхъ не ковали,
Какъ не багрила кровь текущая земли,
И звука трубъ еще военныхъ не слыхали,
Когда не царствовалъ Юпитеръ — Царь боговъ;
Такъ Ромулъ обиталъ, нашъ праотецъ великой;
И крѣпкой заключа оградой седмь холмовъ,
Такъ Римъ содѣлался вселенныя владыкой.

Съ Латин. Боейковъ.

Посланіе къ Д. В. Дашкову.

Мой милый другъ, въ странѣ,
Гдѣ Волга наровнѣ
Съ брегами протекаетъ,
И съединясь съ Окой,
Всю Русь обогащаетъ
И рыбой и мукой,
Я пресмыкаюсь нынѣ;
Угодно такъ судьбинѣ;
Что дѣлать? — я молчу.
Живу не какъ хочу,
Какъ Богъ велитъ! — и полно.
Рѣзвился я довольно,
Съ Амурами игралъ
И ужины давалъ;
И Грацій я прелестныхъ,
Въ Петрополѣ извѣстныхъ,
На лирѣ воспѣвалъ;
Четверкою лихою,
Каретой дорогою
И всѣмъ я щеголялъ,

Диваны, и паркеты,
И бронзы, и кенкеты,
Какъ прочіе, имѣлъ;
Транжирить я умѣлъ!
Теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ
Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ;
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый,
Чернилица, перо —
Вотъ все мое добро!
Иному тузъ бубновый
Сокровища несетъ,
И умъ и все даетъ;
Я въ карты не играю,
Бумагу лишь мараю;
Бѣды въ томъ право нѣтъ!
Пусть юный нашъ поэтъ,
Извѣстный сочинитель,
Мой Аристархъ, гонитель,
Стихи мои прочтетъ,
Въ сатиру ихъ внесетъ,
И тотчасъ полнымъ клиромъ
Ученѣйшихъ писцовъ,
Поэмъ и Одъ творцовъ,
Онъ будетъ *Кантемиромъ*
Воспѣтъ, провозглашенъ,
И въ чинъ произведенъ
Сотрудника дружины;
Для важныя причины
И почести такой;
И покривить душой
Простительно конечно.
Желаю я сердечно,
Чтобъ новый Ювеналъ
Сатиры наполнялъ
Не бранью лишь одною,

Но вкусомъ, остротою,
Чтобъ свѣтъ онъ лучше зналъ.
Обогащать Журналъ
Чтобъ онъ не торопился;
Но болѣебъ читалъ
И болѣе учился!

Довольно! — мнѣ браниться
Зоиловъ нѣтъ охоты;
Пришли труды, заботы.
Мой другъ! я ѣду жить
Въ тотъ край уединенный,
Батый гдѣ въ старину
Жестокій, дерзновенный,
Велъ съ Рускими войну.
Увы! давно ли нынѣ?
Не зная мѣръ гордынѣ
И алчности своей,
Природы бичь, злодѣй
Пришелъ съ мечемъ въ Столицу,
Мать Рускихъ городовъ;
Но Богъ простеръ десницу,
Возсталъ — и нѣтъ враговъ!
Отечества спаситель,
Смоленскій Князь, Герой,
Былъ ангелъ истребитель,
Низпосланный Судьбой.
Бардъ Сѣвера! воспой
Хвалу дѣяньямъ чуднымъ!
Но ахъ! сномъ непробуднымъ
Вождь храбрыхъ Рускихъ силъ
На лаврахъ опочилъ!

Живущаго въ пустынѣ
И въ дальней сторонѣ
Ты вспомни обо мнѣ;
Повѣрь, для дружбы нынѣ,

Желаю только жить;
Амуру я служить
Отрекся по неволѣ:
Въ моей ли скучной долѣ,
И на закатѣ дней,
Гоняться за мечтою?
Ты знаешь, лишь весною
Пѣть любитъ соловей.
Досель и я цвѣтами
Прелестницъ украшалъ;
Всему конецъ! . . . съ слезами
Прости, любовь! сказалъ,
Сердецъ очарованье,
Отрада, упованье
Тибулловъ молодыхъ!
Жуковскій, другъ Свѣтланы,
Харитами вѣнчанный
И милыхъ Ларъ своихъ
Пѣвецъ замысловатый,
Амуру гимнъ поютъ,
И богъ у нихъ крылатый
Нашелъ себѣ пріютъ;
А я, забытый въ мірѣ,
Подъ часъ пою на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней,
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!
Къ надеждѣ прилѣпляюсь,
Погоды лучшей жду;
Бѣда не все бѣду
Родитъ, и послѣ горя
Летитъ веселье къ намъ!
Не уже ли пловцамъ
Въ волнахъ свирѣпыхъ моря
Всѣмъ гибнуть, и береговъ
Не зрѣть благополучныхъ?
Не уже ль власть боговъ

Превратностей лишь скучныхъ
Велитъ мнѣ жертвой быть,
Томиться, слезы лить?

Мой милый другъ! конечно
Нещастіе не вѣчно;
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку
И будемъ ликовать;
Не должно унывать.
Вотъ твой совѣтъ полезный,
Терпѣніе! любезный!

В. Пушкинъ.

Листъ.

Ода.

Корысти дщерь — и дщерь любима —
Вспоенна Хитрости млекомъ!
Добра въ личинѣ ты намъ зрима,
А внутренно — ты дышешь зломъ.
Во образѣ хамелеона
Ты увиваешься близъ трона,
Снаружи пламень — въ сердцѣ ледъ.
Не разъ твое сокрыто жало
Во всѣхъ странахъ земли стяжало
Злодѣямъ пользу — добрымъ вредъ.

Съ неистовымъ въ рукахъ кадиломъ
Ты жертвы ложныя несешь,
Кого назвашь бы крокодиломъ —
Небеснымъ Ангеломъ зовешь.

Калигулы, Наполеоны,
Равно Кромвели и Нероны
Имѣютъ всѣ своихъ пѣвцовъ;
Но лютые сіи тираны
Умѣрили бы смертныхъ раны,
Когда бы не было льстецовъ.

❋

Равно ехидный змій сокрытый
Межъ ландышей, фіялокъ, розъ,
Изгибшійся — въ кольцо извитый,
Невидѣнъ сквозь цвѣтовъ и лозъ;
Но ядъ свой вредный испускаетъ, —
И бѣдный странникъ погибаетъ,
Природы вѣрясь красотамъ.
Льстецы! вы змѣи тѣ ужасны,
Царямъ, вельможамъ, всѣмъ опасны,
А странникъ тотъ, — кто жертвой вамъ.

❋

О сколь великъ и славенъ въ мірѣ,
Кто движимъ истиной святой,
Къ вѣнцу, къ тіарѣ и порфирѣ
Предстанетъ съ равной правотой!
Такъ предъ славнѣйшимъ изъ Бурбоновъ,
Блюститель ревностный законовъ,
Сынъ правды и любви къ Царю,
Сюлли, съ покорностью взываетъ,
Но съ чистымъ сердцемъ открываетъ
Къ народной пользѣ мысль свою.

❋

Въ Монархѣ истинно Великомъ
Не дѣйствуетъ коварна лесть;
Похвалъ онъ не внимаетъ кликамъ,
А любитъ то — что правда есть.
Министръ Бурбона незабвенный
Стоитъ Монархомъ восхищенный
Предъ нимъ колѣна преклоня. —

Возстань, рекъ Царь — возмнятъ иныя,
Что Сюлли преклоненна выя
Прощенья проситъ у меня.

❁

Но что намъ чуждые примѣры!
Поставимъ Росса образцемъ:
Любяй Царя — сынъ истый Вѣры
Ты предъ Отечества Отцемъ
Не съ ядомъ лести ухищренной,
Но съ истинной всегда священной
Безтрепетно чело являлъ,
Предъ тропомъ Сѣверна Владыки
Вѣщалъ гласъ правды — и Великій
Со кротостью ему внималъ.

❁

Не лести хитрою наукой,
Но движимъ сердца правотой,
О Князь безсмертный Долгорукой!
Ты съ грудью твердой и прямой
Новградъ отъ бремени избавилъ
И разнымъ областямъ доставилъ
Спокойство чрезъ неробкій духъ;
Поселянинъ тобой щастливый,
Надежды полнъ, влагаетъ въ нивы
Сверкающій свой острый плугъ.

❁

Вращая скиптръ въ десницѣ мощной
Отъ Сѣвера и на Востокъ,
Великій Царь страны полнощной
Хотъ славенъ, силенъ — но не Богъ.
Душа ко благу всѣхъ готова; —
Но безъ Боллрина прямова
Какъ нужды всѣхъ познаетъ Онъ? . . .
Бѣда, гдѣ лесть, или коварство,
Презря народъ — законъ — и Царство,
Змѣями увиваютъ тронъ!

❁

А ТЫ, въ поляхъ Который рашныхъ
Со славою разишь враговъ,
Совѣтовъ мудрыхъ — благодатныхъ
ТЫ слушать съ милостью готовъ,
О АЛЕКСАНДРЪ! — Спаситель міра,
Прости, коль дерзновенна лира
Къ ТЕБѢ простерла слабый звукъ!
Ты благо общее сугубишь,
Чтишь правду, лести злой не любишь,
Народа Царь, Отецъ — и другъ!

О злая лесть! умолкни, вѣчно
Устъ пагубныхъ не отверзай.
А чувство искренно, сердечно
Совѣты людямъ подавай;
Да совѣсть, даръ души безцѣнной,
Кристалль тотъ пагубный и бренной
Ко благу міра разобьетъ,
Который часто въ видѣ лживомъ
Являетъ намъ въ зерцалѣ льстивомъ,
Что сущностью есть зло и вредъ.

Графъ Григорій Салтыковъ.

СТИХИ

въ Альбомъ жены моей.

1.

Супружество завутъ могилою любви;
Зовутъ — безумные! но ты со мной зови,
По чувству радостей и щастья,
Супружество концемъ ненастья,
Началомъ свѣтлыхъ, красныхъ дней
Безъ тѣхъ обманчивыхъ страстей,
Которымъ наша жизнь подластна!

Мой другъ! пока душа спокойству не причастна,
Дотолѣ щастія и радостей она
Врагомъ ихъ истиннымъ — страстями лишена!
Супружество есть даръ благій и совершенный,
Которымъ человѣкъ — столь много обольщенный
Въ надеждахъ на землѣ — лишь могъ быть награжденъ.
Супружествомъ его миръ съ Небомъ утвержденъ;
И Небо за союзъ ему любезной, милой
Супружество *всѣхъ золъ* содѣлало могилой!

2.

Амуръ огнемъ своимъ зажегъ сердца у насъ,
Гимена розы одръ нашъ мирный осыпаютъ;
Богъ брака, богъ любви, утѣхи всякой часъ
Наперерывъ намъ предлагаютъ:
На розахъ одного
Мы чувствуемъ огонь другаго;
Въ восторгахъ сердца своего
Вкушаемъ щастіе мы вѣка золотаго.

К. П. Шаликовъ.

Отвѣтъ на вопросъ.

Какая польза мнѣ носить часы съ собою?
Коль вмѣстѣ ты со мной — они всегда бѣгутъ;
Когда же разлученъ съ тобою —
Они конечно отстаютъ.

Д. Гл. б. съ.

II. ЛИТТЕРАТУРА.

О НОВОЙ КНИГѢ:

Училище благочестія, или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, и проч. Часть I. С. П. 1813 года.

Мысль, написать духовныя повѣсти для пользы юношества, почерпнуть ихъ въ Чети-Минеи, въ семъ знаменитомъ твореніи Св. Димитрія Ростовскаго, одѣть ихъ легкими украшеніями и разсказать пріятнымъ языкомъ — есть прекрасная мысль, достойная трудовъ благонамѣреннаго Писателя. Нѣтъ сомнѣнія, что нравоученіе, въ пріятномъ видѣ и въ живыхъ примѣрахъ представленное, для перваго возраста облегчаетъ труды науки, смягчаетъ строгость предмета, плѣняетъ сердце живописью добродѣтели, Не только юношество но и другой зрѣлый возрастъ любитъ тотъ родъ сочиненія, гдѣ великія истины ума и любопытныя произшествія вѣковъ заключаются въ драматической формѣ; и луч-

ніе писатели послѣдняго вѣка угождали сему общему вкусу. Такъ Виландъ научаетъ насъ въ Музаріонѣ и въ Аристиппѣ великимъ истинамъ философіи, Бартелеми въ Анахарсисѣ исторіи славной Греціи, Аддиссонъ въ Зрителѣ правиламъ благоразумія и науки жизни.

Надобно отдать справедливость Автору книги. Въ его разсужденіяхъ и въ его мнѣніяхъ, читаемыхъ нами въ предисловіи, не видно тѣхъ увеличенныхъ правилъ и того суроваго духа, который бываетъ иногда порокомъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ нравоучителей. Излишняя строгость не располагаетъ въ пользу нравоученія; а благоразумная умѣренность вселяетъ довѣріе къ автору и трудамъ его. Почтенный Сочинитель, осуждая исключительную привязанность къ свѣтскимъ мудрецамъ, не требуетъ по той же справедливости исключительнаго познанія духовныхъ, и такъ изъясняется: „Имена Со„крата и Жан-Жака, Катона и Дагессо „съ первыми началами ученія уже врѣзы„ваются съ памяти молодыхъ людей. Это „весьма похвально; но безчестно для Хри„стіанина то, что совершивъ весь кругъ „ученія, едва ли знаютъ, кто были Бого„словы, Златоусты, Николаи, Амвро„сіи. . . . .“ — Въ доказательство, что

Авторъ умѣетъ владѣть оружіемъ иронїи, приведемъ слѣдующее мѣсто: „Зараза такъ распространилась, что „даже сочинители чего нибудь духовнаго „подтверждаютъ истину своихъ правилъ „примѣромъ какого нибудь чудака древно„сти, или славнаго грѣшника новѣйшихъ „временъ.“ — Не наше дѣло судить, должно ли это мнѣнїе имѣть свою силу въ исполненїи, и какъ далеко можетъ простираться свобода, или позволенїе приводить въ духовныхъ сочиненїяхъ слова, мысли и примѣры изъ свѣтскихъ философовъ. Далѣе, Авторъ объясняетъ свои мысли въ разсужденїи языка Четь-Минеи и Пролога: „Не однократно случалось мнѣ видѣть, что „усерднѣйшїе Христїане, начиная читать „Житїя Святыхъ, утомлялись на нѣсколь„кихъ жизнеописанїяхъ, не по тому, чтобы „на ихъ сердца не имѣли вліянїя произ„шествїя, тутъ изображаемыя, а по тому „токмо, что совершенство нынѣшняго язы„ка, въ разсужденїи Четь-Минеи и Про„лога, есть общїй всѣмъ, такъ сказать, „недостатокъ. Такимъ образомъ свѣтъ ли„шается лучшей нравоучительной книги — „разительныхъ примѣровъ для своего пове„денїя въ дѣлахъ вѣры и общежитїя.“ —

Сей важный трудъ, по его назначенїю, можетъ заблаговременно утвердить

въ юныхъ сердцахъ тѣ утѣшительныя истины, которыми даритъ насъ Вѣра, и безъ которыхъ человѣкъ лишается твердѣйшей опоры въ жизни. Въ сокрушеніяхъ сердца, среди бурныхъ дней человѣческихъ на быстромъ ихъ полетѣ, что можетъ успокоить насъ кромѣ Христіанской религіи? Вопреки невѣрующимъ, человѣческая мудрость не можетъ спорить въ преимуществѣ съ небесною вѣрою; ибо первая опирается на слабый разумъ человѣка, а послѣдняя на откровеніе Бога.

Скромный Авторъ книги, о которой увѣдомляемъ нашихъ читателей, Священникъ и учитель словесныхъ наукъ и Греческаго языка въ Армейской семинаріи, Григорій Манвелетовъ, хотѣлъ дать ей названіе *Дѣтской Четь-Минеи;* но Святѣйшій Синодъ, сообразнѣе съ цѣлію и достоинствомъ сей полезной книги, переименовалъ ее *Училищемъ благочестія.* Она состоитъ изъ CXI повѣстей, написанныхъ просто, ясно и пріятно, какъ надлежало описывать для дѣтей жизнь и случаи праведныхъ Мужей, посвятившихъ себя смиреннымъ добродѣтелямъ Христіанскимъ. Вотъ для примѣра двѣ повѣсти изъ сего истиннаго училища благочестія:

1.

Смиреніе Преподобнаго Сергія, Игумена Радонежскаго.

Одинъ сельской житель, слыша о добродѣтеляхъ и чудотвореніяхъ Святаго Сергія, издалека пришелъ въ обитель его, чтобъ увидѣть Праведника и принять отъ него благословеніе. Въ то время человѣкъ Божій воздѣлывалъ землю въ саду своемъ. — Будучи извѣщенъ о пришельцѣ, онъ велѣлъ его допустить къ себѣ.

Крестьянинъ, видя человѣка, слишкомъ просто одѣтаго, копающаго гряды, не могъ вообразить, чтобъ то былъ столь славный Сергій; и подумалъ, что въ насмѣшку ему вмѣсто Святаго указали работника. Онъ возвратился въ монастырь, и вторично спросилъ: „Гдѣ преподобный Сергій?“ . . Сколько ни увѣряли его, что, будучи въ саду, онъ видѣлъ его; но крестьянинъ не хотѣлъ и слушать.

Между тѣмъ Угодникъ Божій вышелъ изъ сада . . . Крестьянинъ, гнушаясь имъ, отворотился въ сторону и не хотѣлъ взглянуть на него. — „Ахъ! какой трудъ подѣялъ я! и понапрасну! . . . думалъ онъ: я пришелъ увидѣть великаго Пророка; надѣялся узрѣть славу его; и что вижу?

нищаго.“ . . . Святый узналъ его мысли, и поблагодарилъ Бога; ибо какъ горделивецъ восхищается хвалою и честїю, такъ смиренномудрый радуется уничиженїю. Онъ взялъ крестьянина за руку, увелъ въ свою келлїю, и поставилъ предъ нимъ пищу и питїе. — „Не печалься, добрый человѣкъ!“ сказалъ онъ, „ты вскорѣ увидишь Сергїя.“

Едва Святый выговорилъ сїе, вдругъ объявили ему, что въ монастырь пришелъ Россїйскїй Князь, и Сергїй вышелъ къ нему на встрѣчу . . . Какъ удивился поселянинъ, увидя, что Государь къ сему, какъ называлъ онъ, нищему подступилъ съ благоговѣнїемъ, и поклонясь до земли, просилъ благословенїя! какъ удивился онъ, что сей Старецъ сѣлъ вмѣстѣ съ Княземъ, между тѣмъ какъ всѣ прочїе, даже Вельможи, стояли предъ ними.

Бѣднаго крестьянина гнушались и слуги ихъ . . . Едва выпросивъ для себя уголокъ въ сѣняхъ, онъ не спускалъ глазъ съ того, на кого прежде и взглянуть не хотѣлъ. — „Сдѣлайте милость, скажите мнѣ,“ тихонько спросилъ онъ: „кто сей старецъ, подлѣ Князя сидящїй?“ — Это Сергїй, отвѣчали ему. Обманутый самъ собою, крестьянинъ заплакалъ, и укорялъ

себя въ невѣжествѣ: „Конечно слѣпъ я“ говорилъ онъ „что не могъ узнать человѣка Божія, и не отдалъ ему подобающей чести. . . . Увы! какъ теперь предстану лицу его?“ — Но Сергій вскорѣ утѣшилъ его.

Когда Князь простился съ праведникомъ, крестьянинъ припалъ къ ногамъ его, и разнаевался въ безумїи своемъ. . . „Ты одинъ правъ,“ поднимая его, сказалъ Святый Мужъ, „что почелъ меня старцемъ ничего незначущимъ; всѣ прочіе обманываются.“

Уважай человѣка въ худомъ платьѣ такъ же, какъ и богато одѣтаго, дабы не подумали, что отдаешь почтеніе не человѣку, но платью его. Сверхъ того, подъ златотканною одеждою часто скрывается невѣжество и злое сердце, а подъ рубищемъ великій умъ и добродѣтель.

2.

Пустынножитель, или начало Соловецкаго монастыря.

Въ царствованіе Великаго Князя Василія Васильевича въ Бѣлоезерскомъ Кириловскомъ Монастырѣ былъ старецъ по имени Савватій. Работая Господу день и

ночь, умерщвляя тѣло свое постомъ, всенощнымъ бдѣніемъ и трудами на пользу обители, приходящихъ туда богомольцевъ научая добродѣтели, онъ такъ прославился, что не проходило ни одного дня, чтобъ не посѣтили его нѣсколько человѣкъ для принятія отъ него благословенія.

Слава и почтеніе любезны сердцу человѣческому; и какихъ не пріемлютъ на себя трудовъ, чтобъ сдѣлать знаменитымъ имя свое! Но Савватій думалъ не такъ. Ища славы не отъ людей, но отъ Бога, онъ сокрушался о томъ, что вездѣ говорятъ о немъ; ибо, зная слабость человѣческую, Праведникъ не надѣялся на свое сердце, и боялся, чтобъ не проникли въ него чувствованія гордости и высокомѣрія. Святый Мужъ рѣшился сыскать для себя мѣсто пустынное, никѣмъ не посѣщаемое.

Утвердившись въ намѣреніи, онъ принялъ благословеніе отъ Настоятеля, простился съ братіею, и ушелъ на островъ Валамъ, лежащій на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ иноки ночь трудясь въ молитвахъ, днемъ снискиваютъ себѣ пищу милостынею и трудомъ рукъ своихъ. Но слава всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кто убѣгаетъ отъ нея... Всѣхъ превосходя подвигами посничества,

Святый Савватій и здѣсь просіялъ именемъ не только въ мѣстахъ окрестныхъ, но и въ странахъ далѣе лежащихъ.

Пани человѣкъ Божій началъ скорбѣть и снѣдаться печаліею, видя почтеніе отъ братіи и отъ приходящихъ туда богомольцевъ; но къ сердечному удовольствію, услышалъ онъ, что на Океанѣ есть островъ, называемый Соловецкій, пустъ и ненаселенъ, отстоящій отъ брега на два дни плаванія. Другой, при первомъ слухѣ, вообразилъ бы ужасъ пустыни, хладъ Сѣвера, ревъ звѣрей, и въ трепетѣ отвратилъ бы оттуда очи свои. — Святый Савватій, напротивъ того, воскликнулъ: „Здѣсь благопріятное для меня пристанище! Богъ милосердъ; Онъ пятью хлѣбами напиталъ въ пустыни пять тысячъ народа; пропитаетъ и меня на островѣ хладномъ и пустомъ, и даже пошлетъ для меня, чѣмъ накормить и пришельцевъ, естьли какіе посѣтятъ обитель мою.“ Но Настоятель и братія ни подъ какимъ видомъ не хотѣли разстаться съ толь праведнымъ Мужемъ; ибо Святый Савватій былъ вѣнецъ ихъ братства.

Человѣкъ Божій рѣшился уйти тайно. Въ глухую полночь онъ вышелъ изъ обители, и направилъ путь свой въ сторонѣ

Океана. Отъ живущихъ на брегѣ рыболововъ вторично услышалъ онъ, коль ужасная пустыня будетъ жилищемъ его; но все сіе Святаго отшельника только болѣе восхищало. Идучи вдоль по брегу морскому, онъ нашелъ нѣкотораго инока, по имени Германа, при часовнѣ живущаго, и соорудилъ съ нимъ малую ладію.

Взявъ съ собою нѣсколько хлѣба и землепашескихъ орудій, съ надеждою на Бога, они пустились въ море. Тишина и попутный вѣтръ способствовали имъ достигнуть до мѣста желаннаго. Тамъ пустыннолюбцы водрузили Крестъ, поставили келлію, и начали жить, работая Господу, и въ потъ лица своего снискивая себѣ пищу. Ихъ руки воздѣлывали землю, а уста благословляли Господа.

Кто ищетъ славы отъ людей, тотъ пріемлетъ здѣсь — на свѣтѣ мзду свою, которой должно бы ожидать въ будущей жизни. Христіане! сравните одну блѣдную искру, которая мгновенно изчезаетъ съ блистаніемъ солнца; и тогда судите, что значитъ слава міра сего противу славы небесной, которую уготовалъ Богъ любящимъ Его.

III. СМѢСЬ.

Извѣстія, черты и проч.

— 4 Марта въ Петербургѣ происходило испытаніе въ Училищѣ глухо-нѣмыхъ, о которомъ *Сѣверная Почта* сообщаетъ любопытное извѣстіе:

„Испытаніе происходило въ присутствіи знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ Особъ и многихъ другихъ посѣтителей. Извѣстно уже публикѣ между прочимъ и изъ нашей Газеты (1812 года № 16) о существованіи здѣсь сего Училища, и о первоначальныхъ успѣхахъ, оказавшихся при бывшемъ тогда испытаніи. Число воспитанниковъ, *глухо-нѣмыхъ отъ рожденія*, возросло съ того времени понынѣ отъ 25 до 32, которые раздѣлены, такъ какъ и прежде, на четыре класса. Предметъ благотворнаго сего учрежденія и образъ преподаванія въ ономъ наставленій изъяснены были въ упомянутомъ листѣ сей Газеты. Изъ онаго извѣстно также, что изобрѣтатель способа образовать понятіе глухо-нѣмыхъ, лишенныхъ способности принимать обыкновеннымъ человѣку

„образомъ отъ другихъ мысли и сообщать „свои другимъ, есть безсмертный *Аббатъ-* „*де Лепе*, и что усовершенствовалъ сей „способъ знаменитый Аббатъ *Сикаръ*. Ди„ректоръ здѣшняго Училища, *Г. Жофре*, при„способилъ тужe методу къ Россійскому язы„ку. Нынѣшнее испытаніе, будучи начато „съ 4, 3 и 2 классовъ, показало почтен„нымъ посѣтителямъ, какъ отъ простаго „наименованія вещей доходятъ воспитанни„ки Училища до теоріи отвлеченнѣйшихъ „понятій. Воспитанники перваго класса, до„ставившіе посѣтителямъ при послѣднемъ „испытаніи удовольствіе своими отвѣтами, „нынѣ распространили свои понятія гораздо „далѣе. Познаніе спряженій глаголовъ въ „измѣненіи ихъ по временамъ, также по„знаніе нѣкоторыхъ союзовъ обогатило „понятія ихъ. Оно дало имъ точную „мысль о различіи, существующемъ ме„жду порядкомъ физическимъ и моралъ„нымъ; оно поставило ихъ въ возможность „дѣлать надлежащее объясненіе о добрѣ „и злѣ физическомъ и нравственномъ, о „справедливости, о чувствѣ животныхъ, о „разумѣ, о свободѣ и вообще о качествахъ „самыхъ отвлеченныхъ. Они съ удивитель„ною легкостію и ловкостію прошли всѣ „степени той неизмѣримой лѣствицы, ко„торая ведетъ отъ земныхъ предметовъ „къ высочайшему изъ всѣхъ благъ, Творцу

„ческихъ, и привязываетъ душу къ обя-
„занностямъ ея. Такимъ образомъ воспи-
„танники доведены постепенно до познанія
„сотворенія духовъ, возмущенія нѣкоторыхъ
„изъ нихъ противъ Творца, изгнанія ихъ
„съ неба, низверженія во адъ, сотворенія
„міра и до познанія человѣка, составленна-
„го изъ души и тѣла, связывающаго вещe-
„ственный міръ съ духовнымъ. Наконецъ,
„воспитанники сими средствами дошли и
„до познанія Христа, Спасителя міра, и
„до Религіи Христіанской. Всѣ получаемыя
„новыя понятія, умножая безпрерывно жела-
„ніе воспитанниковъ пріобрѣтать оныхъ
„болѣе и болѣе, дали поводъ Г. Директору
„Училища удовлетворить постепенно любо-
„пытству ихъ. Онъ показалъ имъ проис-
„хожденіе первыхъ художествъ и начальныя
„свѣденія объ Астрономіи. Ясность отвѣ-
„товъ воспитанниковъ на данные имъ по-
„стителями вопросы о четырехъ глав-
„ныхъ странахъ свѣта, о Зенитѣ и На-
„дирѣ, о полюсахъ, объ экваторѣ и обоихъ
„поворотныхъ кругахъ, достаточно доказа-
„ли успѣхи ихъ въ первоначальныхъ Аст-
„рономическихъ познаніяхъ. Особенно же ме-
„жду воспитанниками отличились *Михайла*
„*Наумовъ* и дѣвица *Анна Крашенинни-*
„*кова*. Они получили такое образованіе въ
„познаніяхъ, какого отъ человѣка рожден-
„наго глухо-нѣмымъ и ожидать не возможно

„было. Однимъ словомъ, нѣтъ выраженій, „достаточныхъ къ точному описанію всего „того, чему были свидѣтелями посѣтители „сего Училища при нынѣшнемъ испытаніи, „и едва ли можно изобразить то перомъ, „что самыхъ очевидцевъ приводило въ изу„мленіе.

„Все сіе есть дѣло бесконечной благости „и премудрости Бога; Его же благословеніемъ „учредилось и процвѣтаетъ и здѣшнее тако„вое Училище, или Гимназія, основанная ще„дротами Ея Императорскаго Величе„ства. Всемилостивѣйшее намѣреніе сей Ав„густѣйшей Основательницы состояло въ „томъ, чтобы глухо-нѣмыхъ, потерянныхъ „для семействъ, для себя и для общества, сдѣ„лать нѣкоторымъ образомъ способными на„слаждаться спасеніемъ, по праву рожденія „полученнымъ, или, естьли кто не имѣетъ „онаго по праву рожденія, тѣмъ облегчить „средство къ пріобрѣтенію пропитанія соб„ственными трудами и способностями. Безъ „таковаго примѣрнаго учрежденія люди сіи „были бы навсегда потеряны для семействъ, „для себя и для общества.“ —

— Ренуаръ, говорившій столь смѣлую Рѣчь Наполеону въ Законодательномъ Собраніи (*), есть сочинитель извѣстной трагедіи: Les templiers. Достойно замѣчанія, что трагикъ былъ оратором; и тотъ, кото-

(*) См. въ 6 книж. Вѣстника Рѣчь его.

рый заставляетъ Жака де Моле и другія лица говорить такъ сильно противъ несправедливости и гоненія въ своей трагедіи, умѣлъ и самъ говорить противъ самовластія и честолюбія Наполеона. Одна изъ лучшихъ мыслей въ его трагедіи есть четвертая сцена пятаго дѣйствія, когда Филипъ ле-Белъ разговариваетъ съ Жакомъ де Моле:

Le Roi.

. . . . . Vous avez entendu votre arrêt,
Vous direz vous encore innocents?

Le grand maître.

Nous le sommes.

Le Roi.

Vous êtes condamnés.

Le grand maître.

Au tribunal des hommes.

Le Connétable

Il vous reste un espoir.

Le grand maitre.

Il nous reste à mourir.

. . . . . .
. . . . . .
Damander un pardon, c'eft avouer un crime.
. . . . . .
I'innocence à ce point ne peut s'humilier.

Le Roi.

. . . . . Mais quand j'offre la vie.

Le grand maître.

Sire, offrez-nous l'honneur. . . . . .
Une grace n'eft rien; il nous faut la juftice,
C'eft notre jugement, qui fait notre fupplice.

Другая хорошая сцена есть шестая въ пятомъ же дѣйствіи, когда Жакъ де Моле восклицаетъ:

Ah! Sire, si j'osois. . . .

La Reine.

Parlez.

Le Roi.

Je vous l'ordonne.

Le grand-maître.

Sire, je vous dirois que mon coeur vous pardonne.
Du haut de l'echafaud, je promets à mon Roi
De prier, que le ciel pardonne comme moi.

Когда Жакъ де Моле всходитъ на эшафотъ, такъ разсказываетъ де Конетабль:

Il leve vers les cieux un regard affuré:
Il prie, et l'on croit voir un mortel inspiré.
D'une voix formidable auffitôt il l'ecrie:
„Nul de nous n'a trahi son Dieu ni fa patrie.

. . . . . .

„L'arrêt qui nous condamne eft un arrêt injufte;
„Mais il eft dans le ciel un tribunal auguſte,
„Que le foible opprimé jamais n'implore en vain.
„Et j'ose t'y citer, o! Pontife Romain.

Трагедіи и Рѣчь Г. Ренуара доказываютъ по крайней мѣрѣ, что въ чувствіи, которыя поэтъ или трагикъ выражаетъ на сценѣ, почерпнуты имъ изъ глубины души его; и это оправдываетъ опасности мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ невозможнымъ говорить о добродѣтели съ истиннымъ краснорѣчіемъ, не имѣя искры ея въ сердцѣ. —

IV. ПОЛИТИКА.

Феномен ъ.

Союзъ трехъ сильныхъ Монарховъ для одной великой цѣли не есть новый въ Исторіи; но дѣло новое и неслыханное есть то, что въ лицѣ трехъ союзныхъ Монарховъ видимъ трехъ добродѣтельныхъ Государей. Ихъ справедливость влечетъ къ нимъ народы. Ничего подобнаго не было въ Исторіи свѣта и едва ли такой примѣръ возобновится черезъ нѣсколько тысячь лѣтъ. Пусвай укажутъ мнѣ въ Исторіи примѣръ союза между тремя Самодержавцами, основаннаго только на справедливости.

Не думайте, чтобы оружіе единственно дѣйствовало въ семъ случаѣ; желѣзо крѣпко, но ни къ чему не годно безъ огня и ковки. Оружіемъ должны владѣть люди; а людей надлежало привлечь. Дѣло состояло уже не въ наборѣ рекрутъ, но въ походѣ всѣхъ народовъ, которые, имѣя нѣкоторое просвѣщеніе, не выступаютъ въ поле безъ того, чтобъ война не была справедлива. Мы видимъ примѣръ въ Французахъ, ко-

торые не хотѣли вооружаться по вызову ихъ правительства. Они не противились конскрипціи, ибо не принимали участія въ ея цѣли; а не выходятъ къ поголовному вооруженію, имѣя мнѣніе, совсѣмъ несогласное со мнѣніемъ Наполеона.

Можемъ ли думать, чтобы народы изъ всѣхъ Нѣмецкихъ земель текли такъ усердно на брань, и отцы семейства отдавали такъ охотно послѣднихъ сыновей своихъ, естьли бы сердца и умы не благоговѣли передъ предметомъ священной брани.

Такъ, безъ сомнѣнія; но сего не довольно. Надобно еще было для народовъ имѣть внутреннее увѣреніе, что справедливое дѣло не измѣнится въ своей цѣли; и не есть обманчивое предпріятіе въ политикѣ, какимъ обольщалъ Наполеонъ до нынѣшняго времени. А что могло принести народамъ такое убѣжденіе? Единственно характеръ трехъ союзныхъ Монарховъ. Однимъ словомъ: свѣту была извѣстна ихъ честность.

Нѣкто изъ Нѣмецкихъ писателей замѣчаетъ по опытамъ Исторіи, что какъ скоро Императоры и Короли сѣѣзжаются для личнаго сношенія, изъ того происшествуетъ почти всегда великое зло. Естьли справедливо его замѣчаніе, то нынѣшняя эпо-

жа представляетъ славное изключеніе; ибо я увѣренъ, что свиданіе и личное ихъ присутствіе были источникомъ нашего спасенія.

Черезъ божественную ихъ умѣренность Монархи возносятся передъ современниками и потомствомъ выше ихъ троновъ. А та же умѣренность, какъ дѣло Министра, была бы принята, можетъ быть, съ неблагодарностію. Вообще, тотъ миръ, который заключается на условіи пріобрѣтенія, имѣетъ великій блескъ; Государь можетъ обойтиться безъ сего блеска, а Министръ не всегда. Изъ чего явствуетъ, что личному присутствію Монарховъ обязаны мы высокою справедливостію, съ которою они говорятъ и дѣйствуютъ.

Наполеонъ не предвидѣлъ, что онъ найдетъ въ своихъ вѣнценосныхъ врагахъ трехъ честныхъ человѣкъ. Ни древняя, ни новая Исторія не могла приготовить его къ сему случаю, ибо такой примѣръ не былъ извѣстенъ. Ему, который вообще пренебрегаетъ человѣчество и почитаетъ добродѣтель однимъ пустымъ именемъ, могла ли представиться мысль, что онъ найдетъ добродѣтель на тронѣ, и не на одномъ, а на трехъ? Сей рѣдкій случай обратился къ стыду его соображеній.

Но кто не удивится дѣйствію отечественнаго промысла, котораго воля произвела сей феноменъ въ то время, когда спасеніе Европы того требовало? Предположивъ на часъ, чтобы союзныя Державы дали волю справедливому мщенію, или безразсудной страсти къ пріобрѣтеніямъ, кто изъ насъ дожилъ бы до конца нынѣшней войны?

А какъ, благодаря Вышняго, дѣло идетъ иначе, и мы обращаемъ къ Монархамъ взоры чистѣйшей радости, то не смѣшно ли, что есть люди, которые извѣщаютъ сомнѣнія, и безпрестанно твердятъ: „Когда Наполеона побѣдятъ и война кончится, раздоръ посѣетъ свои плевелы; изъ тѣхъ затрудненій, которыя будутъ предстоять въ образованіи новаго порядка вещей, изъ тѣхъ требованій, которыя Державы будутъ присвоивать себѣ съ правомъ побѣды, можетъ родиться новая кровавая брань.“

Напрасный страхъ! Могутъ ли тѣ великодушные Государи, Которые вызвались даровать миръ оскорбившему ихъ злодѣю, не разобрашься между собою дружелюбно? Оказанное великодушіе ко врагу человѣчества оставитъ ли когда нибудь защитниковъ сего человѣчества.

Будемъ покойны. Миръ заключится. Наши дѣти, внуки и правнуки насладятся симъ миромъ. Они будутъ сожалѣть о насъ, что мы видѣли такія бѣдственныя времена; но будутъ намъ завидовать, что мы жили подъ скипетрами Александра, Фридриха Вильгельма и Франца!

Кошевх.

Отъ Гамбургскихъ ословъ къ Маршалу Даву прошеніе.

Мы, Гамбургскіе ослы, — столько смирные впрочемъ, сколько можетъ только быть смиренъ Нѣмецкій скотъ — мы принуждены обезпокоивать Ваше Высокопревосходительство прозьбами и жалобами. Недавно приказъ, опиданный городовымъ Меромъ, Г. Ридеромъ, дошелъ до нашихъ длинныхъ ушей. Въ силу сего приказа, тѣ обыватели добраго города Гамбурга, которыхъ захватятъ на льду рѣки, должны содержаться подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока они выплатятъ штрафъ, и вытерпятъ наказаніе; штрафу двѣ марки, а наказаніе нѣсколько палочныхъ ударовъ.

Этотъ приказъ сначала обрадовалъ насъ; первое, по тому, что граждане били

прежде насъ бѣдныхъословъ, а теперь будутъ сами биты хотъ не отъ насъ ословъ. Второе, по тому, что военнослужащіе люди, за ту же вину задержанные, не подвергаются палочнымъ ударамъ, но одни граждане Гамбургскіе: это кажется намъ очень забавно; ибо до нынѣшняго времени было совсѣмъ наоборотъ. Но вотъ бѣда! городовому Меру угодно было выгородить изъ того полковыхъ работниковъ, ледоколовъ, водоносцовъ и водоносицъ. Одни только люди изъ этихъ трехъ статей имѣютъ право кататься по льду; но изъ четвероногихъ тварей ни одному не дозволено сего прекраснаго преимущества, ниже намъ ослямъ. Такое несправедливое дѣло вопіетъ мщеніе на небо.

Собакамъ, лошадямъ и проч. самимъ предоставляемъ изложить крайность свою; мы ограничиваемся однимъ только нашимъ длинноухимъ цехомъ, который преимущественно предъ всѣми можетъ доказать на что права свои.

Не безъизвѣстно В. В п., что есть старинная Нѣмецкая пословица, къ которой подали поводъ мы ослы, а именно: когда ослу бываетъ хорошо, тогда ходитъ онъ плясать на ледъ. Распространившійся родъ нашъ съ древнихъ временъ соблюдалъ сей досто-

хвальный обычай, и мы не имѣемъ охоты предать его забвенію. Безъ сомнѣнія В. В п. спросите тотчасъ: имѣемъ ли мы для того надлежащія способности? ш. е. *хорошо ли* намъ? На сіе съ радостію и смиренно отвѣтствуемъ: Повѣрьте, намъ теперь чрезвычайно хорошо. Этому есть множество причинъ. Первая: теперь имѣемъ мы всегда вдоволь корму; за нимъ не нужно ходить далеко, ибо на Гамбургскихъ улицахъ растетъ высокая трава въ поясъ, какъ говорятъ люди! — Вторая: знатное уменьшеніе мѣшковъ, которые прежде сего должны мы были посылать на мѣльницы. — Третья: еще большее уменьшеніе людей, навьючивавшихъ на насъ мѣшки, погонявшихъ насъ кнутами, и отъ которыхъ должны мы были бѣгать. — Четвертая: удовольствіе встрѣчаться несравненно чаще прежняго съ такими людьми, которые не гнушаются нами, нравы наши находятъ достойными похвалы и выраженіе: *ерубый оселъ!* не почитаютъ бранью, а способностію, достойною подражанія; въ чемъ и вы сами В. В п. отдаете намъ примѣрную справедливость. Пятая: полученное нами удовлетвореніе за долговременное ругательство, ибо выраженіе — *глупый оселъ!* относится теперь къ такимъ только людямъ, которые не хотятъ вѣрить, чтобы они сотворены были на услугу Французамъ.

Коротко сказать не было бы конца сему прошенію, естьлибъ мы хотѣли доносить вамъ о всѣхъ большихъ и малыхъ причинахъ, доставляющихъ намъ *хорошее* житье и ревностное желаніе сдѣлать на льду выпляску. В. Вп. по себѣ знаете, какая это пріятная забава; ибо вы сами изволили плясать на льду въ Россіи, а козаки подъигрывали подъ вашу пляску: почему мы и ласкаемъ себя пріятною надеждою, что вы не запретите намъ старой нашей забавы. Правда, есть наушники, которые шепнутъ вамъ, что пословица, приведенная въ нашу пользу, имѣетъ еще другій особенный оборотъ, а именно: *когда бываетъ ослу хорошо, то онъ бѣжитъ на ледъ и переламываетъ себѣ ногу.* Наконецъ многіе дерзнули даже приноровить пословицу къ помянутой пляскѣ въ Россіи, хотя ногъ не переломили тогда, но только отморозили ихъ.

Ослиными голосами молимъ В. Вп. не протягивать маленькаго уха вашего къ нашей клеветѣ; ибо пословица дошла до насъ по вѣрному преданію изъ Ноева ковчега, когда наши прадѣды ослы при первомъ морозѣ плясали на Араратской горѣ.

Равнымъ образомъ убѣдительно просимъ В. Вп. отвергнуть постыдной умыселъ,

наковой имѣютъ на жизнь нашу нѣкоторые злодѣи, говоря: когда побьютъ и поѣдятъ всѣхъ лошадей, нашихъ полу-братій, тогда очередь должна дойти и до насъ; а естьли дозволено будетъ намъ ходить на ледъ, то будто мы изхудаемъ отъ пляски. В. В п. не приметe столь кровожадныхъ совѣтовъ, пока еще у гражданина будетъ въ домѣ кусокъ хлѣба, который можетъ онъ отдать, а самъ умереть съ голоду. Ласкаемъ себя надеждою, что вы исполните прозьбу нашу тѣмъ скорѣе, и будете къ намъ тѣмъ благосклоннѣе, что мы, по великому для насъ щастію, имѣемъ нѣкоторыя одинаковыя склонности съ В. В п. естьли нѣтъ въ семъ признанiи лишней гордости. Вы ненавидите людей; мы также ненавидимъ ихъ, ибо они наши мучители, такъ какъ и вы наоборотъ ихъ мучители. Вы ненавидите особенно писателей; мы также ненавидимъ ихъ, ибо мы должны отдавать свою кожу на выдѣлку пергамина, употребляемаго для письма. Вы ненавидите сатириковъ; мы также ненавидимъ ихъ, ибо, кромѣ чертополоха, ничего остраго не любимъ.

Надѣемся, что, изъ уваженiя къ симъ свойствамъ, которыми вы сами дорожите, В. В п. удовлетворите справедливой прозьбѣ

нашей и дадите милостивое повелѣніе Гну. Меру Ридеру, чтобъ онъ дозволилъ всѣмъ ослямъ сего добраго города безпрепятственно кататься и плясать по льду. Мы же съ своей стороны съ благодарностію обѣщаемъ вынести безденежно на себѣ всѣ мѣшки, которые будетъ угодно В. В п. взять еще изъ Гамбургскаго Банка.

Преклоняя съ покорностію уши, пребываемъ

Вашего Высокопревосходительства

готовые къ услугамъ

Гамбургскіе ослы.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

(Замедленіе почты отъ весенней дурной дороги не позволяетъ намъ дожидаться новѣйшихъ извѣстій иностранныхъ. Первая книжка Апрѣля должна быть нынѣ отпечатана, чтобы выйти къ сроку. И такъ наши замѣчанія ограничатся на сей разъ немногими подробностями.)

Мы не будемъ повторять того, что всѣмъ уже извѣстно о военныхъ произшествіяхъ, которыя отъ Февраля до Марта (н. с) текли съ перемѣннымъ щастіемъ оружія; не будемъ повторять о возвратномъ движеніи главной арміи къ Троа и за рѣку Сену, о славномъ отступленіи Фельдмаршала Блюхера на Шалонъ, объ искусномъ раздѣленіи силъ непріятельскихъ, о щастливомъ возобновленіи наступательныхъ дѣйствій, наконецъ о многихъ упорныхъ усиліяхъ, со стороны непріятеля, и неменѣе сильныхъ отраженіяхъ со стороны Союзниковъ. По принятіи великихъ мѣръ и по удачномъ ихъ исполненіи, союзныя воинства двинулись впередъ; новыя побѣды увѣнчали ихъ оружіе; и когда мы пишемъ наши извѣстія, онѣ торжествуютъ, можетъ быть, въ Парижѣ.

Въ Лондонѣ (такъ пишутъ въ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ) получены были 28

Февраля (н. с.) нѣкоторыя извѣстія о пріѣздѣ и посольствѣ Лорда Кастельрега. Первая депеша его писана въ тотъ день, въ которой онъ имѣлъ аудіенцію у Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго; но Россійскій ГОСУДАРЬ выѣхалъ изъ Базеля наканунѣ, оставивъ къ нему письмо весьма благосклонное и лестное. На другой день Лордъ прибылъ въ Везуль, гдѣ онъ представлялся Е. В. Лорды Каткарѣ и Аберденъ, за два дни передъ тѣмъ, пріѣхали въ Шатильіонъ. Коленкурѣ, давно ожидая ихъ, отправилъ къ послѣднему оффиціальную ноту, въ которой изъявлялъ убѣдительное желаніе переговорить съ нимъ на другой день въ назначенный часъ. Лордъ отвѣчалъ ему, что онъ обѣщалъ въ тотъ часъ видѣться съ Лордомъ Каткаромъ, но что онъ готовъ имѣть съ нимъ свиданіе во всякое другое время. Недовольный симъ отвѣтомъ, Коленкурѣ самъ явился съ посѣщеніемъ къ Лорду Каткару, и оставилъ билетъ, въ качествѣ полномочнаго посла отъ Императора и Короля. Лордъ заплатилъ ему визитомъ. Между тѣмъ прибылъ Лордъ Кастельрегъ; и его прибытіе перемѣнило виды Коленкура, который черезъ оффиціальное письмо требовалъ съ нимъ свиданія. Лордъ Кастельрегъ поспѣшилъ на другой день Коленкура; а послѣ конференціи, которая 6 часовъ продолжа-

лась, послѣдній пригласилъ къ обѣду Лорда и другихъ уполномоченныхъ Министровъ. Другія извѣстія говорятъ, что не Коленкуръ, а Лордъ Кастельрегъ далъ первый дипломатическій обѣдъ въ Шатильонѣ (*). Какъ бы то ни было, не смотря на обѣды, Англійскія Министерскія Вѣдомости утверждаютъ, что послѣднія депеши Лорда не обѣщаютъ мира; и возвращеніе Англійскаго Посла въ главную квартиру союзныхъ армій подтверждаетъ послѣднее мнѣніе. О содержаніи первыхъ депешъ отъ 22 Января и вторыхъ отъ 15 Февраля, правительство Англійское еще молчало; а отвѣтъ на депеши Лорда отправленъ уже былъ не черезъ Францію, но черезъ Голландію. Кажется, что Лондонской Кабинетъ не очень довѣряетъ Французскому правительству; и такая черта не польститъ вѣроятнымъ образомъ самолюбію Наполеона! За основаніе мирныхъ переговоровъ, какъ пишутъ, положено было, чтобы Франція возвратилась въ тѣ границы, которыя она имѣла въ 1792 году. Тѣ же Вѣдомости говорятъ, что назначено было еще двумъ Посламъ, Испанскому и Турецкому, пріѣхать на Конгрессъ, но вѣроятнымъ образомъ по вызову и предложенію

(*) См. Der Zuschauer N. 919, стран. 112.

Наполеона, который надѣялся черезъ то затруднить ходъ переговоровъ и завести раздоры. Наконецъ пишутъ, что Конгрессъ рушился. И могъ ли онъ состояться? Скорѣе отучишь пьяницу отъ пьянства, говоритъ Г. Коцебу въ своихъ листкахъ, нежели властолюбиваго отъ страсти къ завоеванію. Мы приведемъ нѣкоторыя мысли сего Писателя о томъ предметѣ, который занимаетъ нынѣ всѣ умы въ Европѣ: „Я всегда сомнѣвался и еще сомнѣваюсь (пишетъ онъ) когда говорятъ о мирѣ съ Наполеономъ. Что будетъ порукою за прочность мира? Его обѣщанїе? Оно намъ извѣстно. Крѣпости? Онѣ не обезпечиваютъ въ нынѣшнее время границы земель и народовъ. Нѣтъ! чтобы пригоповить яишницу, надобно разбить яицы. Это слово, сказанное за нѣсколько лѣтъ передъ симъ однимъ рѣшительнымъ человѣкомъ въ жестокихъ обстоятельствахъ, долженъ повторять теперь каждый Нѣмецъ. Но какъ далеко можетъ въ исполненїи простираться упомянутое изреченїе? Это можетъ только рѣшить мудрость нашихъ Монарховъ. Нѣсколько лишнихъ провинцїй, прибавленныхъ къ Германїи, или у нее отнятыхъ, не составляютъ ничего важнаго, естьли можемъ только жить съ сосѣдями въ мирѣ. Естьли же Нѣмецкїе Принцы

возвратится въ ихъ обыкновенной умѣренности; естьли ядовитаго дерева не вырвутъ съ корнемъ: то я не буду искать другаго отечества, какъ недавно стращалъ насъ Профессоръ Арндтъ, но вѣрно не куплю себѣ имѣнія на берегу Рейна.“ —

Въ Швейцаріи 2 Февраля большій Совѣтъ Въ Луцернѣ отвергнулъ тѣ мѣры къ примиренію города съ селеніями, которыя предложены были въ Цирихѣ; напротивъ того малый Совѣтъ, истребовавъ мнѣнія мѣщанства, принялъ съ его согласія предложеніе Кантона Цирихскаго. Большій Совѣтъ захотѣлъ тогда имѣть на своей сторонѣ крестьянъ того Кантона, и вооруженною рукою принудить маленькій Совѣтъ со всѣмъ мѣщанствомъ отступиться отъ ихъ мнѣнія. Но грозившая междоусобная война остановлена была тѣмъ, что Комитеты мѣщанства и прежняго правленія, подъ предсѣдательствомъ Ландмана Ритимана составили Коммисію подъ именемъ Правительства. Десятокъ человѣкъ овладѣли арсеналомъ, городскими воротами и тѣмъ зданіемъ, гдѣ находилось Правленіе. Члены противной стороны, отданные подъ стражу, объявили, что они хотятъ увѣщать вооруженныхъ поселянъ возвратиться въ дома свои. На другой

день съ ихъ объявленіемъ члены вышли на встрѣчу крестьянъ, идущихъ противъ города, и они возвратились въ дома свои. 18 Числа Коммисія правленія выбрала 30 Членовъ городскихъ и 30 сельскихъ для большаго Совѣта, а 19 прибавила къ тому еще по 20 Членовъ съ каждой стороны. Изъ составленнаго большаго Совѣта образовались маленькой Совѣтъ и Земская Управа; и такъ образованіе новаго правленія, по начертанію Цирихскаго Кантона, приведено въ дѣйствіе. Берискій Кантонъ, для обезпеченія общаго спокойствія, вытребовалъ нѣсколько баталіоновъ милиціи; и Кантонъ Аарау послѣдовалъ тому же примѣру; но объявилъ именно, что сіи мѣры только приняты для того, чтобы не допустить до тѣхъ безпокойствъ, которыя случились въ Луцернѣ.

Заключимъ чертою, которая приноситъ честь вѣку, просвѣщенію и Англійской націи. Въ трактатѣ подписаннаго мира между Велико-Британіею и Даніею постановлено между прочими условіями, что Датскій Король обязывается содѣйствовать къ уничтоженію торга Неграми, и не допускать своихъ подданныхъ до участія въ семъ торгу. Съ какою славою, достойною благоговѣнія, говоритъ Г. Меркель, является

духъ Британскаго Министерства въ семъ постановленіи трактата!

Марта 23 дня.

Москва.

Изъявленіе благодарности къ благотворителямъ.

Елисавета Семеновна Брежинская (*) приноситъ чувствительнѣйшую благодарность души своей почтенному Екатеринославскому Помѣщику, Господину Маіору *Василію Ивановичу Синельникову*, какъ истинному своему благотворителю. „Не могу описать, сколько я одолжена ему! Этотъ добродѣтельный человѣкъ по единому сожалѣнію присылаетъ мнѣ провизію, благотворитъ всему моему семейству, вспомоществуетъ деньгами, одѣваетъ дѣтей моихъ изъ произведеній своей фабрики, и этотъ несравненный въ добродѣтели человѣкъ просилъ всегда меня быть скромною на счетъ его благодѣяній, говоря, что онъ старается дѣлать добро не для свѣта, но по долгу человѣчества. Многіе бѣдные взысканы имъ.“ Это собственныя слова нещастной и признательной женщины изъ ея письма ко мнѣ. Она прибавляетъ: „Онъ не ищетъ благодарности!“ Но благодарность ищетъ сладостнаго удовольствія въ изліяніи своемъ. „Второй по немъ благодѣтельной въ Екатеринославлѣ — продол-

(*) См. № 3 Вѣст. Евр. на 1814 годъ.

жаетъ Гжа Брежинская — есть Коллежскій Совѣтникъ *Дмитрій Степановичъ Криско*, который въ теченіи двухъ лѣтъ никогда въ нуждахъ моихъ не отказывалъ мнѣ, равно какъ и почтенная, достойная его супруга."

К. П. Шаликовъ.

11 Марта 1814.
Москва.

P. S. По окончаніи письма сего, я получилъ для Г-жи Брежинской *шестдесятъ пять* рублей отъ Натальи Сергеевны Канчехазевой, которую отъ имени первой, равно какъ и отъ себя, благодарю чувствительно. — Люди добродѣтельные, которые пожелаютъ вспомоществовать этой злополучной матери семейства, могутъ посылать дары свои на ея имя — *въ Екатеринославль.*

Въ 5 N Вѣстника, на страницѣ 68, сдѣлана ошибка. Вмѣсто: *косами или выпусками земли* (стр. 9) надлежало сказать: *языкомъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ 1814.

№ 8.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СИРОТЫ ВЪ МАЛОРОССІИ,

или

цвѣты: Иванъ и Марья.

Повѣсть.

(*Окончаніе.*)

Въ глубокую полночь отворяется Божій храмъ для страстной и младой четы; рука Священника тайно вводитъ ее подъ сводъ церкви, гдѣ горѣла одна слабая лампада, и запираетъ двери за собою. Уже прекрасная Марья стоитъ передъ олтаремъ съ огненнымъ на щекахъ румянцемъ отъ любви

и стыдливости; уже пылкой Иванъ жаждетъ брачнаго благословенія и смотритъ на царскія двери, какъ на разтворенныя передъ нимъ небеса. Священникъ обручаетъ ихъ кольцами, совершаетъ первую молитву.... О ужасъ! вдругъ стучатся; слышны человѣческіе голоса; раздается громкій вопль, грозятъ выломить двери. Дрожащій Священникъ идетъ самъ отворить ихъ; а блѣднѣющіе любовники бѣгутъ укрыться въ уголъ церкви. Скоро является Благочинный того города, сѣдовласый старецъ, котораго важный видъ возбуждаетъ новый трепетъ въ душѣ бѣдныхъ сиротъ, а за нимъ отецъ Евлампій и старшина Булатовъ съ нѣсколькими полицейскими служителями. Виновнаго Священника и робкихъ бѣглецовъ приводятъ передъ Благочиннаго. По грозномъ допросѣ, на который Священнослужитель могъ отвѣчать однимъ молчаніемъ и раскаяніемъ, Начальникъ отсылаетъ его домой подъ стражею, за то что онъ осмѣлился вѣнчать неизвѣстныхъ ему сиротъ въ ночное время, скрытно и вопреки церковнаго права, принадлежащаго приходскому Священнику того селенія, котораго Иванъ былъ обывателемъ. Сей послѣдній возвышаетъ голосъ, чтобы принести Благочинному прозьбу и жалобу на отца Евлампія; но Булатовъ перерываетъ рѣчь его, а Благочинный удаляется, отдавъ ему

на руки сиротъ, которыхъ дѣло уже не касалось до его духовнаго вѣдомства. Тотчасъ ихъ разлучаютъ. Они смотрятъ другъ на друга жалостными глазами, которые должны были, казалось, тронуть самое грубое сердце, простираютъ другъ къ другу обѣятія, молятъ злодѣевъ смягчиться; ихъ увлекаютъ. „Жестокіе люди гонятъ насъ“ восклицаетъ Иванъ къ Марьѣ въ жестокомъ отчаяніи. — И люди гонятъ и Богъ оставляетъ насъ — говоритъ Марья, залившись слезами.

Ее, какъ вольную женщину, отпустили въ тотъ домъ, гдѣ она нанималась; а его отвели въ селеніе, и посадили въ темницу на десять дней: ибо злодѣйскіе умыслы Булатова положили такой срокъ его заключенію. Этотъ злодѣй свѣдалъ отъ поселянина, что городскій Священникъ у него освѣдомлялся о судьбѣ Ивана и Марьи; возъимѣя нѣкоторое подозрѣніе, онъ бродилъ во всю ту ночь съ Евлампіемъ вокругъ Священническаго дома; и когда увидѣлъ его входящаго въ церковь съ обоими сиротами, послалъ тотчасъ Евлампія къ Благочинному, который любилъ и соблюдалъ строгій порядокъ между церковными служителями. Такъ удалось жестокому человѣку перервать союзъ молодыхъ нещастливцевъ.

Черезъ десять дней, Ивана выпустили изъ темницы, но для того, чтобы приставить его къ обозу, который съ хлѣбомъ отправлялся на другой день въ дальные края Сѣверной Россіи. Булатовъ, которому надлежало слѣдовать за симъ обозомъ до мѣста его назначенія, какъ главному предводителю, опредѣлилъ Ивана въ свои помощники, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы помѣшать любовникамъ видѣться, и можетъ быть въ его отсутствіе обвѣнчаться. Но притворяясь великодушнымъ, злодѣй позволилъ Ивану, по его прозьбѣ, отлучиться на нѣсколько часовъ въ городъ.

Онъ летѣлъ къ своей подругѣ, которая уже нанимала собственный уголъ въ Полтавѣ; ибо послѣ ночнаго произшествія ее согнали со двора хозяевъ, и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не принимали. Марья услышала со слезами, что его отсутствіе продолжится нѣсколько мѣсяцовъ. Любовники передъ горестною разлукою воспылали, казалось, жарчайшею страстію; казалось, что преграды для нихъ постановленныя раздражали любовь ихъ. Съ какимъ сердечнымъ отчаяніемъ говорили безщастные, что они стояли уже передъ олтаремъ, и ожидали только вѣнца; что если бы злодѣи не ускорили нѣсколькими минутами, то бы щастіе ихъ совершилось;

что, наконецъ, имъ грозитъ вѣчная, можетъ быть, разлука: ибо одинъ можетъ умереть въ отсутствіи другаго. На сей разъ они забывали все въ мірѣ, кромѣ любви своей. Съ какою безпечною свободою предавалась Марья пламеннымъ ласкамъ Ивана! Сожалѣніе о его и своей участи, давнишнее и безплодное терпѣніе, столько разъ обманутыя надежды, близкая разлука, послѣднее свиданіе, восторги страстнаго сердца и быстрое упоеніе чувствъ увлекли ее ко слабости. Минута заблужденія востревожила красавицу. „Ахъ!“ говорила Марья отцастливленному другу „я погубила честь свою, но изъ любви къ тебѣ. Не о себѣ жалѣю; жалѣю только о младенцѣ, который отъ насъ родится безъ имени и роду. Его участь быть, также какъ и мы, вѣчнымъ сиротою: ни люди, ни Богъ, какъ я слыхала, не признаютъ незаконнорожденнаго нашимъ младенцемъ, ни насъ его отцемъ и матерью! О ты, мой красавецъ и съ нынѣшняго дня мой супругъ до гроба! ты одинъ мой братъ и отецъ родный, ты знаешь, какъ тяжело не имѣть и не знать своихъ родителей!“ Любовникъ старался успокоить подругу свою. Между тѣмъ приближился часъ разлуки. Горесть была тѣмъ сильнѣе, что за первымъ удовольствіемъ любви слѣдовала такъ скоро долговременная разлука. Они простились.

Въ отсутствіи Ивана Марья молилась, плакала и работала. Женскія рукодѣлья доставляли ей достаточные способы пропитанія. Скоро оказалось слѣдствіе любовной ея связи. Но первая беременность, сердечная печаль, сомнѣніе набожной совѣсти, стыдъ видѣть себя обличенною передъ людьми въ тайнѣ ея слабости, стоили ей очень дорого: она слегла въ постель, нѣсколько мѣсяцовъ была между смертію и жизнію; наконецъ встала, но едва передвигала ноги. Тогда-то, слишкомъ черезъ полгода времени, возвратился наконецъ другъ ея. Какъ радостно было ихъ свиданіе! Марья забыла и боль и муку. Иванъ былъ также страстенъ. Но едва увидѣлась передъ ея домомъ въ присутствіи свидѣтелей на нѣсколько минутъ, и должно было разстаться, ибо дѣла требовали его присутствія въ станицѣ.

Онъ могъ только возвратиться на другой день, и опять не на долго. Иванъ встрѣтилъ Марью на концѣ Полтавскаго предмѣстія, куда она добрела съ великимъ усиліемъ, опираясь на клюку, и скоро на руку милаго друга, котораго не могла дождаться. Это было передъ началомъ весны, въ часъ прекраснѣйшаго утра. Они стояли, ласково державъ другъ друга за руку, и смотрѣли на первую травку, которая на

холмахъ зеленѣла. „Скоро жаворонки выведутъ въ гнѣздѣ птенцовъ своихъ“ говорила Марья“ и скоро я принесу другу младенца милаго, но безщастнаго. Ахъ! у птицъ есть гнѣздо общее; а у насъ нѣтъ его! . . .“ и Марья отвернулась отъ друга, чтобы онъ не видалъ слезъ, катящихся изъ глазъ ея. Но Иванъ, примѣтя ея горесть, сказалъ: — Не плачь, моя красавица, и не крушися; смотри, какъ чисты и свѣтлы тѣ небеса, на которыхъ царствуетъ Господь Богъ нашъ! Ему, Строителю земли и неба, все возможно. Онъ приведетъ насъ и къ гнѣзду и къ покою. — „Дай Богъ“ отвѣчала Марья, „дай Богъ! Но и вѣра страшна для нечистой совѣсти. О мой голубчикъ! мнѣ кажется, что Богъ не проститъ никогда вины нашей; что Его святая милость и благословенїе не будутъ никогда на младенцѣ нашемъ, въ грѣхѣ и до вѣнца рожденномъ. Не Божїя ли рука наказала насъ нынѣшняго утра сердце мое необычайно тоскуетъ; оно замираетъ, какъ листья и трава передъ страшною грозою; нѣсколько разъ прокричала сего дня зловѣщая кукушка и нѣсколько разъ черный воронъ махалъ одинымъ лѣвымъ крыломъ надъ моей головою; не къ добру, говорятъ старые люди. О мой другъ! . . .“ Суевѣрїе любви есть самое

ужасное; оно сообщается скоро отъ сердца къ сердцу. Иванъ такъ испугался сего предчувствія и сихъ примѣтъ, что не имѣлъ силы ободрить любовницу. Они стали оба на колѣни, и долго молились, прося Бога отвратить отъ нихъ бѣды и напасти. Молитва успокоила ихъ немного. Но когда надобно было разстаться, снова ужасъ овладѣлъ ими. „Ради Бога, не покидай меня“ говорила Марья и крѣпко держала за руку Ивана. Онъ напомнилъ ей о работѣ, для которой не льзя было ему не спѣшить въ селеніе. Она перекрестила его съ любовію и страхомъ. Онъ удалился.

Въ полдень послѣ полевой работы на отведенномъ ему участкѣ земли Иванъ заснулъ у рощи. Едва засыпаетъ, и видитъ себя и Марью въ пустынѣ съ терновымъ вѣнцомъ, въ черной одеждѣ и съ прекраснѣйшимъ на рукахъ младенцемъ, осѣненнымъ съ неба золотымъ крестомъ. Вокругъ ихъ глубокая темнота; одинъ младенецъ въ лучахъ и въ сіяніи. Грозныя привидѣнія, какъ тѣни бѣгущія, указываютъ имъ путь, и по дебрямъ ведутъ ихъ въ сѣнь дремучаго лѣса. Внезапно съ рукъ матери улетаетъ воскриленный младенецъ; мать испускаетъ вопль; но съ первымъ воплемъ земля раз-

зѣвается передъ нею. Иванъ хочетъ ее отвести отъ пропасти; но пропасть быстро поглотивъ нещастную, затворяется надъ нею. Тогда огненная рука указываетъ Ивану на растворенныя небеса, гдѣ сидитъ благословенная свыше мать и съ нею рядомъ ангелъ-младенецъ, который съ улыбкой отираетъ ея послѣднія слезы. Вдругъ таинственный голосъ говоритъ: *пробудися!* Сновидѣніе изчезаетъ. Приведенный въ робость, въ ужасъ и въ смятеніе симъ грознымъ сновидѣніемъ, Иванъ идетъ черезъ селеніе къ Полтавѣ, чтобы разсказать подругѣ безпокойный сонъ свой, и успокоиться въ ея объятіяхъ; но ему встрѣчаются дѣла, которыя задерживаютъ его до вечера. Тогда онъ видитъ, что за нимъ примѣчаютъ, и даже стерегутъ его издали. Скоро приставляютъ къ нему карауль. Онъ спрашиваетъ; ему не отвѣчаютъ. Такъ ночь проходитъ. Поутру его схватили, оковали желѣзами и на телѣгѣ отправили изъ селенія.

Въ тотъ утренній часъ, въ которой совершалось злодѣйское похищеніе, Марья сидѣла на улицѣ и ожидала друга. Вдругъ по мостовой гремятъ обручи колесъ и подковы лошадиныхъ ногъ. Марья обращаетъ взоры на ту сторону; что же ей представляется? Тройка скачетъ; въ телѣгѣ ле-

житъ полумертвый человѣкъ съ желѣзами на рукахъ, и этотъ человѣкъ есть другъ ея. „Постой!“ кричитъ Марья въ безпамятствѣ, и бросается навстрѣчу несущихся коней; но отъ слабости падаетъ къ ихъ бурнымъ копытамъ, засыпавшимъ ее пылью и прахомъ — едва колесо не задавило ее. Облако пыли разсѣявается, но телѣга ускакала уже изъ виду, и стекшійся народъ видитъ Марью въ изступленіи. Она катается по землѣ, ломаетъ руки, терзаетъ грудь свою, и черезъ нѣсколько минутъ бѣжитъ съ мертвымъ лицемъ, съ растрепанными волосами, съ окровавленной грудью искать тѣни друга. Но гдѣ? не знаетъ; ходитъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу; каждому встрѣчающемуся человѣку смотритъ въ глаза, съ униженіемъ ему кланяется, жметъ его руку, и жалобно проситъ сказать, куда скрылся другъ ея? Какая вина заслужила ему такое наказаніе? кто имѣлъ власть осудить добродѣтельнаго сироту на участь послѣдняго преступника? Самъ народъ, видя ее состояніе, извявляетъ къ ней сожалѣніе; всякой трогается, а никто не можетъ отвѣчать на ея вопросы. Наконецъ сострадательные люди отводятъ нещастную домой, гдѣ глубокое забвеніе усыпляетъ на часъ ея страданія.

На другой день она узнала отъ одной доброй старушки, пришедшей въ городъ изъ

Козацкой слободы, нещастнѣйшія вѣсти о своемъ другѣ. Тогда Россія объявила войну Польшѣ. Въ окрестностяхъ Полтавы составлялась многочисленная армія подъ начальствомъ Гетмана, чтобы выступить въ походъ съ первыми днями весны. Наборъ воиновъ производился съ великою скоростію, и волостные начальники получали отличныя награжденія за пріумноженіе военныхъ людей. Сколько для награды, столько и для мщенія, Артемій Булатовъ донесъ начальству, что есть безродный сирота, видный собою, способный къ службѣ. Сіе донесеніе, врученное областному Воеводѣ, было доведено до свѣденія Гетмана, который, въ шумѣ военныхъ обстоятельствъ, приказалъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія записать его въ козацкій полкъ, и докладчику поручено было представить новаго воина къ мѣсту его назначенія. Это извѣстіе, во всѣхъ подробностяхъ справедливое, сразило Марью; однакожъ, не смотря на женскую робость и на приближающійся срокъ родовъ своихъ, она рѣшилась слѣдовать за своимъ любовникомъ, куда бы то ни было. Но тотчасъ не могла исполнить своего намѣренія; ибо пролежала двѣ недѣли больною отъ сильнаго воспаленія въ крови. Едва оправилась, и начала собираться въ дорогу, чтобы догнать армію, которой по слухамъ надлежало скоро выступить.

Въ 9 часу вечера, наканунѣ дня ея выхода, Артемій Булашовъ, который нѣсколько уже ночей сряду бродилъ вокругъ ея жилища, не безъ умысла приближался и на сей разъ подъ вѣрнымъ прикрытіемъ ночи. Марья не ложилась еще спать, но заперла дверь свѣтлицы и погасила огонь, ибо восходилъ мѣсяцъ. Злодѣй находится уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, съ злодѣйскимъ намѣреніемъ погубить женскую честь и добродѣтель. Луна восходитъ выше, и освѣщаетъ передъ нимъ окно Марьинаго терема. Вдругъ онъ видитъ съ ужасомъ, что тѣнь ея сильно движется, машетъ рукою, грозитъ ему привѣщенною къ рукѣ цѣпью. Злодѣй, считая себя изобличеннымъ въ тайномъ умыслѣ, останавливается; но въ самомъ дѣлѣ Марья только молилась передъ Образомъ и поднимала руку съ четками, чтобъ перекреститься. Совѣсть злодѣя имѣетъ свои ужасы. Нѣсколько разъ онъ содрогался отъ взмаху грозной руки и мельканія бѣглой тѣни; но скоро, устыдяся своего малодушія, перескочилъ черезъ заборъ, и по лѣствицѣ прокрался къ двери свѣтлицы ... Кто могъ бы видѣть на ту минуту черныя пятна лица его, судорожную улыбку блѣдныхъ губъ, свирѣпость очей, налитыхъ кровію, и внутреннюю сильную лихорадку отъ злодѣйской надежды похитить добычу — тому представился бы страшный образъ адскаго

сластолюбія. Онъ стучится у дверей. Спрашиваютъ, кто тамъ? Злодѣй молчитъ. Въ темной, но сладкой надеждѣ, Марья говоритъ ангельскимъ голосомъ, воспаляющимъ Булатова: „Не ты ли, о мой милый другъ!“ — Я, — отвѣчаетъ въ полголоса злодѣй съ намѣреніемъ обмануть ее. Марья, усомнясь нѣсколько въ голосѣ, медлитъ; но рѣшается наконецъ отпереть въ мечтѣ обнадеженнаго сердца; рука ея отворяетъ дверь — и вдругъ Булатовъ передъ нею. Она ахнула, а онъ, замкнувъ дверь за собою, приставилъ ножъ къ ея груди. „Молчи“ говоритъ ей безсовѣстный, „или ты погибла!“ и грозя ей убійственнымъ орудіемъ въ одной рукѣ, ласкаетъ ее другою и не стыдится предлагать на выборъ, или невольную жертву, или безчестное согласіе. Добродѣтельная сирота не замолчала бы передъ его угрозами, когда надлежало выбирать или смерть, или вѣчный позоръ; но остатокъ слабости, тягость беременности, нечаянность сего случая, страшное ея положеніе въ объятіяхъ изверга во мракѣ ночи и въ уединенной свѣтлицѣ отняли у ней на минуту и силу и голосъ. Она складываетъ руки, и склоняетъ голову съ видомъ умиленной прозьбы къ чудовищу. Казалось, что ликъ чистаго Ангела преклонился передъ соборомъ адской тмы и силы. Луна, выравнившись у самаго окна, ярко освѣтила всѣмъ своимъ

сіяніемъ стоящую передъ нимъ красавицу. Кровавые и алчные взоры его пожираютъ прелести, не для злодѣя сотворенныя; и онъ влечетъ жертву не на ложе удовольствія, а на одръ смерти. Но Марья восклицаетъ: „Злодѣй! знай, что я замужемъ! и хожу насносѣхъ.“ Она надѣется симъ признаніемъ охладить чувственнаго человѣка. Все напрасно. Два раза она вырывалась изъ рукъ его, и два раза онъ догонялъ ее. Въ послѣдній разъ она крѣпко держалась рукою за полку, на которой стоялъ образъ распятія, произнося съ вѣрою: „Спаситель! Спаситель! защити меня!“ И вдругъ обрушилась полка. О Провидѣніе! Другія иконы уподаютъ на землю; а образъ распятія на грудь злодѣя съ ударомъ и съ глубокою язвою. Онъ застенялъ отъ жестокой боли; а Марья, въ ту минуту усвользнула изъ рукъ его и скрылась изъ свѣтлицы. Злодѣй не могъ уже догнать ее. Онъ спѣшилъ удалиться, чтобы не застали его въ свѣтлицѣ. Такъ Богъ вывелъ Марью изъ крайней опасности.

Она провела ночь въ самомъ скрытномъ мѣстѣ дома въ трепетѣ и страхѣ, чтобы вѣяніе вѣтерка не донесло ея дыханія къ Булатову, чтобы шорохъ листочка не означилъ мѣста ея убѣжища. Безвинная такъ дрожала, какъ надобно только было дрожать сему адскому преступнику; но

когда утренній свѣтъ разлился, она возвратилась не безъ отвращенія въ покой, недавно осквернённый присутствіемъ злодѣя. Хозяйка совѣтовала ей объявить въ городѣ о ночномъ произшествіи; но Марья не умѣла и не смѣла заводить дѣла; къ тому же сердце влекло ее къ другу. Она опослушала тотъ день обѣдню; послѣ обѣдни съ паперти перекрестилась на Соборъ, поклонилась на всѣ четыре стороны добрымъ людямъ, и вмѣстѣ съ нѣсколькими богомолками вышла изъ Полтавы по Кіевской дорогѣ.

На первомъ ночлегѣ она узнала, что ополченіе выступило въ походъ и что ему надлежало проходить завтрашнимъ утромъ черезъ селеніе, гдѣ она расположилась для ночнаго отдыха. Ночь прошла для нее въ тоскѣ и ужасѣ. Передъ солнечнымъ восхожденіемъ, когда шумная толпа народа бѣжала на большую дорогу смотрѣть на шествіе ожидаемаго войска, Марья слѣдовала за другими, и слышала вокругъ себя страшныя рѣчи о грозныхъ воинствахъ, о смертоносныхъ орудіяхъ, о пальбѣ, сѣчѣ и битвѣ. Но какъ увяло лице ея и затрепетало сердце, когда блестящее вдали оружіе и глухій конскій топотъ возвѣстили приближеніе воинства. Ясный утренній воздухъ позволялъ видѣть на обшир-

ныхъ поляхъ стройное шествіе конницы, которой первые ряды скоро вступили въ средину народа. Дрожащая Марья смотрѣла на воинство, желала увидѣть Ивана; но страшилась узнать его въ лицѣ сихъ грозныхъ воиновъ съ высокими шишаками, съ острыми въ рукѣ желѣзами и на бранныхъ коняхъ, пляшущихъ подъ военною трубою. Но сей первый страхъ уступилъ мѣсто другому. Въ скоромъ мельканіи безчисленныхъ лицъ, едва могъ взоръ ея ловить ихъ черты, подобно тѣнямъ, бѣглыя, ей легко было потерять изъ виду образъ милаго человѣка. Сколько она боялась съ начала встрѣтиться съ воинскимъ строемъ, гдѣ стоялъ конечно другъ ея, столько робѣла теперь увидѣть конецъ сего походнаго марша, чтобы съ послѣднимъ рядомъ его не изчезла надежда увидѣть воина-друга. За конницей слѣдовала пѣхота. Тысячи показывались; тысячи скрывались; нетерпѣливымъ взорамъ ея не представлялся предметъ желанный. О! какъ всѣ чувства ея замирали, когда перерывались ряды полковъ! Въ самомъ дѣлѣ двинулся уже послѣдній рядъ; строй выровнялся .... и вдругъ раздался вопль. Иванъ увидѣлъ Марью; онъ рвался къ ней изъ рядовъ; товарищи удерживали его; сама обезпамятѣвшая Марья къ нему кинулась; но ее не допустили. Между тѣмъ скоро

идущій полкъ сокрывался въ облакахъ пыли. Марья плакала на лугу, гдѣ стоялъ другъ ея; сто разъ цѣловала ту землю, на которой не осталось и слѣдовъ его; но скоро, пришедши въ себя, воскликнула: „За нимъ, за нимъ на конецъ свѣта!“ и догнала полкъ его.

Съ того часа и дня она слѣдовала издали за арміей, имѣя отдыхъ и ночлегъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ располагался общій лагерь, и скрывалась въ лѣсу, или въ кустахъ отъ взора свидѣтелей. Послѣ первой встрѣчи она замѣтила уже по шлемамъ, оружіямъ и одеждѣ ту роту, гдѣ находился ея любовникъ; но его самаго не могла издали отличить между многими воинами одного съ нимъ росту и одѣянія, тѣмъ менѣе, что не смѣла близко подходить къ воинскому стану. Ея положеніе было самое трудное и ужасное: будучи насносѣхъ, едва могла она переходить длинные марши и догонять армейскіе корпусы; днемъ, въ часъ полдневнаго отдыха, освѣжала только запекшіяся уста нѣсколькими каплями ключевой воды, потерявъ совсѣмъ охоту къ пищѣ; а ночью, не смѣя заснуть, не смѣя и дышать на краю темныхъ лѣсовъ, боясь и безмолвія полей, и темноты ночи, и шума вѣтровъ, и лѣсу, она успокоивалась только въ то время, ко-

гда могла подъ кровомъ ночи приближаться къ воинскому стану, гдѣ видѣла разложенные костры огня, и слышала на передовыхъ постахъ перекликающіеся голоса часовыхъ; иногда ей казалось, что звукъ любезнаго голоса несется къ ней съ вѣтромъ: въ самомъ дѣлѣ Иванъ стоялъ нерѣдко на карауле и окликалъ мимоходящихъ; но голосъ его замиралъ въ воздухѣ и радость въ сердцѣ нещастной Марьи. Такое плачевное состояніе, далекій и трудный путь, сокрушеніе ума и сердца, изнуреніе тѣлесныхъ силъ, ужасная мысль, что скоро ей надобно родить одной, безъ друга и помочи, довели ее до послѣдняго отчаянія: она задумывалась, впадала въ безпамятство, странствовала за арміей безъ всякихъ мыслей и намѣреній; глаза и щеки ея впали, на сухощавомъ лицѣ распространялась мертвая блѣдность, слабое біеніе младенца подъ сердцемъ означало истощеніе жизненныхъ силъ, неутолимая жажда томила ея воспаленную внутренность. Бѣдная перестала уже остерегаться; иногда сплетала перевязь изъ любимыхъ цвѣтовъ своего имени, и въ семъ нарядѣ, сидя на мшистомъ пнѣ дерева, громко пѣла сложенную другомъ ея пѣснь: *Не воркуй мой голубчикъ;* иногда ласкалась къ тѣни любовника, и просила поля, рощи и горы молчать объ ихъ любовной ласки; иногда, въ совершенной забывчиво-

спи, подбѣгала къ лагерю; но вдругъ удалялась скорѣе молніи отъ взора изумленныхъ воиновъ.

Въ одну глубокую полночь, когда Иванъ лежалъ въ лагерѣ безъ сна, раздается женской поющій голосъ. Онъ узнаетъ и голосъ и пѣвицу. Уже никакія осторожности человѣческія не могутъ удержать его. Онъ крадется мимо спящихъ товарищей, и пользуясь тѣми минутами, въ которыя луна пряталась за облаками, достигаетъ безпрепятственно черезъ цѣпь и мимо стражи до того мѣста, откуда неслся голосъ. Одинъ кустъ отдѣляетъ отъ него невидимку. Онъ обходитъ его, и какая картина представляется его взорамъ! Худая, изсохшая и блѣдная Марья сидитъ на травѣ, съ волосами, раскинутыми по вѣтру, съ перевязью, сплетенною изъ шиповника, и съ обнаженною грудью, до крови уязвленною колючими его иглами. Ея взоры обтекаютъ съ дивимъ ужасомъ ночные мраки, предметы и самаго любовника передъ нею стоящаго; голосъ ея замираетъ, но она съ усиліемъ оживляетъ его, и поетъ. Онъ беретъ ее за руку. Она молчитъ, но смотритъ пристально, всматривается въ черты любезнаго, и вдругъ бросается въ его объятія. Радость любви возвращаетъ ей память и чувство. „Бѣдная!“ восклицаетъ

Иванъ, „гдѣ и въ какомъ состоянїи нахожу тебя? Теперь ни за что тебя не покину. Но, ахъ! намъ должно спасаться; я бѣглый солдатъ.“ Марья подаетъ ему руку. Они идутъ скорыми шагами, углубляясь далѣе въ темную рощу. Густый и непроходимый лѣсъ сокрываетъ ихъ бѣгство; никто ихъ не преслѣдуетъ. Передъ снятїемъ лагеря Гетманъ, увѣдомленный о побѣгѣ одного рядоваго воина, приказалъ за скоростїю только объявить о томъ гражданскому начальству.

Черезъ сутки они остановились для отдыха на одной пустынной равнинѣ, заросшей дикими мхами, колючими терновниками, и вокругъ высокимъ дремучимъ боромъ. Тамъ начала Марья вдругъ чувствовать жестокую муку родовъ. Послѣ великаго страданїя, когда приближался часъ разрѣшенїя, стыдливая подруга удалила на часъ вѣрнаго ея друга и родила прекраснаго, но страждущаго сына. Онъ имѣлъ падучую болѣзнь; жестокїе припадки безпрерывно слѣдовали одни за другими. Когда Иванъ прибѣжалъ на вопль младенца и матери, послѣдняя старалась кормить его грудью, чтобы возобновить въ немъ источникъ жизни; но изсохшая грудь не могла питать младенца, и младенецъ не могъ сосать груди. Прижимая его къ слабо-

бiющемуся сердцу, Марья обращала безпокойные взоры на своего друга, который не могъ принести ей другаго утѣшенiя, кромѣ слезъ и ласки. Черезъ нѣсколько минутъ молчанiя и глубокой задумчивости, она взяла за руку Ивана, и сказала: „Чего я боялась, то и сдѣлалось: Богъ наказалъ младенца за грѣхъ отца и матери. Не долго жить ему; не долго жить и мнѣ; ты положишь насъ обѣихъ въ могилу.“ Но видя плачущаго Ивана, она воскликнула: „Нѣтъ, не плачь! можетъ быть Богъ насъ помилуетъ.“ При семъ словѣ она собрала послѣднiя силы свои, стала на колѣни съ младенцемъ и долго молилась на небо. Настала полночь. Вдругъ младенецъ застеналъ. Она встрепенулася, и воскликнула: „это послѣднiй его голосъ!“ Въ самомъ дѣлѣ младенецъ скончался на рукахъ ея. Ни одной слезы не капнуло изъ глазъ нещастной матери. Холодно давъ ему благословенiе и передавъ отцу мертвое тѣло, она отвернула лице свое, говоря: „Не смотри на меня; Иванъ, лице мое должно быть дико и страшно; я чувствую у сердца смертельный холодъ.“ Она легла на дернъ и заснула.

. . Пока Марья покоилась, печальный любовникъ и отецъ положилъ въ землю мла-

денца и дѣтскую могилу покрылъ свѣжимъ мохомъ. По исполненіи сего долга, онъ сѣлъ въ головахъ спящей. Тутъ быстрое теченіе горестныхъ мыслей привело ему на память страшный сонъ, имъ въ Полнавѣ видѣнный, и онъ ужаснулся, видя передъ собою ту же пустыню, которую видѣлъ во снѣ. Но скоро Марья проснулась и спросила: „Гдѣ тѣло младенца?“ — Предано землѣ, — отвѣчалъ Иванъ съ горестію. „Такъ ему суждено умереть безъ Святаго крещенія, быть похороненнымъ въ пустынѣ безъ молитвы, не быть даже отпѣтымъ по смерти, какъ Христіанину! Ахъ! онъ проклятъ Богомъ! Иванъ! есть ли душа его погибнетъ въ томъ мірѣ, какъ и въ здѣшнемъ? Это убиваетъ меня!“ — Она окинула взоромъ при свѣтѣ мѣсяца окружающее ихъ мѣсто; увидѣла свѣжій дернъ и взрытую землю; пошла къ тому мѣсту съ помощію Ивана и поклонилась у могилы сокрытому праху младенца со внутреннимъ трепетомъ. „Милое, но безщастное дитя“ говоритъ она „ты пострадало за насъ!“ . . . Марья хочетъ еще нѣчто вымолвить; но голосъ ея перерывается. Она взглядываетъ на могилу, на небо, на своего друга, опускаетъ голову на плечо къ нему; кладетъ его руку на свое сердце, молчитъ! . . . Лунный свѣтъ изливается на лице ея, на

которомъ видна тѣнь глубокой горести. . . Мертвое молчаніе царствуетъ въ пустыни лѣса и на устахъ страдальцевъ. Иванъ смотритъ на Марью; но Марья не подаетъ ни голоса, ни знака чувства: взоры ея смутны и неподвижны; дыханіе такъ слабо, что едва не перерывается. . . „О грозный Богъ!“ восклицаетъ Иванъ „о милая подруга моя!“. . . Вдругъ слабый взоръ ея гаснетъ . . . . . она содрагается . . . отчаянный юноша принимаетъ ее въ свои объятія. . . . Марья кончаетъ жизнь.

Такой конецъ имѣла любовь сиротъ, достойныхъ вѣчнаго сожалѣнія. Нещастный Иванъ! онъ не хотѣлъ сокрыть въ безвѣстной пустынѣ драгоцѣнные остатки своей подруги; но рѣшился донесть ее до Полтавы, чтобы похоронить тамъ по долгу и обряду Христіанскому; и съ хладнымъ трупомъ, у сердца его лежащимъ, выбрался на большую дорогу, по которой съ помощію добрыхъ попутчиковъ доѣхалъ до желаемаго города безъ страха и безъ всякаго сомнѣнія. Дорогой нѣкто знакомый говорилъ ему: „ты бѣглый; берегись; тебя схватятъ и разстрѣляютъ.“ — О! естьли бы скорѣе, отвѣчалъ Иванъ, смотря ему въ глаза съ холоднымъ спокойствіемъ. Другой спросилъ его: „кто лежитъ подъ этимъ

покровомъ, отецъ, или мать, или братъ твой?“ — Все мое семейство и всѣ мои радости. — Нѣкто хотѣлъ утѣшать его: „ты не первый нещастный въ свѣтѣ“ — Но послѣдній изъ нещастливцевъ, — отвѣчалъ онъ.

Когда Иванъ приближался пѣшкомъ къ Полтавѣ съ мертвымъ тѣломъ, вокругъ свирѣпствовала грозная буря въ густой тьмѣ, подобной ночи. Случай, или справедливое Богъ хотѣлъ, чтобы на ту минуту Аѳанемій Булатовъ подходилъ къ городу по той же дорогѣ, быстрыми шагами спѣша уйти отъ бури и дождя. Вдругъ яркій и продолжительный блескъ молніи освѣтилъ передъ его глазами мертвое тѣло подъ бѣлымъ покровомъ, и блѣдное лице человѣка, несущаго его на рукахъ. Ему представляются знакомыя черты. Онъ сомнѣвается. Вдругъ сіяніе молніи, разсѣкши тучу и мракъ, озаряетъ передъ нимъ то же явленіе и тотъ же знакомый ему образъ. Онъ не вѣритъ еще сему чудному явленію; но думаетъ съ ужасомъ, что Богъ послалъ къ нему грозное привидѣніе. Въ первый разъ онъ чувствуетъ раскаяніе, произведенное страхомъ; сотворенныя имъ злодѣянія написаны, кажется, на черномъ покровѣ натуры передъ его очами: такъ ясно

представляется ему въ порядкѣ и по очереди рядъ его гнусныхъ дѣлъ. Злодѣй робѣетъ; ибо громъ слѣдуетъ за громомъ, за ударомъ ударъ, за молніей молнія, которая не перестаетъ свѣтить на мертвеца и приближать къ нему движущуюся тѣнь человѣка. Но Иванъ встрѣчается съ Булатовымъ лицемъ въ лицу. Безпрерывное сіяніе молніи позволяетъ имъ видѣть и узнать другъ друга. „Вотъ погубленная тобой красавица!“ восклицаетъ Иванъ. Ужаснувшійся преступникъ хочетъ ободрить себя улыбкою; но едва улыбается, и — громъ убиваетъ его на мѣстѣ. Иванъ, свидѣтель сего случая, не изъявилъ ни удивленія, ни сожалѣнія, ни радости.

Въ тотъ же день, послѣ бури, Иванъ положилъ тѣло во гробъ, пригласилъ городскаго Священника совершить печальный обрядъ, и при стеченіи народа, плачущаго о судьбѣ сироты, при мрачномъ небѣ, одѣтомъ, казалось, трауромъ, при надгробномъ пѣніи, опустилъ прекрасную въ могилу съ сухими глазами; ибо сердце его было мертво.

Начальство хотѣло его задержать, какъ бѣглаго, но оставило въ покоѣ; ибо разсудокъ его приходилъ въ помышатель-

стно. Черезъ двѣ недѣли, передъ концемъ жизни, угасающей безъ страданія и болѣзни, онъ изъявилъ желаніе отцу Евлампію, чтобы тѣло младенца было перенесено изъ пустыни въ Полтаву. Сей раскаявшійся человѣкъ исполнилъ его желаніе. Ихъ всѣхъ троихъ положили рядомъ на монастырскомъ кладбищѣ, не далеко отъ Полтавы.

Говорятъ, что на ихъ могилѣ, донынѣ извѣстной подъ именемъ *сиротской*, вырастаетъ весною множество цвѣтовъ ихъ имени, которые покрываютъ всю могилу однимъ цвѣтущимъ ковромъ, и что молодые любовники въ Малороссіи приходятъ издалека поклониться ихъ праху.

В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ портрету Ивана Ивановича Дмитріева.

Онъ службой знаменитъ равно Царю и Фебу;
Милъ людямъ за талантъ, за справедливость и Небу.

К. П. Ш — въ.

Гл. . . . ѣ Ие. . . . ѣ М. . . . ле.

За милый даръ женѣ мужъ скучными стихами
(Какъ метроманъ!) тебя спѣшитъ благодарить.
Кому, какъ не тебѣ, приличнѣе цвѣтами
Въ знакъ благосклонности дарить?
Ты въ области *цвѣтовъ* царица!
(Безъ всякой лести — ей чужда моя цѣвница.)
Изъ нихъ составленъ тронъ, вѣнецъ и скипетръ твой:
Ты будешь ввѣкъ *алѣть*, какъ въ Майской день Аврора,
Умомъ, любезностью, и сердцемъ, и душой,
И времени на зло, все будешь та же *Флора*.

К. П. Шаликовъ.

1

Стансы на день моего рожденія.

Въ сей день родился я, Богъ знаетъ для чего;
Со мной родился умъ, и путь открылъ къ желанью
Все видѣть, все узнать. — Что знаю? — Ничего.
Въ сей день родился я — къ незнанью.

Въ сей день родился я, и сердце на бѣду
Родилось, чтобъ любить: увы! любилъ я страстно!
Но рокъ знать написалъ мнѣ горе на роду:
Въ сей день родился я — напрасно.

Въ сей день родился я. . . Источникъ всѣхъ щедротъ!
Молю тебя, мой Богъ! молю съ сыновнимъ жаромъ!
Да никогда скажу среди вдовицъ, сиротъ:
„Въ сей день родился я — не даромъ.“

2

Эпиграмма.

Всезнаевъ, каковыхъ вездѣ мы видимъ много,
Судилъ какого-то поэта очень строго.
Тутъ нѣкто возразилъ: „Позвольте мнѣ сказать:
„Чтобъ о талантахъ намъ, какъ должно, разсуждать,
Сначала надлежитъ имѣть намъ вкусъ, познанье;
Безъ нихъ вся критика пустое лишь болтанье.“

— Ба! ба! вотъ вздоръ какой! чтобъ о спи-
хахъ судить
Довольно быть съ ушами. —
„О! естьли такъ, то врядъ кому сравняться
съ вами,
И всякой критикъ вамъ обязанъ уступить.

3

Мой разговоръ съ статуею, поставленною при входѣ въ судейскую.

(*Въ уголовномъ приказѣ въ Парижѣ.*)

За чѣмъ ты за дверьми, бѣдняшька, все стоишь?
Не ужель сей чертогъ ты ввѣкъ не посѣтишь?
„Я сдѣлаю тогда большую неучтивость.“
— Да какъ тебя зовутъ? — „Мнѣ имя *Справедливость.*“

Никол. Иван. Писаревъ.

Пѣвцу Фелицы.

(*Послѣ перваго моего съ нимъ свиданія въ Москвѣ Іюня* 25 1813.)

Сбылось сердечное желанье,
Которымъ я всегда пылалъ!
Сбылось прелестно ожиданье,
Которымъ душу я питалъ! —
О день пріятный, несравненный!
О часъ священный, незабвенный!
Превознесенъ до самыхъ звѣздъ,

Касался тѣхъ блаженныхъ мѣстъ,
Гдѣ храмъ воздвигнутъ Аполлона, —
На высотахъ былъ Геликона! . . .
Я зрѣлъ — какъ сей блестящій богъ,
Всѣхъ Музъ соборомъ окруженный,
Возсѣлъ на тронъ свой возвышенный;
Науки сладкія у ногъ
Его въ бездѣйствіи лежали,
И мановенья ожидали, —
Чтобы восхитить горній міръ . . . .
И вдругъ согласье громкихъ лиръ
Мой слабый разумъ изумило,
Восторгомъ сердце напоило;
И въ сладку нѣгу вся страна
Тогда была погружена. —
Я зрѣлъ, какъ богъ сей улыбался —
И все веселіемъ дышало;
Куда онъ взоромъ обращался —
Туда и всѣхъ сердца влекло.
Вѣщалъ — и до небесна свода
Неслися клики въ честь ему;
Казалося, что вся природа
Внимала богу лишь сему!
Онъ лиру бралъ, и чуть касался
До струнъ — волшебный, дивный гласъ,
Наполнивъ радостью Парнассъ,
Въ странахъ далекихъ раздавался.
Моря и рѣки, и ручьи,
Неся веселыя струи,
Пріятно, сладостно журчали;
Пустыни дикія, что вѣкъ
Въ унылой тишинѣ молчали,
Гдѣ вѣчно не былъ человѣкъ, —
Отъ сей гармоніи чудесной
Имѣли новый видъ, прелестной;
И словомъ, небо и земля,
Казалося, торжествовали —

Хвалу Владыкѣ воспѣвали! . . .
Ахъ! умолчуль теперь и я?
Но, смертный! мыслію пустою
Не обольщаешь ли себя? —
Какъ истина сходна съ мечтою!
Я былъ, *Державинъ!* у тебя.

Ап. Нестеровъ.

Терпѣніе любовниковъ.

Идиллія.

Милонъ, сокрывшися отъ солнечнаго зною,
Покойно отдыхалъ подъ липою густою,
Какъ вдругъ къ нему въ лице изъ розовыхъ кустовъ
Слетѣло множество листочковъ и цвѣтовъ!
Онъ просыпается! — а Дафна въ отдаленьѣ
Готовится въ него еще цвѣты бросать.
Онъ хочетъ къ ней бѣжать — —
Вдругъ новое мученье:
И руки связаны! — и ногъ не шевельнетъ!..
Чѣмъ больше онъ себя освободить старался,
Тѣмъ онъ насмѣшницѣ забавнѣе казался!
„О! это даромъ не пройдетъ“
Милонъ ей говоритъ; „за эту шутку злую
Я двадцать разъ тебя въ минуту поцѣлую!“ —
— Когда же такъ — изволь до утра отдыхать
Въ пріятномъ ожиданьѣ,
Иль дай мнѣ обѣщанье;
Что цѣлой часъ меня не будешь цѣловать! —
Чтобъ больше не томиться,
Милонъ былъ принужденъ на это согласиться.

Тогда, чтобы его плѣнить,
Пастушка на него взоръ страстный обращаетъ,
И руку пастушка ко груди прижимаетъ! —
Но пламенный сей взоръ не могъ его прельстить! —
„Милонъ! я думаю, что часъ ужь окончался?“
Насмѣшница твердитъ. —
— О! нѣтъ, — Милонъ ей говоритъ, —
Онъ только что начался! —
Пастушка страстная еще съ минуту ждетъ,
И послѣ продолжаетъ:
„Когда же этотъ часъ пройдетъ?“
— Еще мы подождемъ — Милонъ ей отвѣчаетъ.
Еще они хотятъ условіе сдержать,
Но въ Дафнѣ болѣе не достаетъ терпѣнья!
И вотъ — она даетъ Милону позволенье
Себя поцѣловать! —
Милонъ колеблется — но пламень измѣняетъ!
Огонь горитъ въ его глазахъ! —
Уже онъ сладость пьетъ на Дафниныхъ устахъ
И за терпѣніе награду получаетъ! —

Саларевъ.

Къ розѣ, нарисованной одною прекрасною дѣвушкою съ Январѣ мѣсяцѣ 1814 года.

Прекрасная рука здѣсь розу рисовала;
Сама природа ей наставницей была;
Жестокая зима все снѣгомъ засыпала,
А роза подъ ея рукою разцвѣла!

П. Араповъ.

II. ИСКУССТВА.

О свободныхъ художествахъ.

Странно, по видимому, что люди облагородствовали пріятныя *искусства* преимущественно передъ *искусствами* необходимыми; но по разсмотрѣніи причинъ найдемъ, что оно справедливо и разсудительно.

Общество, удовлетворя первымъ потребностямъ, занялось удовольствіемъ; но удовольствія обратились наконецъ въ потребность. Наслажденія есть украшеніе жизни; а люди замѣтили, что пріятныя искусства имѣютъ даръ размножать ихъ. Тогда, почитая всѣ искусства полезными и не входя въ разборъ ихъ достоинства, люди смотрѣли только на ободреніе, котораго онѣ и другіе требуютъ, и предложили имъ награду соотвѣтственную склонностямъ и дарованіямъ упражняющихся въ сихъ искусствахъ.

Ободрять труды есть первый предметъ награжденія; а труды, требующіе

обыкновенныхъ способностей, какова тѣлесная сила, дѣятельность рукъ, тонкость органовъ и мастерство, навыкомъ пріобрѣтаемое, имѣютъ только нужду, для обогащенія, въ достачномъ платежѣ. Вездѣ есть крѣпкіе, трудолюбивые и на рукодѣлье способные люди, которые желаютъ трудомъ доставлять себѣ покойную жизнь, и будутъ трудиться для того, чтобы жить.

Для сихъ искусствъ, и самыхъ полезныхъ, относящихся къ первымъ потребностямъ жизни, довольно было предложить въ награду жизнь обезпеченную; и тѣ природныя качества, на которыхъ онѣ основываются, не могутъ имѣть въ предметѣ дальнѣйшаго честолюбія. Душа ремесленника, умъ земледѣльца не питаются мечтами воображенія, и не пылаютъ ревностію къ славѣ.

Но для тѣхъ искусствъ, которыхъ успѣхъ зависитъ отъ разума, отъ дарованія, отъ душевныхъ способностей, а особливо отъ воображенія, надлежало имѣть въ предметѣ не только побужденіе пользы, но и тайное удовольствіе честолюбія, надлежало имѣть награды, соотвѣтственныя разуму и талану.

Отсюда произтекло преимущество свободныхъ искусствъ передъ искусствами механическими, безъ отношенія къ пользѣ, или по отношенію ихъ различныхъ выгодъ къ потребностямъ и къ пріятностямъ жизни.

Такъ было вѣрно сіе опредѣленіе, что въ томъ же и одномъ искусствѣ все, что зависитъ отъ высшей степени понятія и ума, включено въ число свободныхъ искусствъ, тогда какъ поставили въ рядъ механическихъ художествъ все, что предполагаетъ одно физическія способности, или обыкновенный въ народѣ понятія, таково, на примѣръ, различіе между архитекторомъ и каменьщикомъ, между скульпторомъ и литейщикомъ и проч. Иногда отдѣляютъ даже изобрѣтательную и умозрительную часть механическаго художества, чтобы вознести ее на чреду наукъ; а исполнительную часть оставляютъ въ толпѣ безславныхъ искусствъ. Такъ земледѣліе, мореплаваніе, оптика, статика съ одного конца принадлежитъ къ высокимъ наукамъ, а съ другаго къ художествамъ низкимъ.

Свободныя искусства замѣчаются въ краснорѣчіи, поэзіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, гравировальномъ искусствѣ.

По чудному противорѣчію, уважаемыя искусства, и въ самомъ дѣлѣ достойнѣйшія уваженія по тѣмъ способностямъ и дарованіямъ, которыхъ онѣ требуютъ, единственныя изъ искусствъ, которыхъ творенія предполагаютъ разумъ, воображеніе и чувствительность рѣдкую, суть искусства роскоши, искусства, безъ которыхъ общество можетъ быть благополучно и которыя приносятъ ему забавы, зависящія отъ мнѣнія и навыка, или удаленныя отъ природнаго состоянія человѣка. Но что кажется намъ странностію, ошибкою, безпорядкомъ Природы, согласно однакожъ съ тайными ея намѣреніями: ибо необходимое для человѣка для всѣхъ нетрудно и легко; а возможное только для немногихъ, безполезно для великаго числа людей.

Между свободными искусствами однѣ относятся болѣе къ душѣ, какъ поэзія и краснорѣчіе; другія болѣе къ чувствамъ, какъ музыка и живопись. Однѣ имѣютъ образцомъ Природу; ихъ изящество состоитъ въ томъ, чтобы подражать ей вѣрно и въ подражаніи производить нѣчто лучше ее самой: такъ дѣйствуютъ поэзія, живопись и скульптура. Другія выражаютъ только истину, ни чему не подражая; но чтобы достигнуть до цѣли, вооружаются всѣмъ могуществомъ способовъ, къ тому ве-

дущихъ: такъ дѣйствуетъ краснорѣчіе. Иныя подражаютъ чрезъ сходство или аналогію: такъ музыка имѣетъ два органа, одинъ естественный, а другой искуственный, голосъ человѣка и орудія вспомогательныя для голоса, и пробуждающія въ душѣ, черезъ посредство слуха, пріятныя движенія.

По сему видимо, какъ трудно привесть подъ одно начало *искусства*, которыхъ способы, дѣйствія и предметъ имѣютъ такое существенное различіе.

Естьли, какъ предполагалъ одинъ славный музыкантъ, всеобщее начало гармоніи въ Природѣ, то Природа есть только путеводительница, а не образецъ музыки. Всѣ звуки и всѣ стройности въ Природѣ; но искусство состоитъ въ томъ, чтобы соединить ихъ, чтобы составить цѣлое, которымъ бы плѣнялись слухъ и сердца. Но теперь спрашиваемъ: чему уподобляется сей *составъ цѣлаго?* Въ пѣсняхъ ли птицъ, въ звукахъ ли человѣческаго голоса почерпнула музыка основу согласныхъ тоновъ, измѣняющихся по волѣ.

Такое искусство есть, можетъ быть, глубочайшее таинство, человѣкомъ у Природы похищенное. Для живописца довольно

открыть глаза свои, но довольно ли для музыканта склонить слухъ свой ко вниманїю, чтобы имѣть для себя образцы? Правда, что музыка не рѣдко подражаетъ; и украшенная истина есть для нее новая прелесть: но кто ограничитъ ее подраженїемъ и выраженїемъ Природы, тотъ отниметъ у нее дѣйствительнѣйшїя очарованїя, у слуха пріятнѣйшїя удовольствїя. И такъ музыка уподобляется съ одной стороны поэзїи, которая, подражая природѣ, украшаетъ ее, а съ другой архитектурѣ, имѣющей только въ виду тѣ чувства, на которыя она дѣйствуетъ.

Занимаясь наукою искусствъ, надобно помнить всегда ту мысль, что, кромѣ умственныхъ удовольствїй, производимыхъ вѣрностїю и обманомъ подражанїя, каждое чувство имѣетъ свои удовольствїя собственно физическїя, каковы вкусъ и обоняніе; слухъ особливо имѣетъ свои пріятности, для него тѣмъ чувственныя, чѣмъ рѣже онѣ въ природѣ. Изъ тысячи пріятныхъ впечатлѣнїй чувственныхъ, которыя принимаетъ наше зрѣнїе, не достается, можетъ быть, и одного на часть нашего слуха. Кажется, будто предназначивъ сей органъ къ принятїю слова и съ нимъ человѣческой мысли, Природа не разсудила обогащать ее новыми излишними дарами. Все

въ Природѣ сотворено для зрѣнія, и ничего для слуха. За то, изо всѣхъ искусствъ, то, которое всѣхъ удачнѣе споритъ въ изящности съ Природою, есть искусство шоновъ и пѣнія.

Архитектура еще менѣе озабочена подражаніемъ. Какая мысль почитать для нее моделью первый шалашъ дикаго человѣка, укрывающагося въ немъ отъ непогоды! Естьли бы такая хижина, первая черта искусства, могла содержать въ себѣ его начала, то и въ Природѣ онѣ почерпнуты: хижина, какъ и церковь Св. Петра въ Римѣ, была искусственнымъ изобрѣтеніемъ; трудолюбіе произвело первый опытъ, и не льзя разсудительнымъ образомъ предполагать опытъ моделью мастерскаго произведенія. Какъ извлечь изъ хижины чертежъ соразмѣрностей и формъ самыхъ правильныхъ?

Вершина искусства состоитъ не въ колоннахъ, не въ стропилахъ, въ сихъ грубыхъ изобрѣтеніяхъ первой необходимости, но въ опредѣленіи, въ отношеніи между высотами и основаніями, стройности въ цѣломъ, равновѣсія массъ, точности и красивости разрѣзовъ, выпусковъ и окружностей. Разсудокъ ли, аналогія ли, природа ли подала мысль къ сочиненію Коринѳическаго ордена,

самаго великолѣпнаго, пріятнаго и безразсуднаго? Колонны приводятъ на память стволы деревъ, поддерживавшихъ длинныя брусья съ поперечными перекладинами, изображенными язымзомъ. Согласенъ; но гдѣ изобрѣтатель Коринфическаго чина видѣлъ вазъ, окруженный растѣніемъ, поставленный на концѣ древеснаго стебля, и выдерживающій великую тягость? Каллимахъ видѣлъ этотъ вазъ, но видѣлъ его на землѣ, и онъ ничего не поддерживалъ. Употребленіе вазa, въ семъ случаѣ, противорѣчитъ здравому смыслу и вѣроятности; а между тѣмъ такая безразсудность, по мнѣнію знатоковъ, есть богатѣйшее и лучшее украшеніе архитектуры. Завивки или *волуты* Іоническаго ордена также странно введены, и также составляютъ великое украшеніе. Даже по прошествіи двухъ тысячь лѣтъ искусство не могло ничего изобрѣсть лучше и прекраснѣе; архитектура Греческая остается во всей своей невредимой цѣлости; и хотя образцы ея не имѣютъ модели въ Природѣ, сами они пребудутъ, кажется, вѣчною моделью искусства. Отъ чего же? Отъ того, что удовольствіе зрѣнія, какъ удовольствія слуха, зависитъ отъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, а впечатлѣнія отъ нѣкоторыхъ отношеній, Природою положенныхъ между органомъ и предметомъ. Но опредѣлить сіи отношенія зна-

чить не подражать Природѣ, но угадать ея тайну.

Такъ дѣйствуетъ краснорѣчіе; оно не подражаетъ ничему: ораторъ говоритъ самъ собою, сообщаетъ свои мысли, выражаетъ свои чувства; но, имѣя намѣреніе тронуть, просвѣтить, убѣдить, перелить въ наши сердца свои собственныя движенія, обдумываетъ выборъ того, что можетъ скорѣе привести насъ въ движеніе. Здѣсь видно также вліяніе разума на разумъ, дѣйствіе души на душу, отношенія предметовъ къ органу чувства, котораго тайна должна быть извѣстна оратору; и чтобы овладѣть умами, его стараніе должно клониться къ познанію того, что можетъ дѣйствовать на умъ и сердце согласно съ его желаніемъ и намѣреніями.

Въ самыхъ искусствахъ, основанныхъ на подражаніи, какъ въ поэзіи, живописи и проч. важно не заимствовать, но выбирать. Подробности въ Природѣ, но цѣлое въ разумѣ, или геніѣ. Изобрѣтеніе состоитъ въ массахъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго, но которыя не удаляются однакожъ отъ истины. Гдѣ въ Природѣ начало и правило сихъ твореній? Нѣтъ другихъ, кромѣ познанія человѣка, его склонностей и тѣхъ впечатлѣній, кото-

рые предметы производятъ на орудія его чувствъ. Это очевидно въ разсужденіи выбора, смѣшенія красокъ, красоты формъ, чертежа окружностей. Оно есть первый судія изящнаго; и то же вниманіе къ Природѣ, которое указываетъ намъ на звуки, для слуха пріятные, научаетъ насъ выбору предметовъ, пріятныхъ для зрѣнія.

Таже теорія въ отношеніи къ умственной части живописи и поэзіи, которая есть искусство живописать для разума.

Также невозможно объяснять удовольствія мыслей и чувства, какъ удовольствія слуха и зрѣнія. Но ежедневные опыты научаютъ насъ, что способность чувствовать и воображать имѣетъ въ человѣкѣ безпокойную силу, которая требуетъ дѣятельности.

Природа представляетъ намъ въ смѣси, такъ сказать, что питаетъ и что оскорбляетъ чуствительность; а подражаніе имѣетъ въ предметѣ не только обманъ, но и удовольствіе, то есть дѣйствовать на душу, обманывая ее, но дѣйствовать, какъ для нее пріятнѣе. Сей выборъ есть тайна искусства; и ничто въ Природѣ не можетъ насъ научить тому, кромѣ знанія сердца человѣческаго, и тѣхъ впечатлѣній, которыя ему угождаютъ.

Такая разборчивость, пріобрѣтенная наблюденіемъ, руководствуетъ просвѣщеннымъ артистомъ, но равномѣрно управляетъ кандитеромъ, какъ поэтомъ и живописцемъ; и подражаетъ ли, или не подражаетъ искусство, какъ скоро его существо состоитъ въ пріятности, оно основывается на выборѣ того, что угождаетъ нашимъ чувствамъ. Вся разница въ органахъ, которымъ хотимъ угождать, и въ тѣхъ склонностяхъ, которыя искусство производить хочетъ.

Пріятныя искусства, которыя только пробуждаютъ въ душѣ чувственныя впечатлѣнія, какъ искусство кандитора, не будутъ никогда стоять на ряду съ искусствами свободными: послѣднія имѣютъ особенно въ предметѣ слухъ и зрѣніе, которыя пробуждаютъ въ душѣ мысли и чувства, и вотъ по чему общее мнѣніе опредѣлило каждому искусству свое мѣсто и свою чреду.

Съ Франц.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Размышленія изъ Вовенарга.

Ясность украшаетъ глубокія мысли.

❋

Темнота есть царство заблужденія.

❋

Кто хвалитъ всегда умѣренно, тотъ обнаруживаетъ свою посредственность.

❋

Долговременное благоденствіе утекаетъ иногда съ однимъ мгновеніемъ, подобно какъ лѣтній жаръ уносится часомъ бури.

❋

Фортуна требуетъ заботливой жизни. Надобно быть гибкимъ и забавнымъ; добиваться и пронырствовать; не оскорблять самолюбія другаго; угождать женщинамъ и вельможамъ; мѣшаться въ дѣла; приставать къ забавникамъ; скрывать свои тайныя намѣренія; умѣть высидѣть ночь за столомъ и сыграть три бостона, не вставая съ мѣста: но и тогда щастіе не очень еще вѣрно. Сколькихъ непріятностей и скуки могли бы мы себя избавить, есть-

либо одно достоинство выводило насъ ко славѣ и щастію!

❁

Нѣкоторые глупцы сказали сами себѣ за пиршествомъ: *мы составляемъ хорошее общество;* и люди имъ повѣрили.

❁

Кто одѣвается поутру съ великою заботливостію, чтобы ѣхать въ Сенатъ, чтобы видѣть картины славнаго живописца, чтобы явиться на репетиціи новой театральной піэсы, и кто берется судить во всѣхъ родахъ о произведеніяхъ таланта, или искусства, тотъ бываетъ часто такой человѣкъ, которому только недостаетъ ума и вкуса.

❁

Разсудокъ и безразсудность, добродѣтель и порокъ имѣютъ своихъ щастливцевъ. Внутреннее удовольствіе не есть знакъ достоинства.

❁

Глупцы не разумѣютъ умныхъ.

❁

Кто умѣетъ расточать полезнымъ образомъ, тотъ имѣетъ великую и благородную бережливость.

❁

Богатый и бѣдный, никто ни добродѣтеленъ, ни щастливъ, естьли фортуна не поставила его на своемъ мѣстѣ.

❁

Естьли достоинство и слава не творятъ людей щастливыми, то достойна ли сожалѣнія потеря того, что мы называемъ щастіемъ? Согласится ли мужественная душа принять щастіе, спокойствіе, довольство, на условіи принести имъ въ жертву чистоту природныхъ склонностей и пареніе свободнаго разума?

Наши вѣрнѣйшіе покровители суть наши таланты.

Человѣкъ, который не ужинаетъ, ни обѣдаетъ дома, почитаетъ себя занятымъ. И тотъ, кто проводитъ цѣлое утро за туалетомъ, или за важною аудіенціею с[ъ] портнымъ, тотъ смѣется и шутитъ надъ праздностію вѣсповщика, который до обѣда развозитъ по домамъ городскіе слухи и толки.

Кто разсмотритъ жизнь одного человѣка, тотъ найдетъ въ ней исторію всего рода человѣческаго, котораго опытъ и наука не могли сдѣлать добрымъ.

Совѣты старцевъ освѣщаютъ, а не грѣютъ, подобно зимнему солнцу.

Кто строже законовъ, тотъ тиранъ.

Что не вредно для общества, то не подлежитъ суду законовъ.

*

Тотъ не родился для славы, кто не знаетъ цѣны времени.

Молитва уединеннаго.

Благодарю тебя, о Боже мой! что Ты удалилъ меня отъ зараженныхъ развратомъ городовъ, гдѣ сердце безпрестанно вянетъ отъ горестнаго позора бѣдствій человѣчества, или пороковъ, унижающихъ Твое превосходное твореніе. Благодарю Тебя, надѣлившаго меня богатствомъ мудраго, умѣреніемъ желаній и милою посредственностію. Благодарю Тебя, внушившаго мнѣ тихія и чистыя склонности, которыя составляютъ здравіе души, и располагаютъ ее ко всѣмъ кроткимъ и добрымъ впечатлѣніямъ. Въ блаженномъ уединеніи, какъ въ пристани надежной, живу спокойно во время бурь, среди коихъ мятутся прочіе смертные, издали взираю и на кораблекрушенія тщеславныхъ, и на жестокія борьбы совмѣстничества, и на кровавую игру страстей ненасытимыхъ и злобныхъ; вижу, какъ отъ ярости волнъ часто самый нечистый илъ возносится на поверх-

ность морскихъ водъ; вижу, какъ странноприимные челны разбиваются объ острія подводныхъ камней; вижу — и въ тайнѣ сожалѣю о братіяхъ моихъ, которымъ желаю щастія, или, лучше сказать, познанія, въ чемъ оное состоитъ; а самъ, отвративъ взоры отъ оковъ позлащенныхъ, мирно обработываю поля родимыя, чтобъ снова, при воззрѣніи на жатву обильную, благодарить Тебя за награду пріятныхъ трудовъ моихъ.

Творецъ мой! Ты зришь предъ собою смертнаго, который ни въ чемъ не ищетъ щастія, какъ только въ добродѣтели. Утверди сіе намѣреніе въ слабомъ и бренномъ сердцѣ моемъ, которое безъ всесильной помощи Твоей погибнетъ въ бурю страстей! отврати отъ него всѣ благовидныя искушенія порока, сокрой отъ него приманчивую картину щастія злыхъ, да не знаетъ оно другихъ радостей, кромѣ тѣхъ, которыя Тебѣ угодны и за которыми не слѣдуетъ раскаяніе! дай мнѣ еще долгое время наслаждаться простыми, но истинными благами, которыхъ такъ давно желало сердце мое, и для которыхъ я оставилъ столицу и ея приманки, чертоги вельможъ и ихъ роскошныя услажденія, городъ и всѣ блестящія надежды, его одушевляющія! Здѣсь, въ сельскомъ уединеніи моемъ, все, что ни

является предъ моими взорами, все носитъ святую печать отческой десницы Твоей; все играетъ, все улыбается мнѣ во стрѣтенїе и возбуждаетъ во мнѣ ощущенїя сладостнѣйшаго бытїя; созерцая природу, созерцая премудрость Твою, слїянную съ благостїю въ богатыхъ дарахъ ею въ себѣ содержимыхъ; вкушая неизъяснимое блаженство быть полезнымъ меня окружающимъ внушенїемъ имъ непреложныхъ правилъ истины и правоты, любви къ порядку, добродушной честности, прудолюбїя и познанїя Твоихъ законовъ; или, усматривая во всемъ пекущееся о мнѣ Твое провидѣнїе, внемлящее моимъ нуждамъ, предваряющее ихъ и повелѣвающее мнѣ предать себя единой Твоей волѣ; повергаюсь предъ Твоимъ величїемъ, обожаю Твою благость, не умѣю изчислить Твоихъ щедротъ, люблю Тебя, Творецъ мой, и уповаю на Тебя единаго; не вѣряю себя слабой помощи смертнаго; чувствую, что все что не есть *Ты*, есть ничто; слабость, мечта скоропреходящая. Слава, богатство, почести, выгодные союзы, пышныя надежды, — все въ одно мгновенїе можетъ сдѣлаться игралищемъ случая, причиною нашей погибели и ядотворнымъ источникомъ неизцѣлимыхъ немощей.

Боже благости! Боже милосердїя! да изчислятся всѣ дни юности моей доб-

рыми, Тебѣ угодными дѣлами; да приготовитъ весна жизни моей полезные плоды къ ясному ея лѣту; да въ осень дней моихъ, избѣгнувъ Твоимъ содѣйствіемъ опасныхъ стрѣлъ, страстями въ меня направляемыхъ, наслаждусь плодами дѣлъ моихъ; да въ зиму жизни найду еще радости, неизвѣстныя старцамъ, посѣдѣвшимъ въ злобѣ и нечестіи; и на закатѣ дней безбурныхъ, свѣтлыхъ, ясныхъ, съ улыбкою вспомню румяную зарю ихъ, съ улыбкою закрою очи, дабы узрѣть Тебя во всей Твоей славѣ и величіи, и достойнѣе возблагодарить Тебя за спокойное странствованіе на пути, Тобою озаренномъ.

Никол. Иван. Писаревъ.

Рудинки.

IV. СМѢСЬ.

О происхожденіи Альбомовъ

Юная Геба, достигнувши того возраста, въ которомъ юность желаетъ уже нравиться и охотно внимаетъ словамъ привѣтственнымъ, услышала отъ Минервы, что безъ достоинствъ сердечныхъ, преимущества ума и красоты суть такія сокровища, которыми обладаемъ временно, и что вѣрнѣйшее средство для успѣховъ на Олимпѣ состоитъ въ точномъ самопознаніи. — „Какъ же должно поступать при этомъ случаѣ?“ спросила Геба у богини мудрости. — Средство, о которомъ я сказала — отвѣтствовала Минерва — очень простое. Вотъ тебѣ, милая дочь, книжечка съ бѣлыми листочками — почему и назовемъ ее *Альбомомъ*; — ступай къ людямъ; тамъ найдешь Истину: попроси ее, чтобы она въ этой книжечкѣ начертала твой портретъ — Истина никогда не лжетъ, и ты вскорѣ узнаешь самое себя. —

Геба оставляетъ Олимпъ въ ту же минуту — и вотъ уже Геба на земномъ шарѣ.

Первой, кого она встрѣтила на немъ, была Лесть между Амуромъ и Корыстію. Геба со всею откровенностію, и держа маленькую книжку въ рукѣ, разсказываетъ имъ о побудительной причинѣ и единственной цѣли своего путешествія. „Истина“ сказалъ Купидонъ „не искусѣе насъ; къ тому же она живетъ. . .“ и шепнулъ ей на ухо гдѣ. Въ юной Гебѣ оказалось движеніе ужаса. Маленькой лукавой богъ выхватываетъ книжечку, пишетъ, чертитъ, рисуетъ — и вотъ множество любовныхъ куплетовъ, девизовъ, экспромтовъ, шарадъ, каламбуровъ, мадригаловъ, цвѣтовъ, ландшафтовъ — словомъ, бездѣлокъ всякаго рода; и третья доля книжечки вскорѣ исписана, и все будто бы изображало *милую*, *чувствительную*, *благодѣтельную*, *несравненную* Гебу. Лесть въ свою очередь взяла правдивый Альбомъ, и чтобы понравиться невинной Гебѣ, написала именно противное тому, что думала.

Геба все принимала за наличныя деньги, и уже не помышляла объ Истинѣ: такъ самолюбіе ослѣпляетъ насъ! — Немногіе остальные листочки вмигъ были исписаны Корыстію. По окончаніи дѣла, Геба, упоенная радостію, познавши себя совершенно, воскликнула: „Ахъ! теперь

маминька не скажетъ, что я не знаю самое себя!“ И съ пріятностію поблагодаривши своихъ артистовъ, возвратилась на Олимпъ. Наши три обманщика долго смѣялись надъ легковѣрнымъ простодушіемъ невинной Гебы. Минерва не смѣялась. „Но, дочь моя!“ сказала она „во всемъ этомъ вздорѣ я не нахожу ни слова отъ Истины!“ — Ахъ, маминька! я должна признаться вамъ, что Истина не снабдила ни одною чертою моего Альбома, потому что ужасъ овладѣлъ мною, какъ скоро мнѣ сказали только о ея жилищѣ!..

Переведено изъ Альбома юной Клеры. К. Ш — въ.

Извѣстія и замѣчанія.

— Въ Петербургѣ скончался 21 Февраля на 54 году жизни знаменитый Архитекторъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ. Сей Художникъ имѣлъ не только хорошій талантъ, но и хорошій нравственный характеръ. —

Послѣ почтеннаго Доктора Дебу, Медицинскаго Инспектора Свеабургской гавани и Члена многихъ ученыхъ Обществъ, умершаго 8 Февраля, изъ его твореній,

съ отличіемъ принятыхъ общею благодарностію, остались многія диссертаціи, а именно: О заразѣ, которая въ 1766 году свирѣпствовала въ Тосканѣ, гдѣ онъ также находился; О дѣйствіяхъ музыки на чувствительность нервъ; О перекидывающейся молочной болѣзни; о *Spina ventosa* или о внутреннемъ гніеніи костей; О фальшивой килѣ отъ скопившейся воды; О зарожденіи новаго младенца по бышемъ уже зачатіи одного; О простѣйшемъ и кратчайшемъ способѣ врачевать болѣзни хирургическія; Метеорологическая картина болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ С. Петербургѣ въ 1783 году; Защищеніе коровьей оспы; Изслѣдованіе истинныхъ причинъ Апоплексіи; Опыты о водяной, противъ которой употреблялъ онъ съ успѣхомъ винный щелокъ; Записки о трудныхъ родахъ; Медицинская топографія Свеабурга, и проч. Изъ многихъ превосходныхъ рецептовъ его оставилъ онъ одинъ о такъ называемой: *Poudre des tribus;* и ему обязана наука изобрѣщеніемъ искусныхъ Хирургическихъ инструментовъ и снарядовъ. Послѣ него остались важныя рукописи и богатая библіотека, весьма полезная для молодыхъ Врачей, которые, подобно ему, имѣютъ пламенную любовь къ ихъ искусству и человѣчеству. —

Извѣстный съ начала Французской революціи Бенжаменъ де Ребекъ поднесъ Наслѣдному Принцу Шведскому книгу: *De la manie des conquêtes et usurpations relativement à la civilisation Européenne.* (О безразсудной страсти къ завоеваніямъ и похищеніямъ, въ отношеніи къ гражданскому просвѣщенію въ Европѣ.) Наслѣдный Принцъ Шведскій, при благодарномъ письмѣ, прислалъ ему Орденъ *Сѣверной звѣзды.* —

— Одинъ Нѣмецкой Писатель сдѣлалъ недавно въ листкахъ своихъ слѣдующее замѣчаніе: Госпожа Сталь, въ своемъ сочиненіи о Германіи, говоритъ: „Клопштокъ не имѣлъ только творческой силы воображенія. Его изобрѣтенія слабы.“ — — Небо, земля и адъ опровергаютъ сей приговоръ. Онъ населилъ ихъ существами, которыя приводятъ читателя въ удивленіе, и не рѣдко въ восхищеніе. Клопштокъ есть Минель-Анджелій Поэзіи; но имѣлъ гораздо болѣе творческой силы. И что могла читать Гжа Сталь изъ поэта Клопштока? — Довольно сихъ нѣсколькихъ строкъ для инаго читателя, чтобы заставить навсегда бросить ея книгу. —

— Въ Парижѣ умеръ Бернердень де Сен-Пьеръ, Авторъ книги: Les etudes de la nature, и пастушескаго романа: Paul et Virginie. —

— „Да не будетъ свѣта!“ есть не только слово ночныхъ мятежниковъ и хищниковъ, но и всякаго человѣка, который задумалъ злое. Когда Наполеонъ въ Августѣ 1813 года прибылъ въ Лейпцигъ, почтенный и знаменитый Философъ Кругъ былъ тогда Ректоромъ Университета. Въ семъ званіи ему надлежало явиться съ привѣтствіемъ къ похитителю трона. Едва послѣдній увидѣлъ его, и обратился къ нему съ бранью, называлъ Лейпцигскихъ Профессоровъ *иллюминатами* (явное доказательство, что клеветникъ Баррюэль и Обскуранты составляютъ его партію), и велѣлъ ему сказать своимъ Сочленамъ, что они должны учить только Студентовъ склоненіямъ и спряженіямъ, и что этаго съ нихъ довольно: рѣчь, которой не льзя не приписать по крайней мѣрѣ важности, вспомня, что тотъ, кто говорилъ ее, старался всѣми возможными способами стѣснить свободу мыслей и литтературы въ Германіи, Италіи и Франціи, и что онъ убавилъ до третей доли число Парижскихъ типографій.

Кругъ выслушалъ спокойно грознаго властелина, откланялся ему и въ молчаніи удалился; но какъ скоро возможность позволила, написалъ патріотическій вызовъ къ учащемуся въ Лейпцигѣ юноше-

сіяву, разсказалъ ему этотъ случай, потомъ самъ явился подъ знаменами вольно служащихъ, и съ 60 юношами, приставшими къ нему въ Лейпцигѣ, до нынѣ сражается по ту сторону Рейна съ начальникомъ Обскурантовъ за цѣлость законныхъ престоловъ, за справедливость и просвѣщеніе. —

О Московскомъ концертѣ.

(Сообщенная статья.)

Концертъ, данный Гмъ. Морини 6 Апрѣля въ домѣ Степана Степановича Апраксина, заслужилъ общее вниманіе публики какъ музыкою своею, такъ и словами, въ немъ пѣтыми. Не льзя не отдать справедливости искусству Гна. Морини, выражавшаго въ пѣніи добродѣтели Рускаго воина, отправляющагося на брань противъ супостата (*); не льзя не замѣтить безъ истинной признательности словъ, произнесенныхъ Рускимъ Героемъ, требовавшимъ совѣтовъ отъ соотчичей! — Наконецъ побѣдоносная пѣснь съ хорами, во славу безсмертнаго Избавителя Европы привела

(*) Въ большой аріи съ хорами: Se alla patria ognor donai, переведенной съ Италіанскаго языка на Руской, въ честь Рускаго Героя.

въ восторгъ Рускихъ слушателей; тысяча рукоплесканій заставили повторить ее — и какое сердце Руское не повторяло съ хоромъ:

О ЦАРЬ, судьбой опредѣленный
Спасти народы и Царей —
Отецъ, съ отчизной разлученный,
Внемли далече гласъ дѣтей!
О ЦАРЬ-Отецъ, живемъ Тобой,
Ты наша слава и покой!

. . . . . .

Какъ благость, Ты одной рукою
Упадшихъ возставляешь вновь;
Какъ мститель, мещешъ громъ другою! —
Ты въ полѣ Марсъ, Ты здѣсь — Любовь!

. . . . . .

Еще ударъ — и все свершится,
И встрѣтимъ нашихъ благъ Творца! —
Когда Отецъ нашъ возвратится,
Когда узримъ ЦАРЯ Отца!
О ЦАРЬ-Отецъ! живемъ Тобой!
Ты наша слава и покой.

Слова, написанныя господиномъ Сокольскимъ, приносятъ ему честь, похвалу и благодарность отъ всѣхъ Рускихъ.

Ар — ъ.

V. ПОЛИТИКА.

Естественныя границы народовъ.

Недавно Г. Профессоръ Арндтъ выдалъ книгу подъ именемъ: *Рейнъ рѣка, а не граница Германіи* (Der Rhein, teutschland's strom, aber nicht deutshland's grenze), въ которомъ онъ утверждаетъ между прочимъ, что есть одна только естественная граница, а именно языкъ. Богъ положилъ различіе языковъ, чтобы не было на землѣ великаго, празднаго и ничтожнаго стада невольниковъ. Признаюсь, что сіе громкое объясненіе Божіихъ намѣреній для меня непонятно (*).

Различные языки, продолжаетъ сочинитель, постановляютъ естественныя границы земель и народовъ.

(*) Отъ того и мы сдѣлали ошибку, объявленную въ 7 книжкѣ Вѣстника, принявъ слово langue (въ извѣстіи о сей книгѣ, переведенномъ нами изъ *Conservateur*) въ другомъ совсѣмъ значеніи. Просимъ нашихъ читателей извинить заблужденіе, въ которое насъ ввело недостаточное понятіе о всѣхъ возможныхъ теоріяхъ смѣлаго ума человѣческаго! Но можетъ быть замѣчанія Нѣмецкаго критика на эту книгу оправдаютъ нашу вину и наши сомнѣнія.

Естьли языки полагаютъ ограды, то! сіи ограды всегда могутъ передвигаться. Самъ авторъ предвидѣлъ затрудненіе; ибо доказывая, что наши границы за триста лѣтъ передъ симъ назначены были по его правилу, онъ обращаетъ вдругъ мысли на Богемію и Моравію, и признается, что нѣсколько милліоновъ Славянъ принадлежали къ Германіи. Какимъ же образомъ соглашаетъ онъ этотъ случай съ правиломъ своимъ? Онъ думаетъ, что ихъ надлежало присоединить къ ней по тому, что Нѣмецкая земля отвсюду ихъ окружала, и что они остались одною чуждою отраслью отъ общаго корня народовъ прошедшихъ столѣтій. Но по сему положенію природная граница зависитъ отъ воли щастливаго завоевателя, а такая граница не есть природная.

Когда Римляне повелѣвали всѣмъ извѣстнымъ свѣтомъ, и распространили языкъ свой до самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ земли, то они могли бы, какъ завоеватели, сказать: всѣ эти земли предназначены намъ въ подданство самою Природою; ибо на послѣднихъ границахъ земли говорятъ языкомъ нашимъ, и тѣ страны, гдѣ языкъ нашъ не въ употребленіи, должны намъ повиноваться, какъ страны, отвсюду окруженныя Римскими владѣніями. Такое заключеніе не можетъ не имѣть

одобренія г. Профессора Арндта; ибо онъ самъ говоритъ: лежащія земли вдоль береговъ Балтійскаго моря по тому принадлежали Германіи во всей силѣ истиннаго права, что храбрые Нѣмецкіе рыцари завоевали ихъ за триста лѣтъ передъ симъ и ввели въ нихъ Нѣмецкій уставъ, обычай и языкъ.

И такъ естьли бы Наполеонъ завоевалъ всю Германію, и ввелъ въ ней, какъ было явно его намѣреніе, Французскій государственный уставъ, обычай и языкъ, то слѣдственно Французы имѣли бы черезъ триста лѣтъ право сказать: Нѣмецкая земля должна принадлежать Франціи, ибо она лежитъ внутри ея природныхъ границъ. Изъ того слѣдуетъ, что всякое неправое дѣло можетъ черезъ триста лѣтъ времени обратиться въ правое; а такое слѣдствіе не очень хорошо. Сочинитель можетъ судить, что Французы имѣютъ случай воспользоваться симъ правиломъ не къ пользѣ нашей, а къ нашему вреду.

Ненавистное право завоеванія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пауком, который, какъ разсказываютъ, будучи запертъ въ коробочкѣ, черезъ нѣсколько столѣтій перераждается въ алмазъ.

Г. Профессоръ самъ вооружается противъ страсти къ завоеваніямъ, которая, по

его словамъ, нарушаетъ порядокъ Природы и все несвойственное приводитъ въ смѣшеніе и въ потрясеніе; а между тѣмъ упоминаетъ съ великимъ усердіемъ о тѣхъ Нѣмецкихъ храбрыхъ рыцаряхъ, которые завоевали берега Балтійскаго моря; но правда, самымъ постыднымъ образомъ. Не имѣли ли тогда права Прусаки, Эстляндцы и другіе воскликнуть къ нимъ: вы нарушаете порядокъ Природы! вы приводите все въ смѣшеніе и въ потрясеніе!

Правда, можетъ многимъ показаться, что авторъ имѣетъ самъ маленькую склонность къ завоеваніямъ, и не льзя не радоваться, что онъ не имѣетъ подъ своимъ начальствомъ 300,000 воиновъ. Тогда онъ могъ бы возходить по исторіи далѣе Цезаря и можетъ быть отыскать Нѣмецкій языкъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его нарѣчія въ предѣлахъ самой Персіи, которая имѣетъ, какъ извѣстно, много чистыхъ Нѣмецкихъ словъ въ своемъ языкѣ.

Мы, бѣдные смертные, которые едва прочитали нѣсколько страницъ изъ великой книги общей Исторіи свѣта, можемъ ли судить, на скольнихъ языкахъ говорено было во всей Германіи до нынѣшняго времени? Сколько слѣдственно разъ естественныя границы перемѣщались? Но гра-

мица, въ самомъ дѣлѣ естественная, должна быть неизмѣнна; ибо сочинитель весьма ошибается, естьли онъ думаетъ, что можно нарушать порядокъ природы, Богомъ предназначенный.

Естьли же языкъ не опредѣляетъ истинной границы природной, естьли горы, моря и рѣки полагаютъ также предѣлы весьма несовершенные, то какія же естественныя границы имѣютъ народы? Совсѣмъ никакихъ.

О слонѣ можно сказать: онъ живетъ только въ теплыхъ странахъ, и о Лапландскомъ оленѣ: онъ разводится только въ Лапландіи; о хлѣбномъ деревѣ можно сказать: оно растетъ только на островахъ Южнаго Океана; о винограде: онъ вызрѣваетъ только въ умѣренныхъ климатахъ: слѣдственно звѣри и растѣнія имѣютъ природныя границы свои; а человѣкъ не имѣетъ ихъ. Послѣдній отличается отъ всѣхъ другихъ тварей способностію жить во всѣхъ поясахъ земли; онъ отличается и тѣмъ, что, хотя бы на скатѣ горы Шимборасо не произрастало ни малѣйшаго моху, Гумбольтъ дерзаетъ восходить еще выше и далѣе. Человѣкъ живетъ на всѣхъ долготахъ и широтахъ, на вершинѣ утесовъ и на днѣ болотъ, даже

подъ самою землею въ золотыхъ рудникахъ Потозскихъ и въ соляныхъ рудникахъ Вилицкихъ; и гдѣ онъ живетъ, тамъ онъ размножается; а гдѣ размножается, тамъ обнимаетъ всѣ окрестности; вытѣсняетъ сосѣдей, или съ ними мѣшается; сообщаетъ имъ языкъ свой, или отъ нихъ языкъ заимствуетъ. Гдѣжъ естественная граница? — Съ такимъ же основательнымъ правомъ можно бы было утверждать, что на парникѣ, засѣянномъ бобами, бобы составляютъ естественныя границы сего парника. Но садовникъ смѣется надъ опредѣленіемъ, перекапываетъ землю, и садитъ по ней капусту.

Нѣкогда море, и на всякой случай пустыня Сагарская, могли служить природной границей; но съ того времени, какъ изобрѣтено судоходство и какъ переходятъ караваны изъ мѣста въ мѣсто, и та граница изчезла. Люди не могутъ быть покойны безъ того, чтобы не распространиться повсюду, гдѣ есть только возможность чѣмъ нибудь завладѣть, или что нибудь себѣ присвоить; ибо Гельвецій говоритъ дѣло, что властолюбіе есть наслѣдственный грѣхъ людей. Безъ сомнѣнія, въ одномъ эта страсть сильнѣе, а въ другомъ слабѣе; но горе, когда сія неизцѣлимая болѣзнь на тронѣ! Тогда люди дожи-

ваютъ до того, до чего мы въ нещастїю дожили. Тогда границы смѣшиваются, подобно разрѣзаннымъ картамъ Географическимъ, которыми дѣти играютъ.

Благодаря Небо, рѣдки въ случаи, въ которые на тронъ попадаетъ жалчайшїй изъ всѣхъ ко власти и въ пріобрѣтенїю.

Но что дѣлать, когда онъ сидитъ на престолѣ? ничего другаго, какъ только его свергнуть, или, когда нѣтъ возможности, подставить шею подъ яремъ съ терпѣнїемъ. Нѣтъ другаго средняго пути. Побѣдить врага мира и покоя? Одинъ разъ, два раза, три раза можно; но онъ возвратится въ четвертый разъ. Я всегда смѣялся и смѣюсь, когда говорятъ о мирѣ съ Наполеономъ. Кто полагаетъ возможнымъ заключить съ нимъ вѣрный миръ, тотъ можетъ быть очень честнымъ человѣкомъ; но тотъ не знаетъ людей. Что можетъ ручаться за прочность такого мира? Естественныя границы Профессора Арндта? Онъ уважаетъ ихъ также мало, какъ хвалимые Г. Профессоромъ Нѣмецкїе рыцари мало уважали берега Балтїйскаго моря, ими завоеванные. Его обѣщанїя? Онъ намъ извѣстны. Крѣпости?

Онѣ не обезпечиваютъ въ нынѣшнее время границъ земель и городовъ; однимъ словомъ, естьли не вырвутъ дерева съ корнемъ, то я не буду искать другаго отечества, какъ стращаетъ насъ Профессоръ Арндтъ; но вѣрно не куплю себѣ имѣнія на берегу Рейна (*).

Коцебу.

(*) Читатели наши вспомнятъ, что мы приводили уже сіи мысли въ нашей предъидущей книжкѣ, по случаю мирнаго конгресса. Мы взяли ихъ изъ этой самой критики Г. Коцебу на книгу Профессора Арндта.

ИЗВѢСТІЯ.

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Апрѣля 13 дня Москва

Парижъ взятъ — безъ кровопролитія. Вся Москва въ движеніи. Всѣ лица разцвѣли отъ радости. Важное произшествіе для Россіи, для Европы, для цѣлаго свѣта! Великая перемѣна въ судьбѣ Царствъ и народовъ! и послѣдствія неизчислимы! Мы ожидаемъ еще подробностей; но знаемъ уже, что Столица Франціи занята 19 Марта; что Всероссійскій ИМПЕРАТОРЪ и Король Прусскій имѣли вѣздъ въ Парижъ; что Генералъ Сакенъ назначенъ Губернаторомъ сего города и что жители надѣли бѣлыя кокарды.

За два дни передъ симъ имѣли мы другое радостное извѣстіе о пораженіи врага на всѣхъ пунктахъ, о его отступленіи черезъ Марну отъ столицы къ крѣпостямъ и о совершенномъ истребленіи двухъ дивизій Магдональдова корпуса, которыя летѣли съ нимъ соединиться; но которыхъ отрѣзали храбрыя наши войска, такъ что ни одинъ человѣкъ отъ Генерала до барабанщика не спасся, какъ сказано въ офиціальномъ извѣстіи. Москва узнала съ любовію и страхомъ, что Августѣйшій нашъ ИМПЕРАТОРЪ въ день 13

Марта самъ велъ Рускихъ орловъ къ побѣдѣ, не щадя жизни своей, столь драгоцѣнной для Его народовъ; въ виду ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА убитъ флигель-Адъютантъ Рапатель; и вѣрноподданные проливая благодарныя слезы, осмѣливаются изъ глубины души своей молить добродѣтельнаго ихъ ГОСУДАРЯ не подвергать опасности священную свою Особу.

Сія великая побѣда, какъ и занятіе Парижа, была слѣдствіемъ многихъ важныхъ произшествій на театрѣ войны въ теченіе послѣднихъ мѣсяцовъ. Мы обратимся къ симъ произшествіямъ, чтобы представить ихъ въ связи и въ общей точкѣ зрѣнія, какъ онѣ описаны въ одной иностранной газетѣ. Наполеонъ, отобравъ 30,000 старыхъ солдатъ изъ Сультовой арміи, множество конскриптовъ и національную Парижскую гвардію, всего до 100,000 человѣкъ, хотѣлъ воспользоваться сими новыми силами, чтобы истребить союзную армію по частямъ. Передовые корпусы Блюхеровой арміи были самые ближайшіе. Онъ напалъ на нихъ. Они отразили нападеніе съ храбростію; но уступили превосходству силъ. Отъ нихъ обратился онъ къ главному корпусу Блюхерову. Сей корпусъ, давъ ему жестокое сраженіе, отступилъ для соединенія съ Іоркомъ и Сакеномъ. Тогда Наполеонъ возвѣстилъ

Франціи, что онъ истребилъ Прусскія и Русскія войска; но между тѣмъ поставилъ обсерваціонный корпусъ подъ начальствомъ Мармонта противъ истребленной арміи, и спѣшилъ къ Сенѣ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ корпусъ Генерала Вреде. Новое кровопролитное сраженіе имѣло то слѣдствіе, что Баварскій Генералъ отступилъ въ порядкѣ. Онъ двинулся еще впередъ, и напалъ на Виртембергскаго Наслѣднаго Принца. Другая кровопролитная битва не принесла ему никакой пользы, кромѣ того, что слабѣйшій непріятель укрылся въ безопасное мѣсто. Главнокомандующій, Князь Шварценбергъ, повелѣлъ всѣмъ частнымъ корпусамъ къ себѣ присоединиться, и самъ медлительно отступалъ, чтобы заманить Наполеона, давъ знать о своемъ планѣ Фельдмаршалу Блюхеру. Наполеонъ, обманутый симъ движеніемъ, слѣдовалъ за Шварценбергомъ до того времени, какъ получилъ извѣстіе, что Блюхеръ, соединясь съ Бюловымъ, Винценгероде и Чернышевымъ, имѣя сообщеніе съ Герцогомъ Веймарскимъ, и составя армію изо 120,000 человѣкъ, которая ожидала еще 80,000 человѣкъ для своего подкрѣпленія, разбилъ стоящій передъ нимъ корпусъ, и прямо идетъ къ Парижу. Тогда онъ оставилъ главную армію; но Шварценбергъ слѣдовалъ за нимъ, и достигъ до города Троа. Но-

вых сраженiя Наполеона съ Блюхеровой арміей между Соассономъ и Леономъ имѣли не болѣе успѣха. Послѣ сихъ неудачныхъ покушенiй свѣдавъ о приближенiи Шварценберга къ Фонтенебло, онъ обратился снова къ сей послѣдней арміи; но оставилъ у Леона 60,000 человѣкъ подъ начальствомъ Нея (*), котораго Блюхеръ атаковалъ и разбилъ. Между тѣмъ Графъ Сен-При занялъ Реймсъ, Блюхеръ дошелъ до Мо, Бюлова корпусъ взялъ Соассонъ. Самъ Наполеонъ бросился на Арсисъ; но претерпѣвъ сильныя пораженiя, перешелъ за Марну и далъ способъ главной арміи соединиться съ Блюхеровой. 10 Тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Винценгероде, преслѣдуетъ Наполеона.

Не менѣе важны успѣхи Веллингтоновой арміи. Когда Фельдмаршалъ узналъ, что Сультъ идетъ на подкрѣпленiе непрiятельской арміи, дѣйствующей противъ союзныхъ силъ вокругъ Парижа, вѣроятно, что онъ тогда двинулся противъ него. Веллингтонъ разбилъ его между Ортесомъ и Ст. Северомъ, и принудилъ отступить за рѣку Гаронну. Занятiе важнаго города Бордо было щастливымъ слѣдствiемъ сей великой побѣды.

(*) Это, кажется, ошибка: тутъ не было Нея. *Изд.*

Женева и Швейцарія находятся, кажется, внѣ опасности. Хотя не подтвердилось еще извѣстіе о совершенномъ истребленіи Французской арміи подъ начальствомъ Ожеро въ слѣдствіе побѣды, одержанной близъ Макона Генераломъ Біанки; однакожъ извѣстно, что сія непріятельская армія отступаетъ черезъ Бургъ, и очистила землю Гексъ.

Въ Италіи дѣла приняли совсѣмъ другой видъ съ того времени, какъ Неаполитанскій Король началъ дѣйствовать наступательнымъ образомъ. Генералъ Нугентъ, тѣснимый превосходною силою, отступилъ близъ Пармы къ Моденѣ; нѣкоторые отряды, далеко двинувшіеся къ Пармѣ, были отрѣзаны; но арріергардъ, подъ начальствомъ Графа Старемберга, прогналъ непріятеля до Реджіо. Наконецъ, когда самъ Неаполитанскій Король принялъ начальство надъ авангардомъ, союзныя войска принудили непріятеля отступить за Реджіо и овладѣли симъ городомъ 8 Марта (н. с.). Передовые посты союзниковъ доходили до Энзы, а Генералъ Гоберъ имѣлъ повелѣніе двинуться къ Гуасталлѣ. Впрочемъ, какъ пишутъ изъ Вѣны отъ 15 Марта (н. с.), не происходило никакой важной перемѣны въ позиціяхъ обѣихъ армій. Главныя силы непріятельскія донынѣ держатся у

сильныхъ своихъ укрѣпленій вокругъ Волты на берегахъ рѣкъ Минчіо и По; а союзныя арміи занимаютъ у Валлегіо правый берегъ Минчіо, готовясь къ переправѣ черезъ сію рѣку, какъ скоро позволятъ обстоятельства.

Естьли въ Голштиніи не видно кровавыхъ битвъ и рѣшительныхъ ударовъ, то можно сказать, что человѣчество обязано тѣмъ благоразумію главнаго начальника, который, будучи увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла, избѣгаетъ безполезнаго пролитія крови. Графъ Беннингсенъ, какъ пишутъ изъ главной квартиры въ Пиннебергѣ отъ 21 Марта (н. с.), довольствуется въ небольшихъ и особливо ночныхъ экспедиціяхъ, доводитъ гарнизонъ до утомленія и до ропота, который, по словамъ многихъ Французскихъ Офицеровъ, перешедшихъ въ нашу армію, давно распространяется въ Гамбургѣ.

На политическомъ театрѣ представляются наблюдателю другія любопытныя произшествія. Пораженный врагъ, которому не удалось поколебать патріотической добродѣтели Кортесовъ и всего Испанскаго народа, обратилъ свои умыслы на Турецкій Дворъ. Тамошній Французской посланникъ Графъ Андреосси (какъ пишутъ изъ Венгріи отъ 3 Марта) имѣетъ

частыя конференціи съ Турецкимъ Министерствомъ на тотъ конецъ, чтобы возбудить Турокъ съ Востоку, и освободить Францію съ Запада; но успѣхъ не соотвѣтствуетъ желаніямъ. Нѣмецкая газета, изъ которой беремъ сіе извѣстіе, замѣчаетъ, что Диванъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Турецкой Имперіи не примется за оружіе; ибо никогда не имѣла она столько нужды въ тишинѣ и мирѣ. Въ Азіи и въ Африкѣ остались еще печальные слѣды недавно бывшихъ безпокойствъ; въ другихъ мѣстахъ ея владѣній безпокойства продолжаются и донынѣ. Въ Европѣ дѣла ея находятся не въ лучшемъ состояніи. Султанъ лишился своихъ доходовъ въ Молдавіи и Валлахіи; Сербія и часть Булгаріи обращены въ пустыню; и южный берегъ Дуная до самаго моря долго еще не оправится отъ послѣдней войны съ Россіей. Къ тому же со времени трехъ лѣтъ великія переселенія изъ Турціи въ Россійскія и Австрійскія земли убавили часть народа примѣтнымъ образомъ.

КОНЕЦЪ LXXIV ЧАСТИ.

Отъ Издателя.

Просимъ сочинителя присланной въ Вѣстникъ пѣсны, подъ названіемъ: *Къ другу стихотворцу*, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя; ибо мы поставили себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло правъ Издателя, и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ Публики.

Увѣдомленіе

о нещастныхъ.

— Оставшаяся вдова послѣ умершаго Діакона при церкви Георгія въ Грузинахъ, Екатерина Иванова, съ двумя малолѣтными дѣтьми, лишилась дому, и не имѣетъ нынѣ пропитанія. Она живетъ, Мясницкой Части, перваго кварщала, въ домѣ Священника церкви Архангела Гавріила, у Меньщиковой башни.

— Оберъ-Офицерская жена, Марья Семеновна Попова, имѣетъ трехъ дочерей и одного сына въ арміи; до нашествія непріятеля жила однимъ подаяніемъ; но, потерявъ во время непріятеля и послѣднее, что имѣла, осталась безъ всякаго способа жизни. Теперь она имѣетъ жительство въ деревнѣ Генералъ-Маіора Шереметева, въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской Губерніи, Горбашовской округи.

— Изъ дворянъ Иванъ Ильинъ сынъ Калмаковъ, начавъ службу свою въ Коммисіи Московскаго Коммисаріатскаго Депо унтеръ-офицеромъ, перешелъ съ тѣмъ же чиномъ въ Охотскій нѣхотный полкъ, гдѣ и произведенъ въ подпрапорщики; оттуда командированъ для курьерской ѣзды къ Князю Прозоровскому во время Турецкой кампаніи; потомъ находился у Князя Багратіона въ той же должности; былъ посыланъ съ разными депешами за рѣку Дунай до города Измаила, но не доѣзжая до назначеннаго мѣста, занемогъ на дорогѣ и лежалъ въ полѣ на казачьей станціи въ осеннее время три недѣли безъ всякой помощи; на-

конецъ лишась зрѣнія, былъ помѣщенъ въ Гиршавской военный Гошпиталь; потомъ, по свидѣтельству Докторовъ о неспособности его продолжать службу, уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чина, четырнадцатаго класса. Теперь ему отъ роду 23 года. Послѣ родителей осталось у него имѣнія по нынѣшней шестой ревизіи три души, а долгу осталось до 400 сотъ рублей, котораго выплатить не имѣетъ никакого способа. Онъ живетъ на Тверской у Сидора Волцова, служащаго Архитекторскимъ помощникомъ въ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, въ домѣ Главнокомандующаго.

(Сообщено отъ Елены Сергеевны Шереметевой.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Моимъ дѣтямъ. - - 3
Сновидѣніе. - - - 18
Аполлонъ и Дафна, или какъ любятъ поэты. Повѣсть. - 81
Сироты въ Малороссіи, или цвѣты: Иванъ и Марья. Повѣсть. - - - 163 и 251

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь Рускаго воина передъ сраженіемъ. - - - - 28
Къ милой въ одеждѣ рашника. - 30
Зарокъ. - - - - - 32
Къ Ек. Ал. Пр...вой. - - 33
На пораженіе Французовъ и Наполеона подъ Бріенной 26 Января 1814 года. - - 35
Къ Е. Ѳ. Салмановой. - - 36
Посланіе къ Воейкову. - - 97

Стран.

Мужикъ, мыши и котъ. Басня. 106
Отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ. - - - - 204
Посланіе къ Д. В. Дашкову. - 208
Лесть, ода. - - - 212
Стихи въ Альбомъ жены моей. 215
Отвѣтъ на вопросъ. - - 216
Къ портрету Ивана Ивановича Дмитріева. - - - 277
Гл. . . ѣ Ив. . . ѣ М. . . . ле. —
Стансы на день моего рожденія. 278
Эпиграмма. - - - —
Мой разговоръ съ статуею, поставленною при входѣ въ судейскую. - - - 279
Пѣвцу Фелицы. - - - —
Терпѣніе любвниковъ. - - 281
Къ розѣ, нарисованной одною прекрасною дѣвушкою въ Январѣ мѣсяцѣ 1814 года. - - 282

II. НАУКИ.

О новой книгѣ: Исторія Медицины въ Россіи, сочин. В. М. Рихтеромъ и проч. - - 37
Три великіе Натуралиста. - 108

III. ИСКУССТВА.

О свободныхъ художествахъ. - 283

IV. ЛИТТЕРАТУРА.

Путешествіе Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Митрополита Московскаго, въ Кіевъ. 42

Стран.

Записки о жизни Ник. Никол. Б. Каменск., управлявшаго Московск. Архив. Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. - - 114

О новой книгѣ: Училище благочестія, или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, и проч. Часть I. С. П. 1813 года. - 217

Размышленія изъ Вовенарга. - 294

Молитва уединеннаго. - - - 297

V. СМѢСЬ.

Некрологія. - - - 61

Новыя для изданія достопамятностей Россійскихъ пожертвованія. - - - - 135

Извѣстія, черты и проч. - - 227

О происхожденіи Альбомовъ. - 301

Извѣстія и замѣчанія. - - 303

О Московскомъ концертѣ. - 307

VI. ПОЛИТИКА.

Рѣчи Наполеона въ 1809 и Рѣчи его же въ 1813. - - 63

Нѣмецкія сочиненія относительныя къ исторіи нашего времени. - - - - 65

Письмо Офицера изъ Бреды, отъ 16 Января 1814. - - 147

Феноменъ. - - - - 233

Отъ Гамбургскихъословъ къ Маршалу Даву прошеніе. - 237

Естественныя границы народовъ. - - - 309

Стран.

Извѣстія о послѣднихъ произшествіяхъ. - - 71, 147, 243 и 317
Отъ Издателя. - - - - 324

Увѣдомленіе о двухъ нещастныхъ семействахъ. - - - 161
Изъявленіе благодарности къ благотворителямъ. - - 240
Увѣдомленіе о нещастныхъ. - 325

ОПЕЧАТКИ

въ NO 7 Вѣстника Европы.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
285	17	*отбараниваетсл*	отбраниваетсл
217	13	*добродѣтели*,	добродѣшели.
249	посл.	*благодѣтельный*	благодѣшель мой.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

HALL USE